Война от первого лица

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Генеральный директор ООО «Артофвар»:
Аркадий Бабченко

Главный редактор:
Илья Плеханов

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн обложек:
Николай Дихтяренко

Дизайн и верстка:
Оксана Мисирова

Корректоры:
Анна Кунарева, Иван Николаев

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
www.navoine.ru
E-mail: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ОАО «Дом печати — Вятка»

Подписано в печать:
04.05.2008

В Москве журнал можно приобрести:
Магазин «Фаланстер».
М. Гнездниковский переулок, д. 12/27, стр. 3.
Тел. 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва». Тверская ул., д. 8.

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4.

В С.—Петербурге журнал можно приобрести:
WWW.7-62.RU («7,62»)
ул. Львовская д. 8.
Т/ф. (812) 541-0207, 541-2594

Магазин Военно-туристское снаряжение
Кронверкский пр. д.31.
Т/ф. (812) 232-26-82

Архангельск, «Дом книги», пл.Ленина 3.

Интернет-магазин «Центрмаг»
www.centrmag.ru, тел. 754-33-22

ГЛАЗА ЛЮБОГО СОЛДАТА

«Every soldier's eyes». Рассказ под таким названием написал Джонни Хатчерсон, ветеран Вьетнама.

Ничто не меняет мировоззрение так, как война. Она переворачивает шкалу ценностей с ног на голову. Или наоборот — с головы на ноги.

Может пройти и двадцать, и тридцать лет, но ты по-прежнему в большей степени останешься солдатом, чем писателем, журналистом, мужем или отцом. Смотришь на мир её глазами, меряешь людей ее мерками, воспринимаешь события так, как воспринимал бы их там. В твоем мире по-прежнему нет полуправды, как нет полужизни и полусмерти. Полуправда — это не маленькая правда. Полуправда — это большая ложь.

И те забытые понятия, не принятые к употреблению в этом мире, навсегда становятся для тебя основополагающими. Честь, долг, мужество, совесть, самопожертвование, предательство, убийство, смерть, жизнь...

Война не делает человека лучше или хуже. Просто она снимает все напускное и оголяет его сущность. Человек становится тем, кто он есть на самом деле. И ни деньги, ни золото, ни машина или счет в банке не смогут уже прибавить ему веса или отнять его. Он весит ровно столько, сколько весит. Не больше, но и не меньше.

Мальчишки, в восемнадцать лет познавшие то, что человек должен познать лишь к старости...

Ты смотришь уже не в зеркало души. Ты смотришь прямо в душу. Она оголена.

Мы знаем о жизни несколько больше, чем другие.

Проходит десять, двадцать, тридцать лет... И война вдруг сама находит тебя. Проступает в толпе этими глазами и смотрят прямо на тебя. Остался ли ты и здесь тем, кем был, или стал тем, кого ненавидел там?

Других войн не бывает. Бывает лишь другое время и другое место. Все войны похожи. Как и глаза тех, кто прошел через них. Время от времени в толпе ты вдруг сталкиваешься с таким же взглядом, который ты сам видишь каждый день. Утром в зеркале.

Глаза любого солдата.

Это глаза войны.

Читайте.

От редакции 1

ЧЕЧНЯ

Денис Бутов
«Дедушка Кузя» 4

Алексей Наумов
«Клоп» 7

Алексей Суконкин
«Город Грозный. Колян» 9
«Бамут 95-го. Игорек» 11

Константин Семенов
«Грозненские рассказы» 16

Вячеслав Немышев
«Буча» 21

МОСКВА-400

«Письмо в редакцию» 28

ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ

Аркадий Бабченко
Надежда Яцина: «Показали мне косточку — вот ваш сын» 29

ИНТЕРВЬЮ

Борис Петров
«Честь имею»
Беседовал Раян Фарукшин 31

АФГАНИСТАН

Артем Шейнин
«Валера» 36

Олег Хандусь
«Мародеры» 39

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Мохаммад Юсуф
«Еще один Вьетнам»
Перевод с немецкого Дмитрия Кузина 46

ПЕРЕВОД

Патрик Бишоп
«Бой на кукурузном поле»
Перевод Анатолия Филиппенко 50

ПО ПЕРИМЕТРУ

Ашот Бегларян
«Орел», «Жажда жизни», «День рождения» 53

ЮГОСЛАВИЯ

Александр Тутов
«Доброволец» 57

«Война норвежского албанца»
Беседовал Иван Николаев 58

ИНТЕРВЬЮ

Николай Колесник
«Мы защищали Ханой»
Беседовал Урал Сулейманов 62

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Михаил Евстафьев
«Предвестник войны» 67

ПОЭЗИЯ

Константин Семенов 68

Татьяна Лифанова
«По дороге с рынка или БТР-74»
«Что ж позоришь-то меня...»
«Опять летит...» 68
«Свобода Ичкерии...» 69

Роини Андрейчук
«Твое сердце в Герате» 69

Иван Тараненко
«Парни России» 69

АНТОЛОГИЯ ВОЕННОЙ ПЕСНИ

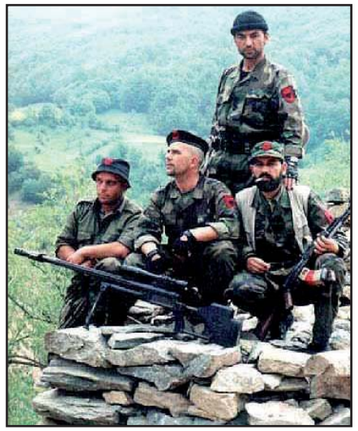
Наталья Плотникова
«Жизнь опять окажется сильней» 70

ПАМЯТНИКИ

Юрий Родыгин
«Мемориал под Симбилеем» 71

РЕЦЕНЗИИ

О книге Ильи Плеханова
«За бруствером строк» 72



Денис Бутов

Ефрейтор. Участвовал: Чечня

http://navoine.ru/autors/butov-denis

ДЕДУШКА КУЗЯ

Коля Булкин ехал отдавать долг Родине. Автобус, дымя и попердывая, оставил позади Колин родной поселок, Колину любимую девушку и Колино детство. На краевом сборном пункте Коля провел почти неделю, пока «покупатель» не забрал его в часть.

Первый месяц армейской жизни Коле показался адом. Подъем, отбой, в туалет по команде, зарядка, «форма одежды два — голый торс», еда, которой Колина мама постеснялась бы кормить свиней, — все это настолько отличалось от привычной гражданской расслабленной жизни, что Коля затосковал не на шутку. Масла в огонь подбавляли сержанты, с первого дня окрестившие Колю «Булкой». После того, как Коля, подергиваясь, сумел подтянуться только полтора раза, Булкой его стали звать все, кроме, пожалуй, офицеров.

Дедовщины, к которой Коля готовился и которой боялся до дрожи в коленях, на удивление — не было. Впрочем, с «дедами» молодые солдаты практически и не общались: КМБ, курс молодого бойца, карантин. Молодые жили в отдельной казарме, питались в столовой перед всеми остальными подразделениями и ждали присяги. Единственными старослужащими, с которыми общались молодые бойцы, были сержанты учебной роты. Да и какие это старослужащие — на полгода старше призывом. Сержанты пугали: «Вот кончится карантин, распределят по ротам — там и начнется настоящая армия. А это у вас так... курорт».

Сержанты были правы. Первый месяц в армии, показавшийся Коле адом, оказался раем. Парадизом. Курортом. И дело было даже не в дедовщине, которая, как оказалось, была вполне обычным и даже терпимым явлением. Дело было в однообразности и монотонности армейской жизни. Подъем, зарядка, завтрак, утренний развод, строевая подготовка или зубрежка уставов, обед, вечерний развод, караул или наряд, ужин, полчаса личного времени, отбой. Дедовщина. Ночной подъем, «упор-лежа-принять-на-раз-руки-согнуты-на-два-разогнуты-раз-два-раз-два-раз-два-полтора-стоим-стоим-стоим-вставай-хлюпик»; «джампы» до сорока: «...тридцать-пять-тридцать-шесть-тридцать-семь-тридцать-семь-тридцать-семь-тридцать-семь-кто-вякнул?-тридцать-два-тридцать-три...» Подъем. На пост. «Ты туалет с умывальником вымыл? Кому ты чешешь? А мне по...бать, иди, перемывай». Бодрствующая смена. Отбой. Подъем. Зарядка. Эй, молодняк, караулку мыть, бегом!» Обед. Развод. Ужин. Отбой. Подъем. «Упор лежа принять!» Отбой. Подъем. «Пока располагу не перемоешь, наряд х... приму». Отбой. Подъем. Отбой. «День прошел! – Ну, и хрен с ним! — Завтра новый! — По...бать!» Подъем.

Завтрак. Обед. Строевая. Развод. Отбой. «Дембель стал на день короче, спи, старик, спокойной ночи». Отупелая усталость.

Но ничего, втянулся Коля. Перестал в подушку плакать ночами — был такой грех. Окреп. Пятнадцать раз на турнике, после первоначальных полутора, — не шутка. А скучно. А тоскливо. А приехали вербовщики. «Эй, боец, на войну хочешь?» Романтика. Батальоны просят огня. «Кормят, как на убой, — раз. Спецпаек, доппаек, все дела. Дедовщины нет — два. Сам подумай, у тебя ж автомат в руках. Какому деду охота пулю в спину поймать? Деньги платят — три. Здесь у тебя восемнадцать пятьсот в месяц, а там шестьдесят шесть тонн в день, прикинь, боец! На дембель машину купишь! Кстати, и дембель раньше — четыре. День за три, сечешь?» Секу, товарищ капитан.

Комбат, подполковник Дымко. «Пошел ты на хрен со своим рапортом, дэбил! Я тебя на картошке сгною! Я тебе, бл..., здесь Чечню устрою! Что, три мушкетера в жопе заворочались?» Заворочались. Второй рапорт – на! «Капитан, какого хрена ты мне здесь воду мутишь?» «Разнарядка у меня, комбат. Сам знаешь, не маленький». Третий рапорт – на! «Пошел на хрен. Горбатого могила исправит». Не возражаю — Дымко.

Поезд, моргая фарами, подтащил кишку вагонов, до отказа набитую пассажирской требухой, к перрону Н-ска. Сопровождающий капитан, сильно болея с похмелья, скомандовал: «Где-то у выхода нас должна ждать машина. Вперед, хлопцы», — и хлопцы в количестве неполного взвода побрели вперед к выходу искать обещанную машину. Как ни странно, машины не обнаружилось. Мороз двадцать пять в минусе, на часах три ноль-ноль. «Машины, видимо, не будет, пошли-ка, хлопцы, пешком, тут недалеко». Пошли пешком. Недалеко. Километров восемь по ночному Н-ску. Хрустя снегом под сапогами, дымя примой и смаргивая морозные слезы с ресниц.

Неделю прожили в Н-ске, ждали полного сбора команды и борт. Взлет. Посадка. Взлет. Посадка. Взлет-посадка-взлет-посадка. Н-ск. Екатеринбург. Нижний Новгород. Минводы. Моздок. Взлет. Посадка. Ханкала. Приехали.

Кормят, как на убой, — раз. В смысле — все равно убьют, на хрен вас кормить? Коля отстоял очередь к полевой кухне. Шшшшлеп ложку сечки в котелок, скрррряб ее по стенкам. Чтоб казалось, что больше, — угрюмо догадался Коля. Хлеб. Булка на дюжину бойцов. Не переедай, родимый.

Дедовщины нет — два. «А мне пофигу, сколько ты отслужил». Табуреткой по башке — хрясь. Сапогом в лицо — хрясь. Дужкой от кровати — по ребрам — хрясь. Разве это дедовщина, сынок? Вот у нас была дедовщина... А это разве дедовщина? Нет, дедушка, это не дедовщина. Это беспредел. Оп-па. Табуреткой по башке — хрясь. Сапогом. Дужкой. В санчасти Коля заявил: «Упал». «С кровати?» — ласково уточнил замполит батальона. «С нее, товарищ старший лейтенант. Хлипкая какая-то». Служи, сынок, как дед служил. Перелом носа и двух ребер. Отдохни с недельку.

Автомат Коле осточертел на вторые же сутки. А бронежилет — на первые. Шестнадцать килограммов железа давят на плечи, подгибают колени. Зато дают ощущение неуязвимости. Я — Терминатор, узнали меня? Ай'л би бэк. Лейтенант, мальчик молодой, все хотят потанцевать с тобой, два дня как после училища. Училище какое? Инженерно-техническое? Инженер, говоришь? Вот тебе взвод в инженерно-саперной роте. С обеда будешь командовать, а сейчас — на инженерную разведку. Дорогу проверить на мины. А то колонна в обед выходит.

Поехали, какой разговор. Броник не забудь в каптерке взять. Шестнадцать килограммов железа. Ай'л би бэк. Первое боевое задание, на бэтр залез, как на боевого коня. Марш-марш, аллюр три креста. Снайпер, сука, с минарета — хлоп. Грудные пластины прошибло, а вот на тыльные пороху не хватило. Отрикошетила пулька обратно, а там — опять грудные. Их пробить — тем более никак. Опять пороха не хватило. Зато хватило рикошетов внутри броника понаделать. Сняли парни броник с летехи, а там — малиновое варенье. Покомандовал взводом. Мин нет.

Особенно Колю доставал дедушка по кличке Кузя. Был он водителем бэтра. А Колю наводчиком БТР назначили. Равняйсь! Смирно! Ты, ты, ты и ты — снайпера. Ты, ты и ты — наводчики. Ты, ты и ты — гранатометчики. А мне похер, что ты БТР только в кино видел. Не можешь — научим, не хочешь — заставим, хе-хе.

Наводчик так наводчик. Собрали всех новоиспеченных наводчиков возле бэтра. Булкин! — Я! — Херня! Залазь вон на то креслице. Залез. Лезть неудобно. Вылазить — еще хуже. Зато сидеть удобно. Все под руками, резина на оптике мягко ласкает глазницу. «А вылазить как, товарищ капитан, если что?» «Запомни, боец, наводчик вылазит в трех случаях. Либо клинит оба пулемета, либо кончаются патроны, либо сжигают». Весело. «Так вот. Здесь два пулемета, понял? Капэвэтэ, вот этот, здоровый, и пэкатэ — который поменьше, понял? Так вот. Капэвэтэ — га-а-авно, клинит после первой же коробки. Зато пэкатэ — это Калашников, понял? Песка нахерачь в него — ему похеру, он, один хрен, стрелять будет. А бэка у него — две тыщи патронов, понял?» Понял. «Короче, обычно жгут наводчиков». Понял. Зашибись.

Кузя, сука, заставляет кроме пулеметов еще и двигатели вылизывать. Главное, что? Главное — Коля не в Кузином ведь даже экипаже. Зачем, спрашивается, докопался? Свой двигатель отчисти, а потом еще и Кузин. «Давай, салабон, работай, в жизни

Сержанты были правы. Первый месяц в армии, показавшийся Коле адом, оказался раем. Парадизом. Курортом. И дело было даже не в дедовщине.

пригодится». Плохо оттер — хлоп в рыло. Не так подал — хлоп в рыло. Сигарету не нашел — в рыло. «Ну, сука, попадем в бой...» — озверел Коля. Сказано — сделано.

Вели колонну с Моздока. Впереди два бэтра, потом пара сто тридцать первых бортовых, штук шесть наливников — АРСов. Сзади БТР и БМП. Коля сидел во втором бэтре. Стволы вправо на сорок пять градусов. У головного — влево на сорок пять. А там ложбинка такая между холмами, слева на холме кошара стоит. Бывшая кошара. Одно название, что кошара. Ездили сто раз уже здесь. Что там еще за кошара, посрать на нее. Ша-рах!!! По тормозам! Коле чуть глаз окуляром не выдавило. В машине должны оставаться водитель, командир и наводчик — так Колю учили. Раз, два — пара секунд, и Коля один сидит. Ни командира, ни водителя. Ни десанта. Водитель с воплем «Передний бэтр сожгли!!!» десантировался первым. «Кузя бы не свалил», — вскользь подумал Коля. Кузя подхватил дезуху и усиленно срал в городке, так что водителя сунули со второй роты. Вторым сдернул командир машины боевой. А потом, как тараканы из-под веника, ломанулся десант. В «бабочки» в брониках протискивались! Коля потом не только без броника, без бушлата пытался — не получилось.

А по броне лупит пулями и осколками. А снаружи-то бой нешуточный! Слева палят, справа палят, сзади палят, спереди в бэтре горящем патроны рвутся. Жопа. В смысле — жопа у Коли к креслицу примерзла. Что делать — непонятно. Куда палить — непонятно. Куда бежать — тоже непонятно, да и страшно. Ай, да хрен с ним. По броне лупит, вроде, слева. Стволы туда, задрать повыше, чтоб своих не задеть, большой палец — в электроспуск до упора. Файер фрай. Заработал КПВТ, потряхивая

машину. Коробка — пятьдесят патронов — ушла мигом. И наступила тишина.

Коля с усилием отодрал палец от кнопки электроспуска. Снаружи — хруст гравия под ногами. Хрен, живым не дамся, нащупал Коля автомат. В проеме люка показалась голова ротного. «Ну, выходи». Коля выполз, отчаянно потея и готовясь к громадным звездюлям. Ну как же, стрельба без команды, вдруг кого-то из своих зацепил. Да и вообще... Даже как-то неудобно после такого без звездюлей остаться. Не по-людски.

Проморгавшись от порохового дыма, плотным клубком стоявшего в бэтре, Коля вдруг с удивлением обнаружил перед собой протянутую для рукопожатия ладонь ротного. «Молодец, — сказал ротный, сжимая Коле руку так, что тот аж привстал на цыпочки. – Сразу их заметил?» «Ага», — машинально соврал Коля, лихорадочно соображая, кого и когда он мог заметить.

Ага, кошара. Вот куда коробка-то ушла. Трындец кошаре. Капэвэтэ — это вам не в

Ну, отметить-то надо. Отметили. Очухались в зиндане, побитые изрядно. Трое суток просидели. Подняли. Строй. Перед строем — небритый, опухший, вонючий экипаж.

тапки срать. Развалины рейхстага. Плохо, что чехи в зеленку свалили сразу, ни одного положить не удалось. Счет 9:0, из головного бэтээра не выскочил никто. «Сержант, пидор гнойный!!! — орал ротный, выбивая пыль из сержанта-контрактника, командира Колиной машины. — Сука, бл..., ты где должен был быть?! Убью нахер!» Не убил, конечно, так, ногами потоптал.

Строй. Перед строем — экипаж без сержанта. Начштаба полка подполковник Богомилов лепит, как по учебнику. Проявили мужество, а как же. Умелыми действиями, тыры-пыры, представить к медалям «За отвагу». Сержанту — внеочередного младшего сержанта. Будь здоров и не серчай.

Ну, отметить-то надо. Отметили. Очухались в зиндане, побитые изрядно. Трое суток просидели. Подняли. Строй. Перед строем — небритый, опухший, вонючий экипаж. Без сержанта. Тот же начштаба лепит, зараза, как по учебнику. За недисциплинированность, тыры-пыры, представления на медали отозвать. Да и хер с ними. Хорошо, хоть под суд не отдал.

Кузя просрался, дезуху залечил, и началось дрочево по новой. Хоть его стреляй, хоть сам стреляйся. Главное, до дембеля пара месяцев, нахрена напрягаться? Нет же, встает сам в семь утра, чтобы Коля в бэтре не спал. И не его ведь экипаж, вот что занятно! Мудак. Маленький, жилистый, — попробовал как-то Коля залупиться — отоварился тут же по полной программе. А пришла Кузе посылка — отсыпал Коле сигарет цивильных да конфет щедрой рукой. Чужая душа — потемки. А бить не перестал.

Очередной выезд на сопровождение. До колонны так и не доехали. Сработал фугас, известив окончание войны для Коли Булкина. Дальше Коля не помнит ничего. Очнулся в госпитале. Правой ноги до колена нет. Отвоевался. «Дискотеку на плацу освещают трассера...» Фигня. Главное — живой остался. А с ногой придумаем что-нибудь. А по ночам — мозжит культя, мочи нет; а по ночам — зубы скрежещут и крошатся. А по ночам — жить не хочется.

Начал уже ходить на костылях. Вышел на крыльцо — покурить. Опа, пацаны свои! С Колиной роты! Серега-Блинчик и Костя-Гном. «Колян, здорово! Как ты?» — деликатно не смотрели на остаток ноги. «Да нормально. Главное, блин, — живой остался. Как там в батальоне, что там?» «Да что, нормально все. Потрепали нас тут. Комбата ранило, ротному нашему, прикинь, осколком кончик носа отхерачило. Ходит теперь такой гоблин. А Кузя в бэтре сгорел». «Как сгорел?!» «Да, сгорел, на зачистке. Образцово-показательная такая зачистка была, с журналистами, с генералом, вся херня. Кузя как раз генерала вез. Фугас е...ул, обстрел, вся херня. Кузя с перебитыми ногами увел бэтр во двор. Х...е-мое, паника там, вся херня. Давай генерала эвакуировать, вертушку вызывать, «крокодилов» на прикрытие, вся херня. Про Кузю забыли, пидоры. А чехи давай с граников херачить, ну и подожгли бэтр. Пацаны потом рассказывали, Кузе метра не хватило доползти до люка. Ну, вот и сгорел. Зато теперь к Герою представили, вся херня».

Вернувшись в палату, Коля долго сидел как оглушенный на краю своей койки. А потом, как будто включившись, заплакал. Заплакал навзрыд по носу ротного, по комбату, по своей ноге. А больше всего — по своему «дедушке». Дедушке Кузе.

Алексей Наумов

http://artofwar.ru/n/naumow_a_a/

КЛОП

Выстрел раздался совсем близко. Мы ждали его в другом месте. Он нас перехитрил. Ненадолго.

Мы взяли его тепленьким и, возможно, даже довели бы живым, но свежая зарубка решила его судьбу. Мы долго и методично топтали его ногами. Потом перекурили и продолжили. Затем подорвали труп гранатами. Меньше вопросов. Вычислили, подошли, без ложного героизма забросали гранатами. Все. И синяков не видно... Остатки мы сложили в мешок из-под цемента и отправились восвояси. Все прошло успешно, но последняя зарубка не давала нам покоя. Кто? Мы невольно ускоряли шаг. Над миром стояло жаркое летнее солнце...

— КлопОв! Твою мать! Ты, наверно, не знаешь, что пули — это такие маленькие, но очень, ОЧЕНЬ, КлопОв, злые штучки, которые иногда попадают людям прямо в голову. Даже в такую маленькую и тупую, как твоя! А это больно! Очень больно! Так больно, что некоторые пугаются и умирают! А если не умирают, то потом им всю жизнь кошмары снятся и ручки трясутся. А еще, КлопОв, они курить не могут. А знаешь почему?

Клопов печально кивнул, но ротный проигнорировал это и, выдержав паузу, продолжил:

— А курить, КлопОв, они не могут потому, что дым через дырку в голове улетучивается. А раз улетучивается, значит, в

Это было самое потрясающее зрелище в моей жизни. Они были живыми! Все вокруг было живое! Весь мир лежал передо мной. Потом кто-то тащил меня, а я удивлялся этому.

легкие не попадает. А раз в легкие не попадает, значит, удовольствия — НИКАКОГО! Понял меня, КлопОв?!

— Понял...

— ЧТО?!

— Так точно! Понял! Только я не КлопОв, а КлОпов...

— Нет, КлОпов, ты — КлопОв! А если не будешь носить каску, то станешь Мертвяков или... Цинков! Вот так. Короче, еще раз увижу без каски — сделаю тебя пулеметчиком. Марш отсюда!

Все одобрительно улыбались. Это была старая шутка. Клоп страшно боялся, что его сделают пулеметчиком. Хотя произойти это не могло в принципе. Так как Клоп был метр с кепкой, и даже автомат был ему явно велик. Что говорить о пулемете! Но Клоп каждый раз страшно пугался и бледнел как полотно. Громче всех улыбался над шуткой наш пулеметчик. Вавилон. Борец и ватерполист, под два метра ростом. Но Вавилоном его звали не за рост. Раньше он числился Вышкой, но кличка не прижилась. А дело вот в чем. Рано утром духи решили пощипать нас, но наткнулись на сильный огонь и стали отходить, потеряв еще двоих. Мы радостно снимали напряжение, лупя им вслед длинными очередями. Вышка тоже старался от души. Под завесу боя его пулемет замолчал. В горячке мы не заметили этого, а когда обратили внимание, он вновь уверенно заработал. Его молчание длилось секунд тридцать. И все бы ничего, но... Обмениваясь впечатлениями и возбужденно куря после боя, мы столпились у его позиции и увидели ЭТО. Это представляло из себя гигантскую, просто нечеловеческую, кучу г..на! Вся эта красота была буквально в метре от его окопчика. Смотреть на этот шедевр поочередно приходила вся рота. Рядом с кучей в картинной позе, с пулеметом наперевес, стоял гордый автор. Под дружный хохот и выкрики, вроде:

— Что же они тебе такого показали, что ты такую кучу навалил?

Серега, уже в двадцатый раз, рассказывал, как его страшно прихватило и он, выскочив из окопчика, не выпустив, однако, пулемета (а в поздних версиях истории – и стреляя из него!), быстро управился с задачей и продолжил вести огонь. Я высказал мнение, что куча своим размером и формой имеет явную аналогию с Вавилонской башней. И что, если бы ему дали еще минут пять, то кто знает... Все зашумели:

— О, Вавилон! Вавилон!

Серега засмущался. Кличка явно пришлась ему по душе. Последним прибежал Клоп. Маленький, худой, он летел с криком «где Она?».

Мы расступились. Кто еще мог смеяться, смеялся. Остальные просто хватали ртом воздух, как рыбки. Клоп, с размаху

чуть не влетев в НЕЕ, остановился как вкопанный. Позже многие утверждали, что куча была ему по пояс, но это ложь! Только по колено... А между тем, оправясь от столбняка и обежав кучу кругом, Клоп, глядя на Вавилона, непередаваемо выдохнул:

— Вот Это Да!...

Мы задыхались. Серега сиял. Вечером того же дня, уже в темноте, ко мне подошел Вавилон.

— Слушай, — он явно смущался, — а расскажи мне про эту, ну, как ее, башню...

Закурив его сигарету, я пустился в повествование. Незаметно увлекшись, я перескакивал с темы на тему. С разинутым ртом Серега слушал про пирамиды, Пунические войны и падение Константинополя. Я немного путался и привирал, но это были мелочи. Глубокой ночью потрясенный Вавилон ушел, оставив мне три пачки сигарет. Под мерное покусывание блох, не выпуская изо рта сигарету, я засыпал и думал: «А все-таки хорошая это штука — образование!»

Над Клопом посмеивались часто, но не зло. Все любили его. Он был маленький, но не жалкий, пугливый, но не трус. В этом мы все однажды убедились. Нас прижали огнем, и атака захлебнулась. Поступил приказ отойти на исходные. Огрызаясь, мы отползали. Духи радостно палили в нас и что-то кричали... Но отошли не все. В мешанине бетонного мусора аккурат между нами и духами кто-то все еще вел бой. Оттуда раздавались короткие, как на учениях, автоматные очереди. Закрытый от духов куском толстой бетонной плиты, боец был отрезан от нас пустым, отлично простреливаемым пространством метров в тридцать и куцым, поломанным садиком еще метров в 50. Поняв, что в лоб его не достать, чехи сделали вылазку. Очереди стали длинными, послышались разрывы гранат... Все стали готовиться к новой атаке, оставаться в бездействии не было сил. Кто-то сказал, что там Клоп, и все вдруг поняли, как дорог нам этот маленький, смешной солдатик. Вся эта история кончилась бы плохо, но военная удача переменчива. Фортуна смилостивилась и послала нам два танка. Умело маневрируя и прикрываясь развалинами, танкисты живо смели духов с верхних этажей двух домов, которые мы пытались взять. Остальные предпочли отступить, видя, как мы молча, в едином порыве, рванули вперед, рискуя попасть под свои же снаряды. Но танкисты знали свое дело. Молодцы! Песня, а не танкисты! Когда мы добрались до Клопа, у него оставался один рожок. Он весь трясся, заикался и никак не мог выпить из фляжки водку. Его глаза были размером с блюдце и, несмотря на всю серьезность ситуации, мы не могли удержаться от смеха. Но это был смех радости! Жив! ЖИВ! ЖИВ!!! А каков молодец! Не струсил, не побежал, не растерялся! Выпив, Клоп прекратил заикаться и заговорил. Про то, как, не услышав приказа отойти, он вдруг обнаружил, что остался один. И как он стрелял, как учили, короткими. Как чехи стали подходить, и он бросил в них гранату, и как «вдруг все загрохотало, и они побежали обратно». После такой переделки некоторые ломаются. Многие, наоборот, становятся настоящими бойцами, способными долго, безропотно ждать, а после действовать решительно и неумолимо. Но Клоп не изменился. Он остался все тем же маленьким и несуразным человечком, не способным разжечь костер или прикурить на ветру. Даже каска была ему велика и вечно сползала на глаза. Он старался ее не надевать и вечно попадался. Он был прежним. Изменились мы. Это было уроком для всех нас, и мы хорошо его поняли. И хотя наши подшучивания над ним скоро возобновились, уже никто и никогда не смотрел на него косо. Все знали: Клоп — наш человек!

Последнюю часть пути мы почти бежали. Бросив мешок и даже не отрапортовав, мы только спрашивали: «Кто? Кто? КТО?!» Все отворачивались. Наконец, увидев наших врачей, мы подбежали к ним, но вопрос повис в воздухе. У их ног лежал Клоп. Пуля попала под срез его каски, на палец выше левой брови. Глаза были закрыты, губы чуть улыбались.

Многие из нас плакали...

Как пьяный, я пошел куда-то и сел. Меня окликали, но я не реагировал. Все слова долетали до меня, как сквозь толщу воды, приглушенными и расплывчатыми. Такое уже случалось со мной после близкого разрыва снаряда. Тогда я лежал лицом вниз, и трещинки на асфальте, как маленькие змейки, сплетались в причудливый узор перед моими глазами. Это было самое потрясающее зрелище в моей жизни. Они были живыми! Все вокруг было живое! Весь мир лежал передо мной. Потом кто-то тащил меня, а я удивлялся этому. Ведь все должно было быть иначе! Это я, я должен был тащить на себе раненого товарища, отстреливаясь от наседающих врагов. Он должен был бы просить меня бросить его, оставить, спасаться самому. На что я лишь ругался бы в ответ и все тащил бы и тащил его... Именно так я представлял себе Свой Подвиг. Но все было по-другому. Тем человеком, который вынес меня, был Клоп. Теперь он был убит. Я — жив.

Постепенно я выходил из оцепенения. Рядом курил Вавилон.

— Вот ведь повезло... — долетало до меня, — ну повезло...

Меня начала бить дрожь:

— Что? Что ты сказал?! — проорал, а точнее, прохрипел я.

— Повезло... Ему очень повезло...

— Кому ПОВЕЗЛО?! КОМУ?!!! — я уже вставал.

— Снайперу...

Я рухнул обратно.

— А... Да. Ты прав. Повезло... Точно повезло.

Солнце пригревало. Все как будто улыбалось. Войны не было. В каске было жарко, но он боялся ее снять. Опять ОТРУГАЮТ! Он был еще совсем ребенком. Он выбрался из укрытия и сел, прислонившись к бетонному блоку спиной. Солнце ласкало и звало погреться. Он закрыл глаза, сдвинул каску на затылок и улыбнулся. Тепло пронизывало его насквозь. Он весь был растворен в солнечном свете. Это было счастье. А еще через секунду весь мир ослепительно вспыхнул и погас.

Алексей Суконкин

Рядовой. Участвовал: Чечня

http://artofwar.ru/s/sukonkin_a_s

Суконкин Алексей Сергеевич родился в 1975 году в городе Арсеньев Приморского края, где и живет в настоящее время. Служил в армии срочную и контракт, работал в природоохране. В настоящее время возглавляет отдел общественных связей авиастроительной компании «Прогресс», помощник депутата Законодательного Собрания Приморского края. Под псевдонимом «Роман Алехин» выпустил десять книг.

ГОРОД ГРОЗНЫЙ. КОЛЯН

Командир мотострелковой роты капитан Петров, пригибаясь, бежал через детскую площадку, над которой еще стелилась пыль после разрывов нескольких минометных мин.

Он старательно обогнул восемь трупов бойцов своей же роты, которые были убиты сутки назад удачным выстрелом чеченского гранатометчика, внезапно выскочившего из-за угла и саданувшего гранатой прямо в костер, вокруг которого сбились в кучу бойцы. Вот и согрелись...

А ведь еще неделю назад капитан Петров думал, что, погибни в его роте хоть один боец, его точно посадят. Однако, вот уже ему довелось встретить в Грозном Новый год, за который его рота уменьшилась наполовину, и сейчас он уже не думал о потерях. Они стали обыденностью. Даже трупы никто не подумал сложить куда-нибудь в угол. Всего лишь за одну неделю люди стали другими. Совсем другими...

Мотострелковый батальон занимал целый квартал панельных пятиэтажек. Чтобы захватить эти восемь домов, войскам пришлось умыться собственной кровью. Люди бились ожесточенно, на пределе своих человеческих возможностей. Предел должен был наступить, и он наступил. Как ни пытался Петров выставить сегодня утром пост на крайний дом, никто из бойцов туда не пошел. Капитан под угрозой оружия повторил приказ, но никто из его бойцов даже не пошевелился. Смертельно уставшие люди ничего не хотели. Большая часть оставшейся роты просто лежала в подвале одного из домов и наотрез отказывалась что-либо делать. Битье не помогло. Люди, вчерашние школьники, не могли, не хотели воевать.

Петров, не посмевший расстрелять за неповиновение своих подчиненных (а такие факты имели место), сам пошел на пост, прихватив с собой только одного контрактника — сорокалетнего мужика, отвоевавшего в свое время в Афганистане и знавшего, чем может закончиться такое настроение среди личного состава. Почти сразу на них вышли три десантника, которые сообщили, что организованный в соседней многоэтажной «свечке» пункт приема раненых просит эвакуировать двадцать раненых. Петров только ночью сплавил в тыл своих раненых, а тут еще эти. Он хотел отказать, но потом передумал.

Еще три таких же «коробки» стояли в каменном мешке пятиэтажек в разных местах. Это все, что осталось от батальона за неделю боев в Грозном.

И вот сейчас он бежал к своим бойцам, пригибаясь, обходя убитых и воронки от разрывов мин.

Водитель БТР-80 Колян тупо смотрел на своего командира, когда тот появился из стены пыли, как призрак из ночной тьмы...

БТР-80 Коляна стоял кормой к стене панельного дома, укрытый от минометного обстрела мертвой зоной — мины падали метрах в пятнадцати перед носом, не нанося машине особого ущерба. Все навесное оборудование уже было снесено, а колеса, чтоб осколками не пробивало, были укрыты снятыми в подъезде железными дверьми. Двери уже были обильно посечены, но еще могли послужить. Еще три таких же «коробки» стояли в каменном мешке пятиэтажек в разных местах. Это все, что осталось от батальона за неделю боев в Грозном. Четыре БТРа да два десятка смертельно уставших солдат.

Петров был единственным офицером, оставшимся в живых. Все его взводные, все «пиджаки», уже давно гнили на горящих улицах неприступного и коварного города... Петров, номинально являясь ротным, по сути, командовал батальоном. Вернее, тем, что от него осталось.

Петров остановился возле БТРа, открыл бортовой люк и ввалился как раз за мгновение перед взрывом очередной мины. Осколки простучали по железной двери и броне. Капитан несколько секунд пытался отдышаться, потом схватил Коляна за воротник:

— Заводи машину. Поедем к «свечке»... Там нужно забрать раненых...

Колян отшатнулся. Сейчас капитан Петров был для него посланником ада.

— У меня севшие аккумуляторы...

Петров приподнял Коляна за воротник и пристально посмотрел ему в глаза. Колян опустил взгляд. Сейчас ему хотелось только одного — спать.

— Скотина... — прошипел капитан и с силой толкнул Коляна от себя.

Колян завалился на полик машины, ударившись головой о стойку башни. Петров выбрался из люка и исчез. Колян закрыл глаза. Вот сейчас хотя бы час поспать. И никто не помешает...

Сознание стало покидать его. Колян, понимая, что он засыпает, несколько мгновений удерживал сознание, наслаждаясь своим состоянием... вот сейчас он уснет... уснет и забудет эту бойню... эту войну...

Капитан Петров, шатаясь, пошел к следующей «коробке». Водитель спал, а когда капитан разбудил его, тот выхватил из кармана ручную гранату и заорал:

— Не подходи!

Петров отшатнулся. Пошел дальше, но никаких водителей он больше не нашел. Они явно прятались где-то, а, может, сбежали. Капитан сел возле стены дома и обхватил голову руками. Вдруг ему пришла в голову совсем простая мысль, которую он тут же шепотом озвучил:

— Сдохнем все...

Петров достал из кармана пистолет и посмотрел на него.

Мама влезла в люк БТРа и своей нежной рукой, знакомой с самого детства, коснулась лица Коленьки. Тихо позвала его:

— Николай... Коля...

Колян подскочил, открыл глаза. В машине никого не было. Сердце выпрыгивало из груди, и кровь стучала в висках. Что это было?

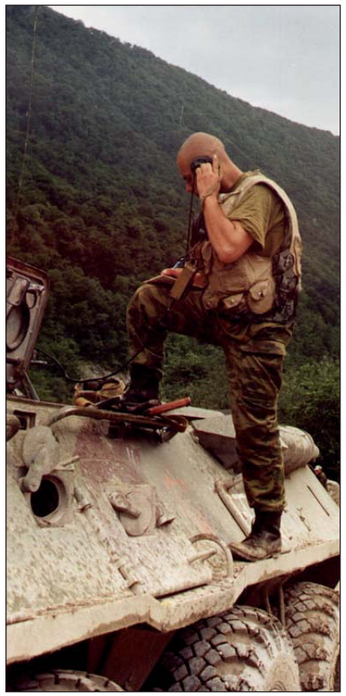
Он метнулся к люку, но и снаружи матери не было. И тут он вдруг услышал ее голос:

— Коля, сынок, помоги мне...

— Мама! — крикнул Колян. — Мама, ты где?

— Сынок, я в «свечке», вместе с ранеными... приезжай за мной! Не дай пропасть мне... — Колян слышал эти слова совершенно четко.

Он снова несколько раз обернулся, но мамы нигде не было.



Колян, понимая, что он засыпает, несколько мгновений удерживал сознание, наслаждаясь своим состоянием... вот сейчас он уснет... уснет и забудет эту бойню... эту войну...

«Она у свечки, — мелькнула правильная мысль, — у свечки».

Колян перебрался на место водителя, включил массу, ткнул кнопку пуска. Дизель провернулся несколько раз и затарахтел. Колян чуть наддал газу, и двигатель надрывно взвыл.

— Мама, я сейчас... сейчас...

Колян включил скорость, и машина, опрокинув прикрывающие ее двери, покатилась по двору.

— Мама, потерпи... я сейчас...

Колян развернулся за домом и выскочил на центральную улицу. Дорога была завалена деревьями, каким-то хламом, обломками стен частично обрушенных домов, но ничто не могло помешать Коляну спасти свою маму. Он умело вел машину, лавируя между препятствиями, и гнал БТР вперед, туда, где с ранеными была его мать.

По БТРу пустили «муху», но промахнулись, прошлись несколькими очередями, но что эти очереди для брони БТРа?..

— Мама, я сейчас... я сейчас...

Остановив машину во дворе «свечки», Колян выбрался из люка и, не обращая внимания на появившихся десантников несущих раненых, бросился в дом, хватая каждого по рукам и спрашивая:

— Где моя мама? Мою маму не видали?

Люди шарахались от него, качали головами. Колян поднялся на самый верх, заглянул в каждое открытое помещение «свечки», а где было закрыто, долбил ногами в двери...

Его остановил коренастый десантный полковник, ухватил за рукав:

— Ты, парень, чей? Откуда к нам приехал?

— Я? Я свою маму ищу... Вы ее не видали?

Полковник Поповских правильно оценил ситуацию:

— Ты вести машину можешь? Обратно доведешь?

— Могу... А где моя мама?

— Мы ее только что отправили туда, откуда ты приехал. Поезжай, она там тебя ждет. Только наших раненых побереги, я тебе двадцать человек доверяю. Тебе можно доверять?

— Можно... — кивнул Колян. — А когда она уехала?

— Пять минут назад, пока ты тут по этажам бегал. Давай назад. Мы на тебя надеяться будем...

Колян побежал вниз. Его машина была уже забита ранеными до отказа. Несколько человек лежали сверху на крыше. Двое легкораненых расположились с автоматами в люках, готовые отстреливаться.

Колян забрался в люк и сел на свое место. Машина покорно завелась, и он двинулся в обратный путь. Раненых он довез без потерь.

* * *

Колян за эту поездку получил медаль «За отвагу», провоевал в Чечне до лета 1995 года, после чего благополучно вернулся домой. Мэр города выделил ему «гостинку», но сдвинутая психика не позволила мальчишке зажить нормальной жизнью. На какой-то пьянке ему сказали, что в Чечню едут только дураки. Все, кто на тот момент был за столом, тут же получили травмы различной степени тяжести... а Колян – срок. Потом его амнистировали, он вернулся и запил. Пропил «гостинку», пропил медаль.

Я видел его год назад и не узнал, как он сильно опустился за прошедшие одиннадцать лет. Собирает бутылки и пьет. Ни о чем не думает.

Но главное было то, что свою мать он не знал никогда. С детства его воспитывала бабушка.

БАМУТ 95-ГО. ИГОРЕК

Игорек попал в армию, как и все: призвали — он и пошел. Особо косить было не от чего. Чего там в армии бояться? Жизнь российской глубинки в 1994 году больше напоминала выживание, а в армии тебя и обуют, и оденут, и покормят. Поэтому он шел служить даже с желанием, да и хотелось мир посмотреть. Военком сказал, что служить Игорек будет в пределах Приморского края, но с учетом того, что из своего родного Арсеньева он никогда не выбирался, и это для него было чуть ли не заграницей.

Игорь попал служить в мотострелковую дивизию на станции Сибирцево — почти восемьдесят километров от дома, далеко. Родные на присягу не приехали — концы с концами бы свести, не то что по всяким присягам разъезжать...

Однако в Сибирцеве долго служить не пришлось. Пару месяцев спустя, сразу после Нового года, в казарму заявился сам командир полка, построил роту молодого пополнения и прямо спросил:

— Кто желает поехать в командировку искать упавший самолет — два шага вперед!

Это было интересно, и Игорек тут же отчеканил положенное. Да, собственно, вперед шагнула вся рота. Ничего себе! Искать самолет! Это же целое приключение!

Дальше началось самое интересное. Роту молодого пополнения и еще роту бойцов, отслуживших уже полгода, погрузили в машины и повезли на аэродром в Воздвиженке, что под Уссурийском. Потом всех погрузили в огромный транспортник Ил-76. Это вообще было круто — Игорек до этого никогда раньше не летал на самолете. А вот попал в армию — и тебе, пожалуйста, на самолетах возят...

Правда, в воздухе было холодно. Кабина огромная, неотапливаемая... Игорек набрался смелости и поднялся к пилотам. Там вообще было интересно: всякие приборы, штурвалы, облака видать... А пилоты в это время пили водку, разливая по малой и закусывая красной рыбой.

— Тебе чего, боец? — спросил Игорька штурман.

— Ничего...

— А что пришел?

— Посмотреть, никогда в самолете не был... Да и холодно там, внизу...

— Потерпишь. Иди на свое место. В кабине посторонним быть не положено.

— А когда прилетим? Скоро?

— Скоро только кошки родятся. Как прилетим, так и прилетим.

Игорь вернулся в грузовой отсек. Там народ укутывался, как мог, пытались спать, кто-то рассказывал анекдоты, кто-то курил, хотя курить строго-настрого запретили...

Первая посадка была в Иркутске. Потом сели в Новосибирске. А потом летели очень долго и приземлились черт знает где. Кто-то из офицеров сказал:

Дальше началось самое интересное. Роту молодого пополнения и еще роту бойцов, отслуживших уже полгода, погрузили в машины и повезли на аэродром в Воздвиженке, что под Уссурийском.

— Каспийск...

Игорек не знал, где это, но понимал, что сейчас он прилетел уж точно на самый край света. Выгружались уже в темноте, потом долго ехали на грузовиках, а потом, уже глубокой ночью, всех прибывших завели в холодную казарму, указали на панцирные сетки и сказали:

— Спать будете здесь! Отбой.

Только легли, закутавшись в шинели, как вдруг в казарме зажегся свет, и кто-то громко крикнул:

— Подъем! Строытца на цэпэ!

Две сотни человек поднялись и построились. Перед ними стояли шесть солдат-дагестанцев. Этим бойцам было никак не меньше двадцати пяти лет — по большому счету, взрослые мужики, по сравнению с теми, кто стоял в строю. Все дагестанцы были крепкого телосложения, с явными лидерскими замашками и умением подавлять любое неподчинение.

Вперед вышел самый здоровый:

— Завтра всэ вы напышытэ рапорт на пэрэвод в Чэчну! Кто нэ напышет рапорт, тот пуст сразу сам вэшаетца!

Игорек вспомнил: Чечню стали все чаще упоминать по радио. Хоть он давно уже и не видел ни радио, ни тем более телевизора, но слово «Чечня» все чаще мелькало и в разговорах офицеров... Он пока не мог понять, зачем ему сразу вешаться, не напиши он рапорт на перевод в Чечню.

— А тэпэр провэрым вашу фызыческую подготовку...

Дагестанцы быстро шли вдоль шеренги молодых бойцов и со всей дури били руками и ногами по «фанере». Бойцы падали, загибались, некоторых рвало. После этой экзекуции дагестанцы быстро удалились.

Прибывшие легли спать. Игорек получил удар ногой в грудь так, что с минуту не мог вздохнуть, а потом еще ему досталось и в печень, отчего он чуть не потерял сознание. Сейчас он лежал и про себя подвывал от боли и от обиды — за что?

Утром всех построили. Появился высокий полковник, несколько подполковников и майоров. Полковник сказал:

— Я заместитель командира бригады полковник Лапин. Вы прибыли служить в часть, имеющую славные боевые традиции. Служба в нашей части считается почетной, так как в части полностью отсутствует дедовщина и другие проявления казарменного беспредела. Кроме того, два батальона нашей части в настоящее время выполняют специальные задания на территории Чеченской Республики. Многие военнослужащие награждены медалями и орденами.

Сбоку появился невысокий подполковник:

— Если кто-то из вас желает служить в Чечне, можете написать рапорт на имя командира части, и ваше желание будет рассмотрено в самое ближайшее время.

За спинами офицеров показались ночные визитеры. Командиры продолжали стоять и пытливыми взорами смотреть на бойцов.

— Желающие написать рапорт на службу в Чечне, — громко выкрикнул подполковник, — три шага вперед!

Дагестанцы из-за спин командиров внимательно смотрели на молодых бойцов.

Несколько человек вышли из строя, за ними потянулись остальные. Только с десяток остались стоять. Игорек также сделал три шага вперед. Ему больше не хотелось получать по ребрам от здоровых дагестанцев.

Дагестанцы быстро шли вдоль шеренги молодых бойцов и со всей дури били руками и ногами по «фанере». Бойцы падали, загибались, некоторых рвало.

Тех, кто вышел из строя, тут же повели на вещевой склад и одели в новенькие зимние «афганки». Игорек был счастлив по самые уши. Такой хорошей одежды у него никогда в жизни не было.

Игорек попал в Чечню через неделю. Там ему вручили гранатомет РПГ-7В:

— Будешь гранатометчиком!

Он не возражал. Ему было абсолютно безразлично, кем он будет. Он уже понял, что главное в жизни — это вернуться отсюда живым.

Пока они ехали к месту расположения батальона, он видел вдоль дороги массу сгоревшей техники, а возле Новогрозненского у дороги лежал труп человека, в лепешку раскатанный гусеницами и колесами. Лежал труп давно, и даже в быстро проезжающей машине Игорек успел уловить запах трупного разложения.

— А у нас здесь вот так! — радостно сообщил тогда всем прапорщик, который был посажен в кузов старшим.

Стрелять из гранатомета Игорька никто не учил. Расположились в палатках в чистом поле. Грязи было по колено и больше. А нравы в батальоне были...

В первый же день Игорька подтянул пьяный сержант-контрактник Саня Щукин, весь изрисованный зэковскими наколками:

— Слышь, му...ло, сюда иди!

Игорек подскочил к сержанту:

— Рядовой Бахрамов по Вашему приказанию прибыл!

— Чего ты сказал, урод?

— Рядовой Бахрамов прибыл!

— А... — Щукин почесал репу. — Смотри сюда! Вон, видишь кусты?

Игорек проследил за его взглядом. Метрах в ста от них росли невысокие кусты, отделяющие расположение батальона от проезжей дороги.

— Вижу.

— Там в кустах стоит «лимонка» на растяжке. Это мой кореш Витек Жогин решил меня подколоть, знает, что я в этих кустах срать люблю, вот и поставил. Иди, сними растяжку.

Игорек выпучил глаза:

— Я не умею.

Сержант тут же въехал Игорьку в солнечное сплетение:

— Что? Ты же солдат! Вперед!

— Я даже не знаю, как обращаться с гранатой... — отдышавшись, сказал Игорек.

— Мне насрать, умеешь или нет. Если через пять минут ты мне не принесешь снятую гранату, считай себя покойником. Убитых тут считать не принято, выполняй приказ, урод... время пошло!

Игорек поплелся к кустам. Там он осторожно стал раздвигать ветки, каждое мгновение ожидая огня и осколков в лицо, но, видать, Жогин не умел ставить толково гранаты: эфка была привязана к толстой ветке, а растяжка к чеке с разогнутыми усиками. Смысла в этом было немного – кореш, наверное, только напугать хотел своего другана. Чека бы все равно не выскочила, натяни он растяжку.

Игорек осторожно отмотал гранату от ветки и принес ее сержанту. Тот подкинул ее в руках и спросил:

— Имя?

— Игорек.

— Я тебя запомнил...

Впоследствии память сержанта-контрактника в отношении Игорька проявлялась только в том, что тот каждое утро отрабатывал на Игорьке приемы рукопашного боя, избивая молодого солдата с особой жестокостью. Жогин тоже был контрактником, и числился он снайпером. Как-то в расположении батальона несколько дней жили спецназовцы, которые ночью уходили черт знает куда, а возвращались только утром и обязательно с результатом. Так потом, после отбытия спецназовцев, этот снайпер заявил всем, что он ничем не хуже спецназа, и уперся ночью в сторону Аргуна.

Вернули его местные жители через несколько дней. На этом придурке места живого не было. Оказалось, что он залег в засаду, пролежал там до утра, а утром из винтовки тяжело ранил чеченку, которая набирала из колодца воду. Местные жители его поймали, прорубили по полной, а потом вернули в часть. Винтовка, разумеется, пропала. Так этот горе-снайпер три дня беспробудно пил, а потом выбрался из палатки и, встретив Игорька, приказал ему пойти к чеченам и найти винтовку. Также последовало обещание расправы при невыполнении приказа...

Игорек идти отказался, за что Жогин и Щукин избивали его несколько часов. Это дело просек командир батальона, которому такие выходки многих контрактников уже поперек горла стояли. Вернее, Игорек сам ему и доложил. Контрактники в большинстве своем, направляясь на службу в Чечню, совершенно не представляли, что такое субординация, дисциплина и умение обращаться с вверенным им вооружением и техникой. Они только постоянно жрали водку, разлагали остальной личный состав и являли собой одно сплошное ЧП.

Поэтому, в условиях, «когда трупы не считают», комбат принял единственно верное решение в данной ситуации. Да и дисциплину можно было быстро поднять...

Комбат построил батальон, вывел Жогина из строя, достал из-за пазухи устав, зачитал из него положение о том, что командир должен добиваться выполнения приказа любыми путями. Потом разъяснил всем то, что Жогин систематически не выполняет приказы командования. На что пьяный ублюдок только кривлялся перед строем.

Потом комбат взял у начальника штаба автомат и шестью выстрелами навсегда усмирил контрактника. После первых пуль тот, видимо, осознал, что всему хорошему приходит конец, но, естественно, уже было поздно. Что характерно, дисциплина в батальоне резко повысилась. Жогу списали на боевые потери.

Контрактники в большинстве своем, направляясь на службу в Чечню, совершенно не представляли, что такое субординация, дисциплина и умение обращаться с вверенным им вооружением.

А потом был Бамут.

Окраина села была уже изрыта артиллерией и авиацией. Однако о надежном подавлении говорить было нечего. Разведка боем, проведенная первым взводом первой роты, показала, что чечены умирать будут только с музыкой.

Роты стояли в ожидании приказа. Игорек переминался с ноги на ногу возле своей БМП. На спине у него висела сумка с тремя гранатами к гранатомету, в руках был РПГ с заряженной гранатой, также

за спиной болтался автомат, к которому у него с собой было шесть магазинов патронов. Тяжелый бронежилет не внушал никакого доверия, а каска постоянно сползала на глаза и мешала смотреть.

Когда первый взвод выдвинулся вперед и их накрыли плотным огнем из гранатометов, Игорьку стало совсем не по себе. Курить уже не осталось, а стрельнуть сигаретку было не у кого — остальные тоже давно уже все выкурили. Оставалось только ждать.

С батальонного КП прибежал посыльный и громко крикнул:

— Первая рота, приготовиться к атаке! Сигнал к атаке — зеленая ракета!

От бэхи к бэхе бежал взводный:

— Ребята, когда будете бежать через поле, пригибайтесь! И сразу гасите все огневые точки! Как только увидите, откуда стреляют, сразу туда стреляйте! Где Бахрамов?

— Я! — отозвался Игорек.

— На тебя вся надежда! Как только войдете в село — гаси по ближайшим окнам! Понял?

— Понял. У меня всего четыре гранаты.

— А что, в бэхе выстрелов больше нет?

— Нет, мне ничего больше не дали...

— Ладно, на первое время хватит. Ты, главное, не бей мимо цели!

Игорек промолчал. Он до этого стрелял из гранатомета всего два раза...

В небо взвилась ракета. Зеленая. Кто-то истошно заорал:

— Первая рота... в атаку...

Взвыли двигатели на боевых машинах пехоты. Водилы газовали, ожидая приказов своих командиров. А те все медлили...

— Вперед! — заорал взводный.

Игорек посмотрел вперед. Окраина села как будто ждала их. Как будто была

быстро пристроился сержант-контрактник Саня Щукин. Тут же помыкнул:

— Ты не пригибайся! Иди прямо!

Игорек обернулся, сержант прятался за ним, низко пригибаясь к земле.

До села было метров четыреста. Поле было с прошлогодней травой высотой сантиметров тридцать — если что, можно падать, и никто тебя не увидит.

— Вперед! — орал взводный уже издалека — он остался на исходной позиции.

Выстрел его оглушил, он присел и тут же увидел, что граната ударила в метре от окна, не причинив стреляющему никакого вреда.

готова встретить наступающих градом свинца... Да так оно, собственно, и было.

Кто-то говорил, что в советское время в Бамуте была база ракетных войск и будто бы сейчас чечены оборудовали эту подземную базу по последнему слову фортификационной техники... И сейчас им предстоит взламывать эту оборону. Пробивать ее своими телами и своими жизнями.

— Цепью! — орал взводный.

Рота начала выходить в поле. Начали выстраиваться в цепь. Кто-то уже стрелял из автоматов и пулеметов по окраине села. Окраина пока молчала.

Игорек спрыгнул с обочины в поле и двинулся в составе взвода к селу. За ним Не пошел вперед.

— Вперед! — командовал сзади сержант.

Игорек сейчас слышал только стук своего сердца, которое билось так, что казалось, будто оно хочет выскочить наружу. Тук-тук! Тук-тук!

Каска снова сползла на глаза, и он поправил ее рукой. А впереди стояло село...

Первая мина легла метрах в ста от Игорька. Взрыв вырвал из земли грунт и расшвырял его по округе. Чеченские минометчики приступили к отражению атаки, но поставили взрыватель на фугас, и мина не причинила никакого вреда атакующим. Потом упало еще несколько мин, выкосив половину второго взвода. С их стороны раздавались крики боли и просьбы о помощи...

Наступающие стали пригибаться. Тут из села стал бить пулемет, а потом и несколько автоматов. Пули запели над головой. Игорек попытался пригнуться как можно ниже к земле, но тут же получил сзади пинок от сержанта:

— Прямо иди, урод! Хочешь, чтобы меня здесь грохнули?

Игорек на миг обернулся. За ним по полю бежал Щукин, старательно пытающийся закрыться телом солдата. Контрактника всего трясло, и выпученные глаза показывали его состояние. Игорек подумал, не будь того расстрела, сейчас бы сержант в атаку не пошел... гнида.

Краем глаза Игорек увидел, откуда бьет пулемет, и тут же вскинул на плечо гранатомет. В прицельной марке он разобрался еще несколько дней назад, когда выстрелил второй раз в жизни из РПГ. И сейчас он уже уверенно взял на галочку окно полуподвала, откуда летела смерть.

Выстрел его оглушил, он присел и тут же увидел, что граната ударила в метре от окна, не причинив стреляющему никакого вреда. Тут же в ухо он получил удар сапогом сержанта:

— Падла, куда стреляешь? Бей точно!

Игорек быстро вынул из-за спины второй выстрел и вставил его в трубу гранатомета. Вскинул РПГ на плечо и снова поймал в прицел окно. В этот момент в грудь его как будто ударили молотом, и он повалился на землю.

— Вперед! — орал издалека взводный. — Ну-ка, встали! Вперед! Только вперед!

Игорек несколько мгновений не мог вздохнуть. Он понял — в бронежилет попала пуля... Но вот выдержал он или нет?

— Я ранен... — чуть слышно сказал он сержанту.

— Куда? — спросил сержант.

— В грудь.

— В грудь — не в бошку. Сдохнешь не скоро! Поднялся, и вперед!

Игорек обернулся. На него смотрел автомат сержанта.

— Помнишь, как ты нас с Жогой комбату сдал? — спросил сержант. — Сейчас я тебе все припомню... урод...

Игорек чуть приподнялся. Посмотрел вперед. Рота почти вся уже залегла. С исходной в атаку пошли три танка и восемь БМП. Они должны были дойти до окраины, после чего вперед могла идти только пехота.

Игорек встал на колено, прицелился в окно. Сержант сидел сзади, сразу за раструбом гранатомета. Игорек обернулся на миг. Щукин смотрел в сторону. Игорек чуть переместился в сторону — так ему показалось, что будет лучше — и выстрелил по окну.

Граната влетела ровно в амбразуру, и пулемет тут же заткнулся. Игорек обернулся. Щукин даже не успел пикнуть. Реактивной струей ему ударило в ухо менее чем с метра, и сейчас он лежал в неестественной позе. Шапку с его головы сбило метров на пять.

Игорек отложил в сторону гранатомет, подхватил автомат и для верности выстрелил несколько раз тому в голову. Потом снова взял в руки гранатомет.

— Сгинь, гнида... — прошипел со злости Игорек, зарядил новую гранату и, поднявшись, пошел навстречу селу.

Итог подводили вечером. Рота заметно поредела. Но главное для Игорька — он больше не видел своего мучителя. Сержант пал смертью храбрых. А до остальных Игорьку дела не было. Друзей на войне у него так и не появилось. В таком коллективе не могло быть друзей.

Только ротный через пару дней вскользь сказал:

— А зачем ты его добивал?

Игорек сделал непонимающий взгляд:

— Кого?

Ротный отвел в сторону глаза:

— Да никого... это я так... обознался... но ты все правильно сделал!

Пришел приказ: кто служит в Чечне, того увольнять будут раньше. А потом при-

— Хозяин!

Ему открыли. Игорек вскинул автомат:

— Еду и одежду! Живо!

Через полчаса он уже был одет в спортивный костюм. Автомат Игорек забросил в кусты, прихватив с собой пару гранат.

На одну гранату он купил билет на поезд до Армавира. Потом он скитался по вокзалам, спал, где придется. В Новосибирске к нему подошли два милиционера:

— Документы, скотина!

— Вот мои документы, — сказал Игорек, и показал им в одной руке гранату, а во второй чеку от гранаты.

Во Владивостоке сотрудники милиции были вежливее. Как только Игорек сказал им, что он сбежал из Чечни, парни из ППС помогли ему сесть на поезд до родного Арсеньева.

Перед родным домом он упал на колени и долго выл, заливая слезами калитку.

Потом Игорек несколько дней пил. Через год он сел. Дал кому-то в рыло, и сел. Обычное дело для прошедших войну.

Сержант пал смертью храбрых. А до остальных Игорьку дела не было. Друзей на войне у него так и не появилось. В таком коллективе не могло быть друзей.

шел приказ на дембель. Но Игорька он не касался. Ему еще нужно было отслужить полтора года.

А потом батальон снова бросили в бой. Дембеля идти в атаку отказались. Комбат построил их и под козырек отдал приказ: пройдете через эту огневую точку — и сразу поедете на дембель.

Дембеля в атаку пошли. Через несколько дней все они поехали домой на вечный дембель. В цинковых гробах.

А Игорек от боя откосил. У него вовремя поднялась температура, и он несколько дней провалялся в медроте. А там и бои на время закончились.

А потом снова батальон стал готовиться к большой войне. В Моздок в этот день пошла колонна, в которую попал и Игорек. В Моздоке машины остановились на пару минут у мини-рынка, народ сошел купить сигарет, Игорек тоже...

Он пробежал несколько кварталов, свернул в какой-то двор, забрался в подвал. Несколько часов сидел, боясь пошевелиться... И только одна мысль была в голове: «выбрался из Чечни!»

Ночью Игорек сбросил с себя все снаряжение, снял бронежилет, забросил в угол подвала каску, подхватил автомат и вышел на улицу. Идти долго не пришлось. Свернув к одному из частных домов, он уверенно постучался:

Сидел он недолго — год. Потом вышел, но все равно не смог зажить нормальной жизнью.

До армии я учился с ним в «фазанке», мальчишка ничем от других не выделялся. Разве что был самый маленький. В 1996 году я встретился с ним на встрече «участников», которую организовал городской комитет по делам молодежи. Какое-то время я поддерживал его как мог, воспитывал, нашел ему работу, но все было напрасно. Слишком сильное потрясение он пережил, будучи в Чечне. Вскоре он снова сел. Через год он вышел. Жизнь у него никак не складывалась. Он поехал работать во Владивосток — где-то на стройках, где его принимали за выходца из Таджикистана и охотно брали на работу, а потом вышвыривали без зарплаты.

Мы сидели с ним во дворе и пили пиво. Говорили ни о чем. Никаких целей в жизни у него не было. Как-то он даже мне сказал, что хотел бы вернуться назад, в Чечню. Там хоть одевали и кормили.

Но до сих пор он числится СОЧ — самовольно оставившим часть по 205-й мотострелковой бригаде. Можете проверить. Эта информация есть в интернете. Я ему показывал — его потом долго трясло.

Константин Семенов

http://artofwar.ru/s/semenow_k_j/

ГРОЗНЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

МАУГЛИ-94

В 1994 году Грозный заметно опустел. На центральных улицах это еще не так заметно, а вот чуть в сторону...

Улица им. Анисимова будто вымерла. Совсем рядом проспект Ленина, за Сунжей виден Президентский дворец, но здесь – ни машин, ни людей, полная тишина. Лишь изредка пройдет одинокий прохожий. И горе ему, если выберет он западную сторону. Перед перекрестком с улицей Дзержинского он будет атакован огромной стаей собак и спешно перейдет на другую сторону. Если же прохожий не заметит вовремя опасность и пересечет невидимую границу — быть беде! Но обычно собаки предупреждают заранее.

Их логово — двор, что напротив двора моего детства. Кто-то там еще живет, вечерами в одной-двух квартирах горит свет, в остальных — темнота. Собаки без людей совершенно одичали, никого не боятся и атакуют любого, кто осмелится пройти мимо. Вернее, почти любого.

Когда неосторожный прохожий минует опасную зону и инстинкт самосохранения немного ослабит свою хватку, прохожий с удивлением заметит, что свирепая стая состоит из десяти-пятнадцати собак и маленького мальчика. Мальчик явно свой в стае, мало того, он среди элиты. Называет собак по кличкам, отдает команды, хватает их за загривки, хлопает по спинам.

«Да это он тут главарь, — подумает прохожий, — это он, маленький негодяй, натравил на меня эту свору!» И прохожий начнет с безопасного расстояния ругать и стыдить хулигана.

Это он зря. Во-первых, если собак натравил действительно мальчик, то он, обидевшись, может сделать это снова. Во-вторых, мальчик этого не делал. Я знаю это совершенно точно. Ведь этот Маугли — мой сын.

Почти все дни лета девяносто четвертого года мой сын проводил у бабушки с дедушкой, вечером его забирали. Дни длинные, делать нечего, детей нет вообще, а рядом столько собак. Конечно же, они подружились, собаки приняли его в свою стаю. Ведь это были пусть и здорово одичавшие, но все-таки собаки.

Когда я первый раз увидел его в этой своре, мне стало нехорошо. Представьте себе свору голодных дворняг на пустынной улице, и вы меня поймете. А эти еще почти совсем отвыкли от людей. Подойти к ним, чтобы забрать сына — и то было невозможно: стая немедленно вставала на защиту своей территории и своего Маугли.

Конечно, далее последовали запреты, но контроль давал сбои, и все начиналось заново. Следовали наказания — это приносило временный успех. Проводились беседы, расписывались все реальные и мнимые опасности. В ответ сын рассказывал, как собаки его слушаются, какие они умные.

Рассказывал, какие замечательные щенки у Винтовки и что только он может с ними играть. Какую огромную крысу поймал Гром, а Барс и Мент хотели ее отнять, но сын не позволил.

Борьба шла долго, с переменным успехом, и все-таки, по большому счету, сын победил. И еще долго все более и более редкие прохожие видели Маугли с Анисимовской и Дзержинской улиц.

В декабре девяносто четвертого мы вновь вернулись в родительский дом, теперь в последний раз. Во дворе напротив уже никто не жил, а прохожих стало даже больше — к нам во двор ходили за водой. Стая была на месте, правда, заметно поредевшая: может, уже всех крыс подавили, а может, освоили соседние территории.

Уже вовсю шли бомбежки, и собаки провожали нас в бомбоубежище на углу Дзержинского и Г. Ахриева. Потом мы сменили бомбоубежище на подвал под нашим домом, а собаки прятались в соседних подвалах. Собаки слышали гул самолетов раньше нас и стремглав неслись под землю. Но, как только наступало затишье, и мы выходили «на поверхность», сразу появлялись и собаки. Они провожали нас в походы за водой (у нас воды уже не было), а мы с сыном стреляли им голубей.

Второго января 1995го года, сразу, как только закончилось кровавое «празднование» Нового года, мы вылезли из подвала и отправились на поиски более тихого места. Мы и понятия тогда не имели, что эти поиски затянутся надолго и закончатся только в Волгограде.

Улица просто преобразилась за эти два «праздничных» дня. Будто огромный дракон опалил ее своим зловонным дыханием. От деревьев остались одни стволы, дома обреченно смотрели пустыми глазницами выбитых оконных проемов. Горело почти везде, в воздухе стоял грозный гул пламени.

И везде — пепел, пепел, пепел, как черный снег. На земле, на деревьях, на наших лицах.

Но стая была тут как тут. И Винтовка, и Гром, и Барс, и Мент. Собаки радостно виляли хвостами, прыгали, лаяли — первый живой звук в этом царстве мертвых. Как только мы двинулись, стая ринулась следом, постоянно забегая вперед и приглашая нас догонять. Собаки тоже хотели более спокойного места.

Около поликлиники МВД нас встретила другая стая — не очень большая, но агрессивная. Драки не случилось — это были журналисты. Мы были, похоже, первыми, кто выбрался в то утро из Зоны, и они накинулись на нас, как на законную добычу. Собаки зарычали, но никого отпугнуть не смогли. Журналисты преследовали нас метров двадцать, отталкивали друг друга, совали в лицо микрофоны и снимали, снимали, снимали.

Еще бы, такая удача, такие кадры: дети и животные на войне — гарантированный успех, прекрасный рейтинг.

Может быть, эти фотографии были напечатаны на обложках каких-нибудь западных журналов: два старика, двое взрослых, маленький мальчик в окружении десятка собак. Черные лица, черные шкуры. А может, и нет. День только начинался, первый день после новогоднего штурма, и фотографов ждали еще такие кадры, о которых они и мечтать не могли.

Нет, собаки не бежали за нами до конца. Они покинули нас еще до Минутки, недалеко от нашей последней квартиры. Наверное, они решили, что нашли более тихое место.

Мой сын — давно взрослый и достаточно циничный молодой человек. Делая одолжение, он может говорить с родителями на любые темы. Только не надо его спрашивать, помнит ли он, кто провожал его второго января из Грозного. Он оборвет вопрос коротким «нет» и прекратит разговор.

Конечно, он всех их помнит. Прекрасно помнит, как провожали его последние грозненские друзья.

БЛИКИ НА СУНЖЕ

Сегодня 31 декабря. Завтра Новый 1995 год.

Меркулов проковылял к окну в детской. Нога болела значительно меньше — еще день-два, и можно будет идти. Надо же было так не вовремя подвернуть ногу! Неделю назад Меркулов отправил семью подальше отсюда, а сам задержался — надо было что-то делать с родителями. Отец, прошедший всю войну до Берлина, уезжать отказывался категорически. Не тронут наши, видите ли. Меркулов уговаривал и так и этак — без толку.

«Это моя земля, у меня на кладбище еще дед похоронен. А бомбежки — это так, пугают. Наши своих не тронут».

Старый упрямый ишак. И мать туда же. Впрочем, мать всю жизнь отцу потакала.

Несколько дней назад — Меркулов не помнил точно — мать позвонила. Было очень странно слышать в звенящей тишине квартиры телефонный звонок. Работает еще.

Отец сдался. Сам он, конечно, этого не признает ни за что. Договорились, что Меркулов зайдет за родителями в Микрорайон, как только перестанет болеть нога. Сколько же после этого прошло? Вроде дней пять.

Телефон больше не работал. Потом отключили газ. Свет давали все реже. Воды не было уже давно.

Меркулов глянул в окно сквозь крест-накрест наклеенные полоски бумаги. За Сунжей как на ладони Президентский дворец, Совмин. Огромная площадь пуста, только две кучки вооруженных людей по пять-шесть человек. Дежурят. При звуках самолетов они куда-то мгновенно исчеза-

Около поликлиники МВД нас встретила другая стая — не очень большая, но агрессивная. Драки не случилось — это были журналисты. Мы были, похоже, первыми, кто выбрался в то утро из Зоны.

ют. Впрочем, уже пару дней почти не бомбят. По телевизору с гневной речью выступал президент: сделал вид, что только что узнал о бомбежках. Узнал, возмутился и запретил.

Врет. Все они врут. Всегда.

Почти не бомбят, зато обстреливать стали откуда-то издалека, что еще хуже. Самолет хоть издали слышно.

Меркулов сел на стул, поставил на подоконник стакан и бутылку водки. Водки еще много — выдали вместо зарплаты. А вот денег почти нет — все отдал жене с детьми. Ничего, родители в ноябре ездили на Ставрополье за пенсией — выбраться хватит.

Меркулов налил водки на треть стакана и выпил мелкими глотками. Сразу закурил трубку с дешевым табаком, сигарет он не видел уже давно. Через минуту тепло разлилось по желудку, притупив привычный уже голод. Еще чуть-чуть — и ослабнет постоянная тревога за семью, за родителей, за себя. Тревога и чувство собственного бессилия грызли мозг, не останавливаясь, как крысы. Не давали спать, сводили с ума.

Ну вот, теперь полегче. Меркулов, глубоко затягиваясь, вновь оглядел площадь.

От Совмина шли какие-то люди: штатские, без оружия и с сумками. Перешли мост, скрылись за Музучилищем. Взгляд уперся в знакомое с детства здание, и сразу вспомнилось:

— Ура! Ура! Я шишечку нашел, ее я погрызу и дальше поползу.

Сколько ж ему тогда было? Двадцать? Двадцать пять? Встречались уже редко — семья. Но на тот «капустник» Кот достал пропуска всем. Или Ерша уже не было? Не было, точно. Как там еще?

— Отрезали Мересьеву ногу, — и хор: «Обе!»

Сразу дернуло в ноге. Нет, про это не надо.

Вспомнился перочинный ножик: два лезвия, шило, штопор, открывалка — целое сокровище. Меркулов, тогда просто Славка, выиграл его на спор у Маги. Мага тогда только появился и не верил, что на Музучилище есть надпись “ХРАМЪ БОЖИЙ” и шестиконечная звезда.

Похоже, бой шел по всему проспекту Орджоникидзе, от вокзала до Президентского дворца. Меркулов несколько минут как завороженный смотрел на это фантастическое зрелище, забыв об опасности.

Сейчас Магомед у родственников в селе, где-то адрес написал. Может, надо было с ним? Звал ведь. Нет, нельзя. Родителям самим не выбраться.

А вот пляжа отсюда теперь не видно, деревья сильно разрослись. В детстве увидеть можно было, если знать, куда смотреть.

Погасла трубка. Не вставая со стула, Меркулов выбил ее на пол и снова наполнил табаком. Налил еще водки, выпил.

Солнце понемногу клонилось к закату, окрашивая Сунжу в грязно-кровавый цвет, отражалось от поверхности миллиардами бликов.

А тогда было лето. Ярко светило солнце, сверкали на Сунже нефтяные пятна. Все были в сборе и никак не могли сдержать восторг от того необычного, что должно было сейчас произойти.

Как быстро все прошло. Вся жизнь, как те два часа. Школа, армия, ранняя неудачная женитьба, развод, однообразная, тупая работа. Друзей больше не было. Какие на работе друзья? Так, выпить вместе.

До чего же все-таки холодно.

Меркулов сидел, одевшись, как на северном полюсе — газа не было дня три, и влажный грозненский холод забрался во все уголки квартиры.

Заходящее солнце на миг прострелило грязный серый туман. Кровавым светом вспыхнул Президентский дворец, где-то бабахнуло.

Меркулов вздрогнул. Захотелось воды. Пришлось вставать, ковылять на кухню. Вода еще есть, полтора ведра. Ведро дали соседи, и позавчера заходил Костя с сыном — принесли ведро воды и валидол. Меркулов долго следил, как уходили они в окружении десятка собак. Так что вода есть — должно хватить, если не тратить на канализацию.

Меркулов не тратил.

Во всем доме осталось человек пятнадцать. Во время налетов и обстрелов все они бегали в бомбоубежище, некоторые сидели там почти постоянно. Меркулов бегать не мог — сидел дома, стараясь не двигать лишний раз ногой, и ждал. Ничего, опухоль почти прошла, еще два-три дня — и все. Можно будет идти в Микрорайон за родителями. Потом — или через Старую Сунжу, или через Минутку, посмотрим. Лишь бы подальше отсюда.

Меркулов съел один из пяти оставшихся пирожков, выскреб полбанки тушенки, запил водкой. Все, пора ложиться — еще один день прошел.

Лечь на диван Меркулов не успел. Зловещую тишину вспорол грохот: застучали автоматы, завизжали выстрелы гранатометов и, заглушая все, ударили танки. Комната осветилась всполохами взрывов, небо прорезали смертоносные пунктиры. Меркулов присел на диван, ожидая. Звуки боя раздавались все ближе, скоро зазвенели стекла, в воздухе потянуло гарью.

На четвереньках Меркулов прополз в детскую и, ругая себя, выглянул в окно. Весь левый берег пылал огнем. Похоже, бой шел по всему проспекту Орджоникидзе, от вокзала до Президентского дворца. Меркулов несколько минут как завороженный смотрел на это фантастическое зрелище, забыв об опасности. Вспыхнул и расцвел огненным цветком старый престижный дом на углу Августовской. Прощай «Красная шапочка». В районе вокзала сверкало, как при электросварке. Трассирующие очереди расчерчивали небо метеоритным дождем, отражаясь яркими бликами от Сунжи. Казалось, гигантская огненная змея ползет по проспекту, плюясь смертью.

Больно ударило по барабанным перепонкам, подпрыгнул пол, в большой комнате что-то упало. За окном стало светло, как днем.

Тяжелым басом гремит фугас
Ударил фонтан огня...

Меркулов отпрянул от окна, на четвереньках дополз до дивана, посидел, уронив голову на подушку. Ад продолжался, вылетели стекла в детской. Тогда Меркулов, так же на четвереньках, притащил одеяло и подушку в коридор, подальше от окон. Туда же поставил ящик с водкой, хлебнул прямо из горлышка и свернулся на полу в позе зародыша.

Огненные сполохи озаряли коридор всеми оттенками смерти, грохот рвал барабанные перепонки. Ошеломленный Меркулов, никогда ни у кого не просивший помощи, пробовал молиться.

Так он и провел эти новогодние тридцать два часа — на полу в коридоре двухкомнатной квартиры дома на улице В. Терешковой, в трехстах метрах от Президентского дворца.

Временами Меркулов проваливался в спасительное алкогольное забвение, и тогда было хорошо. Ласково светило солнце, ноги проваливались во влажный песок, камеры были готовы и мутная гладь реки, сверкая нефтяными бликами, манила в неизвестность.

Дальше досмотреть не удавалось. Очередной разрыв бесцеремонно вытряхивал Меркулова в реальность. И становилось страшно.

Очень страшно.

Дом, казалось, подпрыгивал на полметра, тряслись стены, сыпалась штукатурка. Давным-давно повылетали стекла, в комнатах грохотала мебель, заботливо сделанная своими руками. Огненные сполохи озаряли коридор всеми оттенками смерти, грохот рвал барабанные перепонки. Ошеломленный Меркулов, никогда ни у кого не просивший помощи, пробовал молиться. Подсознание услужливо подсказало никогда не произносимые слова:

— Отче Наш, иже еси на небеси...

Пулеметная очередь.

— Да святится имя твое, да будет воля твоя...

Гранатометный выстрел. Визг. Разрыв.

— ...яко на небеси и на земли.

Грохот танковых залпов.

— Хлеб наш насущный дашь нам днесь и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого.

Взрыв, взрыв, огненная вспышка, очередь, бьются стекла, подпрыгивает пол.

Да что же это такое? За Что? Что он такого сделал? Нет, видимо, никто не поможет. Нет никому никакого дела до маленького человека! Каждый за себя!

Тяжелым басом гремит фугас,
Ударил фонтан огня,
А Боб Кеннеди пустился в пляс.
Какое мне дело
До всех до вас?
А вам до меня!

Опять маняще сверкала из детства Сунжа, опять гремели танки, и не было этому конца.

Когда за окном забрезжил очередной рассвет, Меркулов впервые очнулся от тишины. С трудом сел, отряхнул штукатурку, отодвинул три пустые бутылки от водки. Держась за стену, поднялся. Гудело в голове, шатало от голода, но это все ерунда.

Было тихо. И не болела нога!

Испуганный рассудок гнал прочь из дома. Быстрее! Быстрее! Быстрее, пока ТАМ не передумали!

Меркулов нарочито медленно сел, вытащил из рюкзака свежий бинт, сменил тугую повязку. Прошел на кухню. Вскрыл последнюю банку тушенки. Половину съел, банку закрыл и засунул в рюкзак. Съел один из четырех пирожков, проглотил таблетку анальгина. Запил водкой. В голове прояснилось, перестали дрожать руки.

Меркулов, не оглядываясь, прошел через двор и сразу остановился, не веря глазам. На месте дома с бомбоубежищем дымились развалины. Вся улица пылала огнем, летел черным снегом пепел. Странный звук оказался гулом пожаров — так гудели на заводе печи.

Не выдержав, Меркулов оглянулся. На четвертом этаже, впервые за долгие годы, зияло пустотой родное окно. Первый подъезд горел, густой дым валил с чердака.

Меркулов вытер глаза, повернулся и пошел, стараясь смотреть только под ноги. Грязный асфальт с остатками снега был усеян блестящими осколками и ветками деревьев. И все на глазах покрывали черные хлопья.

На углу Анисимовской Меркулов остановился и глянул направо. За дымом было видно, как из подвала выходят люди. Вокруг толпились собаки.

Может, догнать? Еще не поздно — каких-то тридцать метров. Вместе легче.

Ноги сами двинулись в спасительную сторону.

Что он делает? Нет, это не он — это мозг, это подсознание... Эволюция.... Миллионы лет... Им лучше знать. Родители.... Но ведь семья.... Как им одним, ведь в микрорайон можно и не дойти? Кто знает, сколько продлится это затишье? Сыну только тринадцать...

Робким лучиком сверкнула из детства Сунжа. Меркулов остановился.

Плеснула волна, заглушая шум пожаров. Закачалась на волне камера, пытаясь вырваться из-под легкого мальчишеского тела.

Меркулов постоял, прислушиваясь к стуку сердца. Глянул последний раз вперед

Не выдержав, Меркулов оглянулся. На четвертом этаже, впервые за долгие годы, зияло пустотой родное окно. Первый подъезд горел, густой дым валил с чердака.

Очень хотелось подойти к окну, взглянуть, но мешала перевернутая мебель. Меркулов надел рюкзак, взял палочку и двинулся к выходу.

Перекошенная дверь не хотела открываться, и Меркулов испугался. После второго толчка дверь нехотя распахнулась, отчетливо пахнуло гарью. Возник смутно знакомый пугающий звук. Держась за перила, Меркулов спустился вниз. Дверь подъезда была закрыта, рядом сидела кошка со второго этажа. Увидев человека, она требовательно заорала. Меркулов открыл дверь, кошка стремглав бросилась наружу. Странный звук усилился.

На улице шел снег. Черный снег кружился в воздухе, падал на землю, на лицо и не таял.

— фигурки почти скрылись в дыму, — повернулся и зашагал в прежнем направлении.

Теперь каждый только за себя, даже друзья. У каждого своя дорога, и дай вам Бог удачи!

Трещит земля как пустой орех,
Как щепка трещит броня.
А Боба вновь разбирает смех.
Какое мне дело
До вас до всех?
А вам до меня!

Первый раз сердце кольнуло у «Океана», дальше шел с валидолом под языком. Здесь было тише. Разрушений меньше, только провалена крыша Культпросветучилища.

Зато через полквартала Меркулов вновь остановился — впереди до самого Военторга сплошные развалины. Какие-то люди ковырялись в груде кирпичей, у дороги росла куча из одеял, кастрюль, чемоданов.

Меркулов свернул к набережной, оставив за спиной гостиницу «Чайка». Миновал практически целый дом с аптекой. На мосту пришлось остановиться — в глазах прыгали мушки, дышалось тяжело.

Опершись на решетку ограждения, Меркулов снял рюкзак. Сердце побаливало уже несколько лет — что-то там с левым желудочком и пучком Гиса. Заводской врач настойчиво советовал для начала бросить курить и исключить полностью алкоголь. Курил Меркулов по большим праздникам, а вот алкоголь... Сначала нужно дойти.

Достав из рюкзака бутылку, Меркулов сделал несколько глотков и стал ждать.

Вдали за мостами и слева, и справа клубился дым. Внизу неутомимо, как всегда, текла Сунжа. Так же она текла и тогда, много-много лет назад, только светило солнце, не было дыма, и город был юн и весел. Так же она будет течь и когда его, Меркулова, здесь уже не будет. Будет течь и когда не будет города.

Боль спряталась, мушки прыгали реже — больше ждать нельзя. Дальше Меркулов шел в каком-то странном состоянии, в голове все смешалось.

Кинотеатр «Космос», оплавленная сфера стекла вместо пивного павильона. Тир и давным-давно исчезнувшие развалины Андреевских бань с вытрезвителем. Бассейн «Садко» и стоящая когда-то на его месте детская мечта – цирк шапито на раскаленном солнцем пустыре. Израненные деревья сквера и цветущие заросли сирени у несуществующей уже лет тридцать каменной львицы.

На Бароновском мосту Меркулов опять остановился — идти дальше не было сил. Опять пришлось стоять, опершись на ограду. На мосту не было больше никого. Тишина стояла такая, что было слышно, как о чем-то тихонько рассказывает Сунжа. А тогда на мосту собрался народ, все улыбались, махали руками. И они смеялись в ответ.

Горячая игла пронзила сердце, потемнело в глазах. Меркулов тяжело опустился на грязный асфальт, не успев снять рюкзак.

Но пуля-дура вошла меж глаз
Ему на закате дня.
Успел сказать он
И в этот раз:
Какое мне дело
До всех до вас?
А вам до меня.

* * *

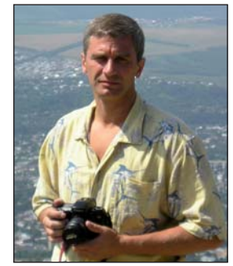
После празднования Нового года просыпалась огромная, великая, измордованная, равнодушная страна. Далеко на юге, прижатый к горам, притих ошеломленный город. В третьем Микрорайоне в тесной однокомнатной квартире, уже ни на что не надеясь, всматривались в окно растерянные старики.

В трех кварталах от Бароновского моста по улице Бутырина, тяжело опираясь на палку, шел грузный, давно небритый мужчина. Под левой лопаткой пылал огонь, в глазах прыгали темно-красные мошки, где-то сброшен ставший неподъемным рюкзак. Мужчина не видел ни разбитых зданий, ни остатков деревьев, ни затянутого дымом низкого неба. Перед его взором искрилась нефтяными бликами Сунжа и ласково светило солнце.

И плыли на камерах, и кричали, и смеялись, не в силах сдержать восторг, пять грозненских пацанов.

Простите солдатам последний грех,
И в памяти не храня,
Печальных не ставьте над нами вех.
Какое мне дело
До вас до всех?
А вам до меня! *

**В рассказе использованы стихи М. Соболя. Положенные на музыку М. Вайнберга, они звучат в фильме «Последний дюйм» — любимом фильме Меркулова.*



Вячеслав Немышев

Вячеслав Немышев. 1969 г.р. До 1991 года служил мичманом на подводной лодке на Северном Флоте. Работал корреспондентом в ведомственной газете Минатома, оператором кабельного телевидения г. Электросталь. С августа 2000 – корреспондент программы «Забытый полк», канал НТВ; с марта 2001 – спецкорр программы «Сегодня». 27 командировок на Северный Кавказ. Снял фильм «Контрабасы» о контрактниках-саперах в Грозном. С февраля 2005 по июль 2006 – спецкорр ГТРК «Россия», программа «Вести».

БУЧА

В этом номере мы заканчиваем публиковать отрывки из повести известного военного журналиста Вячеслава Немышева «Буча».

Глава IV

Мать во дворе обняла сына.

Вместе с запахом ее волос, рук и всем, что было в ней родного, слезливого, как во всякой доброй матери, нахлынули на Ивана воспоминания, видения детства: яблок со старых, теперь уже срубленных яблонь, лопухов за огородом, цепей от трактора, полыни, домашнего квасу, оврага с колючкою, соседа Болоты-балагура.

— Ма, ма...

— Сынок... ждали. Больше уж не ходи... иии-и-и, — потихоньку заголосила мать, сдерживалась, как могла, и все ж плакнула: — Сына-аа, родима-ай, Жорочка, и-ии...

Отец с задов вышел. Улей нес. Поставил.

— Мать, мать, хорош, — руки о бока потер. — Здоров, Иван!

— Приехал, бать.

Мать, зажав рот, схватила Иванову сумку и — за шторки. На пороге оступилась, обернулась с жалобной улыбкой: прости, сынок — не сдержалась.

Мяукнула под ногами толстенная кошка.

Отец дернул Ивана за плечи, притянул к себе, хотел шлепнуть, похлопать, на крепость проверить, как всегда, но передумал и погладил по плечу, колючим чмокнул Ивана в скулу. Кошка стала тереться о ноги. Отец шумнул:

— Пшла-а, сатана! — кошка шмыгнула обратно в дом. — Тьфу, шалава, котится по три раза в году. Надо и ее с котятами вместе притопить.

Иван улыбнулся. Отец засмолил беломорину.

Мать выглянула из-за шторки: на отца бровями повела, а на Ивана самую чуть подвсхлипнула. Отец зыркнул в ответку. Разговор завязался так — о мелочах: про пчел, дорогу обсудили. Отец охнул — баню топить же! Иван говорит — нельзя ему после ранения, слабость нападает временами, может в обморок свалиться. Отец смотрит на сына, качает головой — худой Иван, желтый.

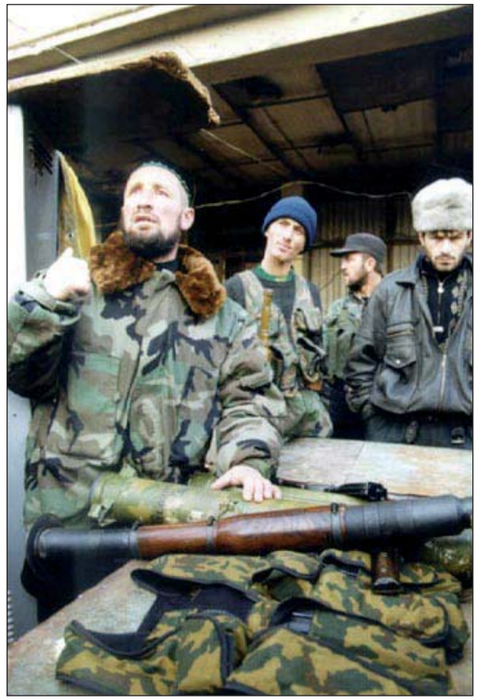
Мать расшумелась на отца, чтоб дал обтрястись с дороги.

Обмылся Иван, постоял под душем, смыл всю дорожную накипь и, одевшись в чистое, что мать приготовила, вышел в комнаты.

Обедать решили в семейном кругу, да куда там: родня да друзья, да соседи, да по работе — так и набралось чуть не полдвора. Хорошо Ивану стало. И снова, как в тамбуре, когда еще до попутчика, о добром, счастливом, не роковом задумалось-замечталось.

Сестры — обе румяные с улицы, с ветра. Иван с ними расцеловался. Сестры тоже пустили по слезе. Старший Болотников пришел, принес водку. Мать на него с порога так-разэдак, туды-сюды. А Болоте все божья роса. Он уж с утра — опохмелившись, еще успел в управе поругаться с начальством. Злой — матерится. Сел за стол, через миски-плошки с Иваном схватился здоровкаться.

Начали с краев стола отмечать за приезд. Потом уж села мать. И отец разговорился после второго доверху — за Ивана, за мать, потянулся, в шею куда-то ей ткнулся. Влажным, но таким же волчьим — на выкате — глянул на сына. Капустками с малосольем захрустели, холодца раскидали по тарелкам, рюмки – чок-чок. С хлеба ломтями сыплются крошки на колени, под стол. Под столом кошка трется меж ног.



За родню пили, за службу и так далее. За Жорку именную поминальную подняли. Иван выпил, и закружилось в голове.

Хмельно Ивану, вроде как мутить его стало. Шумят вокруг. Он за столом от родителей сидел по правую руку. Рядом сосед-одногодок обхватил его за плечи, трясет, Болоту-старшего старается перекричать — вспоминает какую-то ерунду с детства.

И вдруг мать из-за стола поднялась, отец косо посмотрел на нее, но будто не заметил. К серванту мать стала: руки — под грудь. За стеклом в серванте Жоркина фотография с похорон. Со школьного выпуска снимок. Мать не захотела тогда, чтоб в военной форме. Когда опознали Жорку в ростовской лаборатории и в цинке отправили домой, мать эту фотографию сразу выбрала и не выпускала из рук до самых похорон. Отец боялся, что она умом тронется. Но ничего, передюжила, перестрадала. Жорка на фотографии был в костюмчике — серьезный: губы полные и шея худенькая, кадык выпирает.

Надоел Ивану сосед-приятель, руку скинул и встал. Пробирается вдоль стола.

Странная картина тут случилась.

Мать у серванта голову склонила к младшему. Жорка прямо с фотки смотрит. И на Ивана — вдруг. Иван еще удивился: нет, точно — куда он двинется, брат следит за ним, будто других нету в комнате. После выпитого поплохело ему: колокольчики — дзинь-дзинь. По вискам стукает, долбит. Смотрит Иван на Жоркину фотку, оторваться не может. «Ты чего, брат? Хорошо тебе на том свете, лучше, чем мне? Тошно мне, брат! Но я все сделал... почти... как задумал. Одного не успел...»

Жорка, чудное дело, ожил как будто. На Ивана — с укоризной.

«Как же, братуха, выходит, зря?.. Что ты так смотришь на меня, будто осуждаешь? Не отпускает меня, брат... Отпусти, братуха, грех, скажи там... пусть отпустят! Не за деньги, брат, за тебя мстил... Так что же, простить?! Они тебя, как барана... а я — простить?»

Болота заголосил на краю стола, песню затянул, да не в ноту. Мать Болотниковых, тетя Маруся, на старшего шумнула. Да того разве ж остановишь? Сестры Ивановы подхватили, что Болота не дотянул. Голосистые они. В два голоса и запели. И весь стол, покачиваясь, позвякивая вилками, плошками, рюмками, тоже запел. Пели про любовь, про женщину и ее страдания, про мужчину-странника.

Колокольчики уже — колоколами, колесными парами, визгами паровозными...

«Не прощай их, брат! Не-ет, брат, пускай там тоже поминки, пускай! Чего ж мне тогда делать? Куда ж теперь со всем этим?.. А я тебе крест, ну тот, отдам, мне он так... Кому пожаловаться, комууу?!..»

Ничего не ответил Жорка.

Мать фотографию достала из-за стекла и стала рукой водить по ней: вроде как

Шипит на своего старшего тетя Маруся. Болота только отмахивается — душа ж просит!

— Шурка, давай, Шурка-а!

Голос этот бархатный, осенний, урожайный с первой ноты, с первого слога зазвучал. Сильный голос, нутряной. Говорильня сразу и стихла, Болота бузить перестал. И не в самую силу голос тот зазвучал, дай бог вполовину. Но и этого хватило. Не пролилась, а вышла песня на широкую дорогу и пошла себе от начала к развязке, от любви к печали:

— Каким ты бы-ыл, таким оста-аался, орел степно-ой, ка-азак лихой!..

Само собой получилось — чего ж тут причины искать? Можно, конечно, на везение списать: видишь, солдат, и пуля тебя пожалела, и бабы вокруг тебя вьются — значит, поперло тебе.

пыль смахивает, но не как пыль, а как ребенка по головке гладят. Иван выбрался из дому, на пороге стоит, руками за лицо схватился. Рядом ведро с водой. Плеснул из ведра на лоб, шею. Когда вернулся в комнату, там вовсю распелись: тянут жалобливую, щеки кулаками подпирают:

— ...бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах. На нем рубашонка худая, со множеством разных заплат, шапчонка на нем...

Болота, как всегда, влез, перебил песню. Тетя Маруся, сестры замахали на него. По краям стола тут же – давай, чокаться. Огурцами в прихруст.

— Пусть Шурка, Шурочка споет, слышь... — кричит Болота, дожевывая огурец. — Да чего, да ладна-а!

С таким голосом не сладить: не сбить мелодию с ноты — гармонь захлебнется от обиды.

— Заче-ем, зачем ты снова павстречаа-ался, зачем нарушил мой покой?

Ах, как захотелось Ивану подпеть! Подсел он к белокурой певунье, но тоненько подсел, на краешек скамьи, чтоб не помешать ненароком, не сбить. Певунья в профиль ему видна. Щечка у нее пушком белым подбита, и дрожит подбородочек, когда тянет Шурочка высоко:

— Свою-уу судьбу-уу с твоей судьбою пускай связа-ать я не могла, но я-аа жила-а одним тобою, я всю войну-у тебя ждала-аа...

От таких слов Иван стал, будто и не пил вовсе, про докторишку с его латынью забыл, про Лорку, пятки ссохшиеся из-под белых простыней — одним махом забыл про все свои военные окопные мытарства. Как отрезало! Шурочка не глядит на него, поет. Но знает почему-то Иван, что поет она не просто для всех – вон, для Болоты горемычного. Нет! Тут другое. Она для него, Ивана, пела — пела чисто, искренне:

— Но ты взглянуть не да-агадался, умчался вдаль, казак лихой... Каким ты был, таким остался, но ты и дорог мне тако-оой... Каким ты был...

Шурочка Мокрова жила со Знамовыми по соседству через два дома, работала с матерью Ивана на птицеферме. Два класса впереди училась Шурочка: когда поздравляли Болоту, она и дарила ему те тюльпаны. Болота, разведясь с женой, все косился на соседку. Но она к тому времени уже обзавелась семьей, на Болоту и не смотрела.

Иван же, как в госпитале говорили, пары выпустил, теперь про любовь задумалось.

Само собой получилось — чего ж тут причины искать? Можно, конечно, на везение списать: видишь, солдат, и пуля тебя пожалела, и бабы вокруг тебя вьются – значит, поперло тебе. Только ты уж не тушуйся, не то задует степняк, унесет твои надежды. Там, в верхотуре небесной, свои потоки — восходящие.

Шурочка перестала петь. Пока Болота лез к ней через стол обниматься, выскользнула и во двор. Иван подождал для приличия с полминуты, не поднимая глаз, набычившись, вышел следом.

Шурочка стояла на пороге, куталась в цветастый с рюшками платок.

Была она белокожей, что редкость для южанок, остроносенькой; платок ладно лежал на ее покатых плечах. И так все в ней гармонично расположилось: и шея сочная белая, и руки полные, и бедра крутые, — что казалась она Ивану не то чтобы сильной, но надежной. Такой, что уедет мужик в дальние дали, а дома у него все будет в порядке: и чистота в комнатах, и подушки в наволочках одна на другой, и квас холодный к приезду.

Весной в степи пахнет травами.

Чабрец сильно душистый, но тот — в июне, а майские ночи свежи на дух: акация цветет, тюльпаны, мать-и-мачеха, вишня с абрикосом. С первого майского сбора меды легкие, не для лечения-профилактик, а для баловства, для сладкоежек. Иван ранний мед ложками уминает. Отец ворчал всегда. А чего ворчал? Медовое, оно ж по губам течет, и меру не почувствуешь: раз попробовал — всю жизнь на сладкое будет тянуть.

Иван, как и положено, стал прощупывать почву: слышал от матери, что развелась Шурочка со своим, выгнала мужа по той же причине, что и Болота когда-то получил в лоб связкой с ключами.

Шурочка — спиной к нему, плечом повела, когда он встал рядом.

— Мать переживает... — начал Иван издалека. — За Жорика тоскует. Она жалела его, малой потому что был. Батя гонял его... А тебя не узнать, подобрела, в смысле... ну... — он смутился. — Давно не виделись.

— Да уж, соскучилась прям, — отшутилась Шурочка. — На домашнем и ты раздобреешь. Носит тебя... А я помню, как на моей свадьбе ты стоял, где георгины у вас, а мы мимо шли. А Болота, охальник, стал поперек улицы и не пускает. Помнишь?.. Глаза у тебя...

— Чего глаза? — бычится Иван, суровость нагоняет, прячется со света в темень.

— Да такие же, волчачьи. Страсть! Как взглянешь, аж мурашки... — она передернула плечами, потянула на грудь платок.

— Какие есть. К бате претензии...

Почувствовал Иван, что, на самом деле, Шурочка добра к нему. Разговоры строгие так, для виду, чтоб не возомнил себе — чтоб не подумал о ней, что кидается она, разведенка, к первому встречному. Хоть и не случайный человек Иван, а так положено – этикеты, и все такое. Из дома народ повалил. Болота громче всех горланит, увидел Шурочку.

— А-а, саседка!..

Потянулся к ней лапищами, а от самого чесночиной прет да самогонкой. Иван сморщился: галдеж такой ему некстати сейчас.

— Меня-а не любишь?

Шурочка уперлась ему руками в грудь и толкает, отшучивается. Гомонится народ на крыльце.

— Уйди, дурак, дай с человеком поговорить...

Болота фокус навел на Ивана.

— Братан, ты не обижай ее... Ух, не любит она меня. А тебя полюбит? Шиш! Она пра-авильная! Расцвета-али яблани и груши, паплыли-и туманы...

Его окликнули:

— Болота, пошли с нами, водки пожрем...

— Выхади-ила на берег Катюша... А пойдем!.. Ванька, за раками поедем? Да не нынче. Как тогда, помнишь? — и пошел Болотников старший с компанией, пошатываясь и подпевая себе под нос про берег крутой и орла степного сизого.

Шурочка засобиралась идти.

— Пойду я, там Ленчик, сына... У мамы моей. Он не любит, когда меня долго нет – и, будто вспомнила важное: — Вань, ты жалей мать. Она и по тебе переживает, думаешь, не понимает, как ты намаялся?

Иван взял Шурочку бережно под локоть.

— Кочки, ямы. Витька по грязи вечно нароет своей «буханкой», — вроде как оправдался Иван.

Мимо Болотниковых двора прошли, и уже вслед им неожиданно в наступившей ночной тишине брехнул цепной кобель Шалый, дурной, короткохвостый азиат. Шурочка ойкнула и прижалась к Ивану.

— Кобелина чертов! Вся порода у них такая брехучая! Как иду, знает, а все одно кидается... Что ты, что... ох...

Ветер утих, и недвижимый, уставший от дневной суеты воздух наполнился запахом цветущих акаций. Отпели соловьи свои любовные трели. Стихли звуки.

И сказала она последние слова так, будто все переживания материны знакомы ей, и показалось Ивану, что сама она за него печется. А почему? Да кто так, сходу поймет бабью душу, страдания ее, печали? Молод Иван, ему рано пока разбираться в таких житейских тонкостях.

— Ну, с приездом тебя, слава богу, пойду...

Иван решился.

— Ты... это... провожу что ль?

Шурочка замерла на вздохе, шагнула с крыльца.

— Чего уж, два дома идти... Ну, впрочем, как пожелаешь.

Они пошли по улице. Может, и угнетало обоих неловкое молчание, но вечер был один из таких, когда не нужно слов. И ночь завладела миром. Сонным, ленивым брехом перекликались дворовые собаки, замычала корова, где-то рявкнул и заглох мотоциклетный мотор. Ветер утих, и недвижимый, уставший от дневной суеты воздух наполнился запахом цветущих акаций. Отпели соловьи свои любовные трели. Стихли звуки. Птица-ночь вольно раскинула свои черные с крапинами ранних звезд крылья.

Они шли медленно.

Иван, воспользовавшись моментом, вдруг с силой обхватил ее, притянул к себе. Поискав губы, нашел быстро — впился в них жадно, будто боялся, что отнимут у него, не разрешат...

Уснули они, когда отголосились третьи петухи, а на улице младший Витька Болотников завел и прокатил под окнами тарахтучую «буханку».

Когда Иван открыл глаза, Шурочки рядом не было.

Хлопнула дверь где-то в доме — пахнуло стряпней с кухни.

Иван потянулся. За стенкой послышались голоса, один детский. Иван подумал: Шурочкина мать Ленчика привела. Стало ему неловко — задрал одеяло до подбородка.

Шурочка вошла в комнату с кружкой в руке.

Иван сощурился, вроде как со света. Она присела на кровать — в ноги к нему.

— Выпьешь? — Иван скривился.— Не бойся, не похмелка. Молока холодного тебе принесла. Я пьяниц страсть как не люблю.

Иван глотнул из кружки, и от затылка оттянуло тяжесть. Допил большими жадными глотками.

— Сама-то вчера... Тебе на работу?

— Ну-у! В кои-то веки... Какая работа? Сегодня ж воскресение, — она ласково ткнула его в лоб. — Проснулся... А ты полежи еще. Или твои искать станут?

— Чего станут, я малой что ли?

Шурочка улыбнулась, потянувшись, полной белой рукой провела по одеялу, где был живот Иванов.

— Дурачок ты. Вы ж для матери всегда малые. А тебе покушать надо, а то и вояка из тебя теперь никакой, да и работник... — она еще раз критически глянула на всего Ивана, и закраснелось ее лицо. — Хотя нет, работник из тебя получится.

Слова эти смутили Ивана окончательно. Он кивнул Шурочке на стул, где лежала одежда. Сказал, что пойдет, что пора уже. Да и пацан может увидеть его.

— Ни к чему это, — Иван заискал глазами. — Рубашка где?

— Поглажу, подождешь? Ой, там утюг у меня!.. Я скоро. Посиди пока, вон, телевизор включи.

— Мать что ль не выгладит? — насупился Иван. Неудобно, конфузливо ему стало, но приятно, черт возьми!

— Мятая просто... Мне ж не сложно. Я быстро.

И сказала это Шурочка так, словно вину за собой чувствовала, будто оправдывалась перед Иваном за вчерашнюю свою бабью слабость. И не винила сама его, что он воспользовался ею, а только просила взглядом не думать о плохом, что плохого кругом мести — не вымести. И чего себя мучить? Случилось, так случилось — люди они взрослые, самостоятельные.

После уж оделся Иван в глаженое, жадно, как ночью, поцеловав Шурочку в теплые губы, прячась от Ленчика, пошел к себе.

Хотел Иван незаметно пройти да сразу завалиться спать. Но мать ждала его. На столе разложила порезанный крупно хлеб, масло в масленке, молоко. На плите шкварчит в кастрюльке.

— Позавтракай, сынок, — сказала и закружилась от стола к плите, с кастрюлькой обратно, кашу ему в тарелку стала класть. — С пшенца, на масле. Кушай, сынок...

Иван довольный, что мать не пытает его расспросами, схватился за ложку, обжигаясь, стал глотать кашу.

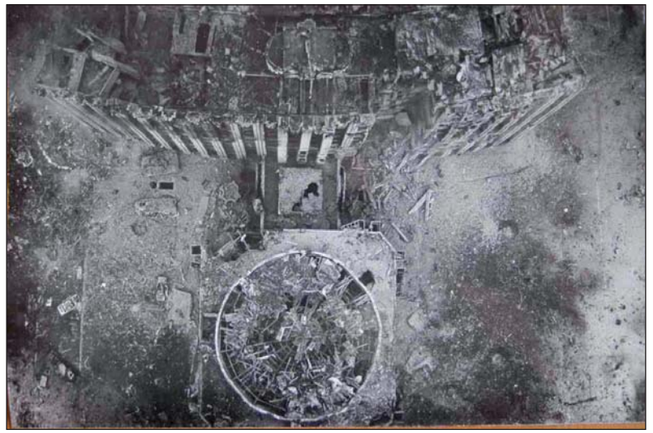
— С краюшку подбирай, горячее, ожжешься, — и спросила все-таки: — У Шуры был?

Иван набил полный рот, запил молоком. Кивнул неопределенно и снова носом в тарелку. Мать стояла рядом, сложив руки под грудью, как тогда с Жоркиной фотографией.

— Ты знаешь, а Шура — девушка неплохая, — мать сделалась задумчивой, и морщинка через лоб потянулась. — Не везет только ей в жизни. Мужик ей попался — гадкий человек. Бил ее. Кому ж хорошо так жить? Разошлись... Она, считай, два года без мужа, одна. Ленчику ейному шесть скоро. Он мальчик воспитанный. Вообще, семья ихняя приличная.

Мать хотела еще подложить каши, но Иван замотал головой — не лезет больше.

— Ты ешь, сына. Осподи, а щеки-то! Аж светится сквозь...



К вечеру засобирался Иван: надел глаженное Шурочкой и пошел не мимо Болотниковых двора, а в обход через зады, по соседней улице. Болоту встретишь — не отобьешься тогда от стакана.

Шурочка отправила мальца к матери. Они пили чай и ждали ночи. И ночью все было так, как мечталось Ивану...

На третий день Иван встретился с Ленчиком, столкнулись нос к носу во дворе. Ленчик губу выпятил:

— А мамы нету. Она за ма-аком ушла.

Ленчик ухоженный, рубашонка на нем в клетку, воротнички в стороны аккуратно разглажены, ботиночки тупоносые. Похолодало. Ленчик нараспашку. Хлобыстает его ветер, под рубашонку задувает.

— Простудишься, — сказал Иван мальчугану, вроде как, вместо «здрасте».

Ленчик надулся, но с места не двинулся. Кулачки сунул в карманы. Сзади скрипнула калитка. Иван обернулся. Шурочка опустила под ноги бидон с оббитыми боками.

— Ленчик, молока тебе принесла. Чего ж ты голый?

Тот теперь, увидев мать, не побежал к ней, но с чувством полного достоинства и уверенности, что он главный мужчина в этом доме, так как мать не кому-нибудь, не дядьке этому лысому, а ему, Ленчику, принесла молока, развернулся и потопал по бетонной дорожке. Уселся на крыльцо.

— Хозяин, — хмыкнул Иван.

— Что ты! – Шурочка, радостная, что неловкая ситуация сама собой разрешилась, подхватив бидон, подталкивает Ивана. — Уж такой хозяин... Он общительный. Это с первого раза характер показывает. Ат, сорванец... Сказала ж ему, чтоб свитер надевал. Слышь, чего говорю-то, Ленчик?.. Оденься что ль!

Всю первую неделю после возвращения Иван провел у Шурочки. Ленчик привык к нему, не отходил ни на шаг. Иван — воды натаскать, и Ленчик с ведерком пластмассовым бежит. Иван курить усядется на крыльце, и малец рядом пристроится, смотрит на Ивана, спрашивает о всяком.

То — почему ты лысый такой, то — отчего у тебя на голове полоска розовая? Иван — за топор, дрова поколоть. Ленчик боится топора, отойдет на безопасное расстояние и из-за поленницы смотрит. Иван стукнет, исподтишка скосится на него. Весело обоим. Но Ленчик не забывает, что он хозяин: когда в дом идут, первый летит к крыльцу, растянулся — зареветь хотел — но видит, что Иван смотрит, и не стал плакать.

Мать Ивану ничего не говорила. Отец хотел, было, спросить, но мать его одернула, чтоб не совался. Она уже решила про себя, что, пусть — хоть и разведенка, хоть и не первым будет Иван у нее, да зато при хозяйстве. Соседка — большое дело. Не шалавистая. Девки, как в город уедут, считай, пропали. Срамотно смотреть. Из-под юбчонки все видать – нате, берите, не жалко. Шурочка степенная, старше Ивана. Может, сын ее рядом с такой доброй женщиной успокоится, заживет по-человечески.

А по селу поговорили, перемололи. Через три дня сгорел гараж на птицеферме, и стало всем не до Ивана с Шурочкой. В магазине бухгалтерша с птицефермы рассказывала продавщице, как горел гараж. Когда вошла Иванова мать, обе примолкли, а потом бухгалтерша, как бы невзначай, и спросила, мол, скоро свадьба-то? Мать отшутилась. На этом все шуры-муры и закончились.

В июне уехал Иван с отцом на гречишные поля под Гумрак, с Болотниками вместе на их «буханке» и укатили. Семья пчелиная разрослась. Наколотили они с отцом пяток новых ульев.

— За тобой черед, сына, — говорил отец. — А что, глядишь, и вы с Шуркой пченелка состряпаете.

Из досок, веток и травы соорудил Иван шалашик. Как остался один, — отец с Витькой поехали обратно за следующей партией ульев, — нарадоваться не мог соловьиному концерту. Как мечтал он о таком вот одиночестве, когда, раскинувшись в шалашике, можно лежать и думать о будущем, что, может, и правда появится на свет его, Иванов пчеленыш. А как назвать? Жоркой, конечно, в честь брата. Мать-то, мать! Ух, она станет ходить за внуком... или внучкой. Девка?.. Тоже ничего. Девчонку пусть Шурочка называет. Имен красивых много — хоть Татьяной, а хоть Ольгой. Лишь бы душе пелось да дышалось легко, как вот в этом шалашике, среди душистых ранних трав да соловьиных пений. А Ленчик? Что ж, так тому и быть — усыновит он Ленчика. Пацан растет правильный, да и привык он уже к нему, Ивану. Глядишь, скоро станет называть его папкой. Эх, хорошо! Бывают, значит, исключения, выходит, прав был попутчик, прав...

В то время заявился из города в Степное бывший Шурочкин муж, отец Ленчика.

Шурочка на следующий день шла по селу, закутавшись платком. Мать, как увидела синяки, давай ее расспрашивать, а потом говорит, чтоб та Ивану не сообщала, не то убьет он паразита, Ленчикова отца. Грех страшный будет.

Но все случилось по-другому.

Вернулся на Гумрак к пасекам Витька Болотников. Отцы остались по домам. С ним оказией увязался брательник. Выпимши был старший, ну и все Ивану рассказал про то, как «старый Шуркин муж гонял свою, что слышно было на полсела».

Витька поумней братца — кинулся к Ивану, чуть не вязать. Иван ему приложил не разбираясь. Рухнул Витька на спину — ровненько на шалашик. Шалашик и развалился под здоровенным Витькой. Очухался, матерится на старшего болтуна. Да толку. Иван прыгнул в Болотниковскую «буханку», за ним по проселку только пыль столбом. Пока ехал, колес не жалел, но ближе к дому поостыл Иван: «Только скажу, чтоб проваливал, не буду бить, не буду...»

Зашел Иван в дом — пусто в кухне. Он в комнату.

На кровати лежит тело: затылок взъерошенный, сопит в подушку. А подушка — та, на которой они с Шурочкой ночью соловьев слушали и о всяком замечательном разговаривали. Иван схватил незваного гостя за шиворот и поволок к дверям.

Ленчиков отец хоть и пьяный был, но стал понемногу приходить в себя — понять не может в чем дело — давай хвататься по сторонам за все подряд. Посыпалось с полок, занавеска рухнула с карнизом.

Я стрелять... ну, плохо стреляю. В Ростове в госпитале медбратом служил... У меня тяжелая контузия, с тех пор сплю плохо, мочусь по ночам.

— Ты куда... кто? А-а... хахаль Шуркин!.. Чмо-о!! Положь...

Очухался Ленчиков отец и давай материться. Мужик здоровый — рыхлый, крупней Ивана. Да Иван жилистый.

— Ах, ты, чмо! А-а, соседский... Этта ты, что ль, инвалид контуженый? Присоседился к чужому добру, голодрань!.. Вали из маего дома, чмо! — и с пола поднимается, а кулаком метит Ивану в голову, да промахнулся.

Иван побелел — и ударил в ответку.

Ударив раз, пошел уж лупцевать Ленчикова отца — тот и прикрыться не успел. Иван ему с первого удара — нос в кровь. Тот теперь корчится на полу. Иван по нему сверху ногами месится, зашелся — и аж пена изо рта. По сторонам глянул — молоток на полке. Схватил. И убил бы, да вдруг кто-то на руке повис. Шурочка! Она не кричала, а так тоненько стонала:

— Ни-ии... ни надаа, Ваня, ни-ии!.. Да что ж это, брось, брось! Уходи, оставь его, не смей! — Вдруг она закричала, но не бархатным, а злым, холодным, чужим голосом. — Убирайся вон! Оставь, тебе говорю... Что ж ты сделал, идиот?! У тебя совсем, что ли, мозги там, на твоей войне поотшибало? — понесло Шурочку.

Иван так опешил от ее слов, что выронил молоток и стоит как оплеванный: а ни утереться, ни уйти не может – ноги-руки онемели.

— Что ты, Шура? Я ж... он же... Смотри, вся щека у тебя...

— Урод, — упал платок на плечи: волосы нечесаные у Шурочки, слезы из глаз, на щеке синячина с кулак и веко подплыло фиолетовым. — Тебя кто просил лезть не в свое дело? Ты что ли кормить меня станешь? Да тебя самого нянчить еще... Защитник нашелся! Мне терпеть — не тебе. Всю жизнь от вас... выродков, терплю! Одна гадина мучает, да хоть деньги дает! Ты-то куда?.. Чего я теперь делать стану — на твою пенсию жить, инвалид чертов?

Может, и простил бы Иван Шурочке сказанное в горячности. Отошел бы потом, и помирились бы они с Шурой. Чего в жизни не бывает — чего не скажешь по злобе дорогому, любимому? Самому близкому и скажешь обидное: то, что чужому нельзя, неприлично, то своему отчего не сказать — все одно, простится потом. И простил бы Иван. Но тут Ленчик в комнату вошел – увидел все: мать растрепанную, отца своего в крови на полу. Ленчик к Ивану мелкими шажками подбежал и давай колотить его ручонками, а потом поднял лицо и со слезами сказал:

— Ты гад, гад... Это папка мой. А ты гад, дядька чужой!..

* * *

На Вишневой балке открылась «Карусель».

Держал точку барышник Пух, малый со Спартановки, тот самый, у которого

Иван работал когда-то в автомастерской. Пух торговал паленой водкой, но заходившим деловым наливал честно.

Пух платил исправно: когда звал Ивана в контору получать зарплату, хватал его за плечи и клялся, что за такого верного друга он готов че хошь отдать! Пух тряс жирным брюхом под шелковой малиновой рубахой и выкладывал перед Иваном девять синеньких бумажек. Всякий раз он добавлял сверх положенного пятисотрублевку за усердие и напоминал Ивану, что дружба — это когда друг тебя не просит, не просит. И вдруг попросит. А ты не откажешь другу...

Иван клал деньги в карман и шел на рабочее место.

В последнюю получку он отсчитал Пуху две тысячи — долг за драку и погром.

Если б в рабочий день Иван подрался — это одно, работа, а то ж в выходной, да и еще за девку шалопутную, Кристинку.

Пух не оскорбился за драку, но деньги за побитую посуду взял. Пуху вообще нравилось быть добрым: девчонкам-проституткам оставлял тридцать процентов с клиента и домой отпускал на праздники. Ивану он подмаргивал, когда отсчитывал премиальные; говорил загадками, что «хороший солдат — на всю жизнь... это первый раз страшно».

Иван мрачнел на такие разговоры.

Стал он выпивать. Сядет в углу подальше от глаз, рюмку, сигарету — одну за другой.

Первые дни, как устроился, места себе не находил.

Случайно закружилась Кристинка вокруг него: ножонки, грудки-вишенки. Иван со стула смахнул – садись, малая! Шампанского подружке заказал. Кристинка шампанское в розовый ротик льет, хохочет. Музыка на всю округу — гудит шалман на Вишневой балке. Подпили гости, один Кристинку по заду хлопнул. А как не хлопнуть? Ее же, гулящую, сразу видно.

Иван обиделся, что его подружку щупают — и в драку.

Пух отчитал его: за всякую б... ввязываться, не хватит его на всех. Гулящих, их вон, только свистни – набегут. Денюжкой потряси — как мишки цирковые станцуют, потешат состоятельного мужчину. Ему, Ивану, как своему, скидка с услуг. Но он, Иван, парень со специальностью, да еще с какой. Такие специалисты всегда в цене, если, конечно, заказчик найдется. Подмаргивал при этом Пух многозначительно.

Иван на эти ужимки сначала не обращал внимания, но с каждым разом намеки становились все навязчивей: вместо пятисот рублей Пух стал прибавлять по тысяче. Когда он напрямую спросил, не разучился ли тот стрелять, Иван решил, что пора менять работу.

Откуда Пух узнал о его прошлых делах, не имело значения, но Иван, будто снова попал в девяносто пятый, когда кинуло его в самое пекло: и не пошевелиться, не вырваться было. Его затягивало с бешеной силой в новый водоворот: война не отпускала, и оттого страшно стало Ивану. Когда уехал Иван из дома в город, мир вокруг, будто туманом окутало. Километры столбовые, вишни-абрикосы в белом цвету. Мать у крыльца. Шурочка... Ленчик. Ленчик колотил ручонками: «Чужой, чужой, чужой!»

«Значит, я правда с катушек съехал. Но я ж не сам, первый раз когда попал. Лучше бы, как Петьку Калюжного, наповал бы!.. Это вообще красота для нашего брата: и вечный покой, и вечная слава. Но почему я-то, почему не Пух или какая другая сволочь? Может, кто выбирает нас там... Тех, которые поглупей? А жирных, сытых не берут...»

Иван решил, что им, которые поглупее, на роду написано. Чего тогда противиться, чего с судьбой спорить? Но с Пухом решил не связываться и ждал момента, случая, чтобы уйти. Все не получалось.

Сомнения разрешились к осени.

Захаживали в «Карусель» деловые. Пух тогда выбегал из конторки и менялся весь на глазах — куда вся вальяжность девалась? Орал на поваров: «Шевелись!» Кружится карусель. Официантки мордахи подмазывают: губки красненьким, щечки припудрить, да чтоб блузки кружевные на просвет. Тащат подносы для деловых.

Тошно Ивану смотреть.

Однажды его позвали.

В конторке диванчик и кресло. На диване Пух елозит. В кресле — деловой. Весь в голде с шеи до пальцев-растопырок, после принятого с дороги развалился, как дома. Двое быков за спиной.

— С тобой серьезные... уважаемые люди хотят пообщаться, — говорит Пух. — Присаживайся. Выпьешь?

— На работе.

Деловой под блатного косит, распальцевался и на Ивана захрипел:

— Внатури, братан, отвечаешь за базар. Правильно сказал... Дело к тебе. Ты, говорят, стрелять умеешь?

На этом месте Иван и затосковал по-настоящему.

Сначала подумал про Батова и вспомнил его слова про то, что не получится из него снайпер, а только стрелок. И этим барыгам стрелок нужен.

«Братан? Ты... тварь узколобая, не братан мне. Ты — чушило! Братан мой в земле лежит. Много братанов, те, которые со мной под Аргуном в окопах гнили, которые... Да пошел, ты падла тыловая!»

Хотел Иван так же, как подумалось, ответить. Но представил, что закончится его монолог битвой с реальными потерями. Не до потерь ему. И не стал борзеть — решил врасти в материк.

— Ошибочка здесь. Я стрелять... ну, плохо стреляю. В Ростове в госпитале медбратом служил... У меня тяжелая контузия, с тех пор сплю плохо, мочусь по ночам. Не по адресу. Это вам к крутым надо.

Обиделся деловой, покраснел. И на Пуха:

— Ты кого привел, внатури? Мне стрелок нужен, а это фуфел! Ты, Пух, облажался, и, значит, ты сам фуфлыжник. Кто из вас гонит, тот и станет за базар отвечать!

Иван бочком-бочком выбрался из конторы. Там шум-гам: деловой уж Пуха трясет.

Посожалел Иван: зарплата завтра. Да делать нечего. Хватит с него скандалов, непонятой любви, соловьев до рассвета, помятых проституток, деловых с пальцами.

Видно, не уйти ему от судьбы...

* * *

В военкомате произошла заминка.

В документах у Ивана черным по белому, как клеймо — госпитальное «негоден». Чинуша в погонах, что отвечал за набор по контракту, сначала ни в какую – вали, и все. Инвалид! Иван дождался на улице, протянул чинуше деньги. Тот взял и сказал, что если Иван дурак, то ничего уж не поделаешь.

Назначил ему назавтра к обеду.

На следующий день Ивану подписали все бумажки. Чинуша на прощание руку протянул. Иван резанул его зеленым на выкате.

Отец истопил баню.

Иван обмылся наспех, в горячее не заходил. Только и бани было, что березовым духом надышался из приоткрытой парной. После мытья он раскинулся на лавке, но показалось ему, что смотрит на него кто-то. Огляделся, даже в окошко глянул — никого. Наготы своей застеснялся. Чудно! Понял Иван: это бог на него смотрел. Будто на медкомиссии врач: годен или не годен? Хоть и бог, а все равно Ивану неловко, а потом подумал — чего ж неловко, бог ведь сам людей сотворил такими.

Тогда стал Иван богу молиться:

— Боженька истинный, — молился Иван, — направь меня по верному пути...

Он вспоминал, как молилась мать. Мать шептала разные странные слова и просила у кого-то, кого называла богом, всяких благ. Еще про покойников говорила хорошее.

Иван вспомнил, что в доме есть икона Богородицы.

— Богородица, обереги меня, чтоб как с братом не случилось. Не от страха за себя, а так, что боюсь за мать. Она, если я загнусь, заболеет и может умереть. Отец один никуда не годный, он затоскует. Жить здесь мне не... не получается. Оттого что кровь на мне, наверное?.. Видно, теперь мне платить... Я не простил им, они звери потому что! А я — человек! Ты мне и прости... Убивать больше не стану, не хочу больше руки марать. Пусть не десять будет, как задумал сначала, да и девятерых хватит...

Он подумал, что нужно и богу самому сказать.

— Господь, господь... — а чего еще сказать, не знает Иван, так и перестал молиться.

Вышел он на воздух в трусах и майке. Теплая осень, самое бабье лето. У Болотниковых Шалый забрехал, на другом дворе в ответку гавкнули, и пошел перебрех по всему селу.

О боге больше не думалось.

Закурил. Шурочка вдруг ему вспомнилась, и он будто услышал ее голос, где она бархатно тянула: «Свою судьбу с твоей судьбою...»

— Да, видно, не судьба, Александра, нам... Жаль, что так все случилось, жаль...

Ивану пришла мысль: а что, если плюнуть на все эти правила, обиды, да и пойти сейчас к Шурочке и сказать ей: «Александра, я, вот, люблю тебя, и на сына твоего не в обиде, давай жить семьею!»

Он даже встал и шагнул с крыльца.

Но, увидев белые свои ноги, сконфузился: ведь голый он, по жизни голый, как солдат-первогодок в батальонной бане...

Как ни хотелось идти на кладбище, а пошел Иван.

Постоял у могил, в небо сощурился.

Соколина-бродяжник махнул через бугор и сел на высокую ветку, перья оправил, поклевал меж когтей. От кладбищенского забора стайка ворон шарахнусь с карканьем. Соколина глянул туда-сюда и, вскинувшись сразу ввысь, полетел смело, как и подобает гордой птице.

Земля за лето стверделась. Холмик на могиле мягкий. Иван рукой копнул и разрыл поглубже, до густоты глинистой. В ямку опустил серебряный крест и присыпал, затрамбовал ладонью. Поднялся, стряхнул с колен.

— Как обещал, брат... Твой орден.

Чинуша в погонах, что отвечал за набор по контракту, сначала ни в какую – вали, и все. Инвалид! Иван дождался на улице, протянул чинуше деньги.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Аркадий и все, кто сейчас рядом, здравствуйте!

Я уже писал вам письмо, еще в прошлом году, и даже посылал вам свой небольшой рассказ-воспоминание о Чечне 95-го года. К моему сожалению, я не дождался вашего ответа…

Не хочется думать, что вы просто проигнорировали мою небольшую просьбу или не посчитали нужным ответить мне из-за того, что я сейчас нахожусь в колонии. А если это так, значит, все слова о братстве, о простой моральной поддержке друг друга, все общества ветеранов и все т. п. — пустой звук. Мне не хочется верить, что лишь ТАМ мы можем вытаскивать друг друга из-под пуль, делиться последней водой и патронами, прикрывать друг друга. А оказавшись здесь, начинаем все переводить на деньги и общаться с тем, от кого можно поиметь выгоду. Очень не хочется верить в это.

Вот я и пишу вам это письмо, потому что «надеюсь» на то, что ваше молчание связано не с тем, что вы просто «не замечаете» меня, а с тем, что письмо просто не дошло к вам. Вот посылаю заказное письмо, его должны вручить вам в руки, а я буду знать, ушло оно или нет.

Пацаны! Я ведь вовсе не прошу, чтобы вы нанимали для меня адвокатов или помогали материально, ни посылок со жратвой, ничего такого я не прошу и не стану этого делать. Но неужели у вас совсем нет сил и времени для пары строчек письма? Неужели у вас совсем нет денег, чтобы послать мне ваш журнал? Ну, сколько он стоит, 100 руб.? Больше? Да что сейчас 100 рублей? Водка дороже стоит… Простите, сорвался. Конечно, вы мне ничего не должны. Так ведь и я не требую — прошу.

Был в Чечне почти полтора года, начиная с 1995. Двенадцатая бригада спецназа. Может, есть сослуживцы?

То, что я сейчас в колонии, конечно, не красит меня. Так я этим и не хвастаюсь. Ни один человек не застрахован от попадания сюда. За минуту до случившегося я даже не представлял, что такое со мной возможно…

Пожалуйста, очень вас прошу, вышлите один-два журнала и пару строк письма.

Знаете, я немного завидую чеченцам, да и многим другим: они никогда не бросят своего вот так вот в подобной ситуации, а мы…

Ну, ладно. В душе много всего, все не напишешь, да и ни к чему.

Я тут иногда записываю свои воспоминания — интересные случаи, порой смешные, порой не очень. Если вам интересно, я мог бы послать.

Буду ждать ответа и надеяться, что не все на словах.

С уважением и всеми наилучшими пожеланиями,
Андрей.
Январь 2008 г.

P.S. Напишу, на всякий случай, один самый коротенький мой рассказ.

9 мая 1995 г. Чечня. Ханкала. Наверное, для того, чтобы мы не расслаблялись и не утратили своей боевой и политической подготовки, наше командование решило послать две наши группы спецназа в засаду. Вообще-то, выходной намечался. Ну, что ж... никуда не денешься...

Ближе к ночи двумя группами на двух БТРах выдвигаемся. Само собой, никого (кроме командиров) о месте засады не оповещаем, иначе, что это за засада получится?

Не доезжая где-то километр до места, оставляем БТРы и одну группу с ними, а наша вторая группа идет дальше пешком.

Место выбрали удобное, до «зеленки» метров сто, перед ней — ровное поле, а мы спрятались под несколькими большими деревьями, росшими здесь как раз для нас. Ива или карагач какой-то, не разглядел в темноте. В общем, лежим, ждем.

Девятое мая, конечно же, праздник и, конечно же, его постарались отметить в войсках... Одна из частей оказалась как раз позади нас, а мы между ней и зеленкой. В той части отмечали праздник. В начале устроили небольшой салют, запуская в ночное небо разноцветные ракеты. Потом... Наверное, кому-то из них что-то померещилось или так, на всякий случай, дали по зеленке очередь из пулемета, потом еще одну... Еще одну... Автоматы стали подключаться к этой перестрелке. Наверное, они решили дать понять дудаевцам (тогда еще), что к нашим доблестным войскам не подойдешь!

Через некоторое время по «врагам» стреляло все, что было у этой части. Хорошо, что это были не минометчики. Даже КПВТ не остался в стороне. Никто из них, конечно же, не знал, что под деревьями, по которым они непременно старались попасть, залегла группа спецназа...

Нас понемногу засыпало щепками, листьями и сбитыми ветками. Маскировка что надо! Хорошо еще, что мы лежали в небольшой ямке. «Самое главное, чтобы артиллерия на помощь не подоспела!» — думали мы. А если вдруг в атаку пойдут!? Не знаю точно, сколько времени длился этот «бой», но все боевики получили достойный отпор и ни у кого из них не возникла мысль лезть в эту ночь на этом участке на такую огневую мощь! Так что наша засада оказалась бесполезной.

Так и пролежали на месте до утра. Ночью сниматься не стали, вдруг какой-то бдительный боец заметит шевеление со стороны «наголову разбитых боевиков»?! Тут уж точно без бронетанковой атаки не обойдется!

Ну вот, примерно так. Извиняюсь за возможные ошибки, особенно с запятыми, беда у меня с ними. Я ведь стал «писателем» совсем недавно.

Очень жду вашего ответа.

Со всеми наилучшими пожеланиями,
Андрей.

Аркадий Бабченко

Старшина. Участвовал: Чечня

Мы продолжаем серию статей под общим названием «Отработанный материал» о поиске пропавших в Чечне солдат. В предыдущих номерах мы опубликовали интервью с Вячелавом Бенчарским и Вячеславом Измайловым, членами Комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести.

Надежда ЯЦИНА:

«ПОКАЗАЛИ МНЕ КОСТОЧКУ — ВОТ ВАШ СЫН. ПОСЛЕ АНАЛИЗА ДНК ВЫЯСНИЛОСЬ — ЭТО КОРОВЬЯ КОСТЬ»

Она звонит мне каждую неделю, узнает, есть ли какие новости. В феврале звонки стали чаще:

— Мне сейчас очень тяжело. Мне сказали, что вы занимаетесь этой темой, поиском пропавших. Я раньше звонила в Грозненскую прокуратуру, мы с ними разговаривали, но теперь то ли телефоны поменялись, то ли еще что-то. Я каждый день плачу — где он лежит, что с ним. Где его тело....

Я не знаю, что ответить Надежде Ивановне. Не знаю, кто занимается поиском останков ее сына. Не знаю, почему я, пройдя войну солдатом, должен молчать в трубку и чувствовать себя безумно виноватым перед этой женщиной. Да, смотреть в глаза матерям, когда сам ты вернулся, всегда тяжело. Но здесь другое. Я чувствую вину за то, что должен на ее вопросы отвечать одно: «Я не знаю».

Почему?

Двадцатого февраля у Надежды Ивановны день рожденья. Двадцатого февраля у Надежды Ивановны день смерти. В этот день в Чечне был убит ее сын, корреспондент ИТАР-ТАСС Владимир Яцина. Я ничего не буду ни убирать, ни добавлять в этот текст. Кроме, пожалуй, одного: этим материалом мы продолжаем серию статей под общим названием «Отработанный материал».

Отработанный материал — потому, что предприятие под названием «Первая чеченская» обанкротилось, а его дочка, «Чеченская вторая», по счетам не платит. Пропавшие без вести люди отнесены к расходным материалам, списаны со счетов в статью «расход». Они свое дело сделали и их можно выбросить. Отработанный материал. «Имя твое неизвестно...» С нашими солдатами сделали то же самое, что и с нашими пенсионерами. Монетизация предприятия «Чеченская война» произошла успешно.

В этих репортажах речь идет о том, КАК наше государство ищет своих пленных в Чечне.

— Он уехал 19 июля 1999 года. Через месяц на рассвете мне позвонили. Я: «Алло, алло», — но ничего не слышно, помехи. Потом позвонили Свете (*жена Владимира Яцины* — **А.Б.**), сказали: «Ваш муж у нас. Вы должны привезти нам два миллиона долларов». Она говорит: «Где же я возьму такие деньги? Это нереально! Мы не можем вам такие деньги дать!» Они бросили трубку. Это братья Ахмадовы. Девять человек их. Потом второй раз звонили: «Деньги должны быть в Чечне, вы должны привезти», — и положили трубку.

Я хотела пойти на улицу собирать деньги, по электричкам пойти, мы квартиру готовы были продать, но где нам достать два миллиона... Потом Ахмадовы звонили директору ИТАР-ТАСС, чтобы дали деньги. Они хотели дать, сотрудники хотели собрать, но тут вышел приказ Путина: за заложников не давать никаких денег... *(Плачет.)*

Первое письмо я написала Лебедю, он ответил: с вами будет заниматься Мукомолов. Он занимался. Только он до сих пор и занимается. Потом написала в ГУБОП — там и Сумцов, и Баташев, и Морозов... Куда мы только не обращались. Обращались к Рушайло, он даже не принял. Это подлость, это подлый человек, я никогда не думала, что он может быть таким подлым. Обращались к Устинову — мы будем искать. Но никто, ничего... Только имитацию... сделали кассету, она сейчас в прокуратуре в Чечне...

— Что за кассета?

— Они инсценировали, будто ищут Володю, ищут бандитов, кто его похитил, летают на вертолетах и стреляют. Нам показалось, что это шоу какое-то. И вдруг находят какую-то косточку, говорят — это ваш сын. Я училась в медицинском институте — это не человеческая кость. Эту косточку отправили на ДНК, у меня потом брали и кровь, и слюну, и из головы (*показывает на лоб*)... Это кость животного, коровы...

Володя был жив еще тогда. Работали и осведомители, и хотели поменять его на каких-то раненых боевиков, все можно было сделать — но не стали менять, ничего не сделали! Неделя оставалась какая-то...

В декабре пришел часовой, взял его, повели. «Где деньги?» Он им ответил так же: «Где моя жена и мать могут взять два миллиона долларов?» «Все, выходи». А часовой

ему на выходе говорит: «Все, тебя расстреляют, раз деньги не дают». Зося Милявская рассказывала: зашел Володя белый-белый... И спокойно так сказал: «Меня расстреляют».

— Надежда Ивановна, как вы узнали, что Владимир убит?

— Двадцатого февраля, это мой день рождения, просыпаюсь утром, включаю телевизор и слышу: «Известный спецкорреспондент ИТАР-ТАСС Владимир Яцина расстрелян братьями Ахмадовыми»... (*Плачет.*) Потом по всем каналам стали — по первому, по четвертому — только об этом: расстреляли. Его уже почти освободили, могли освободить, и ничего не сделали. Почему, почему? (*Плачет.*)

— Официально вам сообщили?

— Нет, никто, никто не позвонил! Только с работы... (*Плачет.*) Приехал заместитель директора ИТАР-ТАСС... (*Плачет.*) А прокуратура, власть — никто. Он же никак не успокоится, где он там... валяется... (*Плачет.*)

Нам прислали письмо: вы должны обратиться в Чеченскую республиканскую прокуратуру. Мы стали звонить, обращаться, нам оттуда отвечают: мы делаем все возможное (*В прошлом году Чеченская республиканская прокуратура переехала на новое место, но никто даже не удосужился сообщить Надежде Ивановне новый телефон* — **А.Б.**) Завели два уголовных дела, по факту хищения и по факту убийства. Потом одно уголовное дело — по факту хищения — закрыли, так как не нашли Успаева (*Магомед Успаев подозревается в содействии похищению* — **А.Б.**) Я недавно опять разговаривала с Чечней, я говорю: «Сына моего убили, что ж вы ничего не делаете?» Они говорят: мы вас можем обрадовать — Успаева задержали в Швеции, мы сейчас договариваемся об экстрадиции. Но почему они нам ничего не написали? Почему я сама должна звонить в день гибели моего сына, сама узнавать? Напишите, сообщите, двое пострадавших — я без сына, Света без мужа! Я без кормильца осталась, это был мой кормилец! (*Плачет.*) Что я сейчас пенсию получаю, мне даже на таблетки не хватает. Видите, во что я превратилась — я была здоровая цветущая женщина. Когда его похитили, я перенесла такую депрессию, что еле осталась жива. У меня парализовало тройничный нерв. Я хотела умереть. И до сих пор не могу выйти из такого состояния. Все время сижу, сижу, только с ним разговариваю. «Почему тебя убили, когда ты никого не трогал? Ты же

пришел с камерой. За что?» Я каждую ночь представляю, как его расстреливали... Может быть, он не сразу был убит...

— Как сейчас занимаются поисками останков Владимира?

— Никак. Никто не звонит, никто ничего... Его не ищут (*плачет*)... Журналисты звонят, а эти — нет. Свету вызывали в ГУБОП, а меня — нет, я ходить не могу к ним. А сами они ни разу не пришли. Только вызывали, а на самом деле ничего не сделали. Никакой помощи в его розыске не оказано. В Америке поставили памятник погибшим журналистам, где есть и о моем Володе строчка, а наши — нет, ничего. Фонд Лебедя только занимается, Мукомолов (*Александр Мукомолов, председатель Миротворческой миссии имени генерала Лебедя, единственной структуры в России, которая на сегодняшний день реально занимается розыском пропавших без вести и военнопленных в Чечне* — А.Б.) — он говорил мне, что все делает, но федеральные власти не дают ему искать Володю, не допускают его... Он надежный человек, свяжитесь с ним.

— Но ведь примерно известно то место, где Владимира расстреляли, примерно известно, где он захоронен...

— Никто не ищет, никто! Нам же надо захоронить его, перевезти в Москву — это же сын! Может, было бы куда придти, поклониться... Я хочу только одного: дожить до этого момента, все прошу Бога помочь мне найти его, а потом уже можно и... (*Плачет.*) В ИТАР-ТАСС предлагали нам устроить прощание с ним. А как мы простимся? Ни тела, ничего... Нам пришлось признать его умершим через суд, потому что я сейчас умру, на квартиру много наследников найдется, а я хочу, чтобы Света перевела ее на себя... Нам дали такую бумагу, чтобы его считать... боюсь это слово произнести... считать, что он неживой...

— Вам хотя бы компенсации какие-нибудь выплатили? Я понимаю, что о деньгах сейчас... Но хоть так?

— У меня пенсия — три шестьсот. ИТАР-ТАСС каждый месяц мне дает тысячу триста рублей. Все. Мне этих денег... у меня же лекарства, у меня ноги не ходят, уколы дорогие, у меня тройничный нерв. Это все очень дорого. ИТАР-ТАСС сейчас назначил премию имени Владимира Яцины — десять тысяч долларов, а мне — тысячу триста рублей...

— Надежда Ивановна, после того как прошло сообщение, что Владимир... что его... расстреляли... вы сами обращались в ГУБОП, МВД, прокуратуру?

— А как же? Конечно. Мы до сих пор обращаемся везде. Я звоню в ГУБОП, звоню... просто отписка — мы ищем. Я сама все время звоню, я непрестанно звоню. Почему, когда Буданов убил девушку, все сделали, а когда сына моего убили, кормильца, он оставил меня на произвол судьбы получается, что ж вы... *(Плачет.)* Мне не деньги нужны, мне сына убили... мне за лекарства надо сколько заплатить... Это хорошо, что о девушке этой заботятся, это правильно сделали, это нужно делать, но что ж мне-то... (*Плачет.*) Сколько он фотографий сделал... И какие фотографии, какие люди: и артисты, и академики, и авиасалоны — столько материалов вам нафотографировал, что ж вы не вспомните про него-то... (*Плачет.)* Владимира уже можно было освободить, там работали чеченские осведомители, недолго ему оставалось там сидеть, а тут указ Путина: денег за заложников не давать. Я звонила Ахмад-Хаджи Кадырову, он сказал: «Я буду искать...» — и через неделю сам погибает... А Рамзану Кадырову я не могу дозвониться, у него же мобильный, наверное, он его не каждому дает, наверное... я не могу с ним связаться... (*Плачет*) Не помогли ничем.

Беседовал Раян Фарукшин

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

Полковник запаса Борис Игоревич ПЕТРОВ – образцовый военный, из тех, на ком держится армия: он и сын, и отец, и брат офицера-десантника. Вся жизнь – ВДВ!

Можно ли, воспитываясь в среде десантников, не впитать в себя с детства романтику неба и красоту белых открытых куполов? Вот именно, невозможно! И молодой Борис, еще до поступления в Рязанское воздушно-десантное училище, совершил около 30 прыжков с парашютом, исколесив с отцом всю нашу необъятную – от Дальнего Востока до западных границ.

Закончив в 1977 году училище, Петров определился в Кишинев, в 300-й гвардейский парашютно-десантный полк. Командовал сначала взводом, с которым заслужил свой первый орден – «Знак Почета», затем отдельной разведывательной ротой полка.

В Афганистан прибыл весной 1981 года. По собственному желанию. Служить Родине, особенно «за речкой», было почетно и престижно.

— В Афгане мы были патриотами, у нас была непоколебимая вера в себя, в армию, в наш советский народ, в правое и нужное дело, и мы твердо знали, что за спиной – мощь великой державы, которая поддержит, поможет, не забудет.

В Чечне, когда мы валялись в грязной коричневой жиже войны, мы не всегда понимали, зачем мы здесь и какие задачи выполняем. Когда загнали боевиков в горы летом 1995-го, оставался один шаг до победы, но власти объявляют перемирие, дают возможность дудаевцам прийти в себя, оклематься, набрать пополнение, провернуть кровавые теракты в Буденновске, Кизляре, Первомайском и снова диктовать свои условия.

Тогда был кризис – упадок и в стране, и в армии. Не хватало ГСМ, продовольствия, обмундирования. Офицеры ходили унылые, месяцами не получали зарплаты, но не разбежались, получив приказ «на войну», а поехали выполнять. И там, лежа на дне промерзшего окопа, грызть сухари и слышать по радио о пьянках «богемы» по поводу и без, слышать о скупках на Лазурном берегу Франции отечественными олигархами дорогостоящей недвижимости, дележке политиками регионов и природных недр, а потом верить, что воюешь за Родину? Это сложно. Порой приходило ощущение, что нас, военных, вообще нет, что страна живет своей будничной жизнью, а мы сами по себе шастаем в горах в поисках вечно ускользающего противника и занимаемся самоистязанием.

Мы воевали с террористами, в том числе иностранными, а телевизор вещал: «федералы ведут борьбу с народным ополчением». Что за бред? Какие «федералы»? Какие «партизаны»? Мы что, в тупом американском боевике живем? Было больно ощущать себя отторгнутым, забытым, брошенным на произвол. Но как нас ни оскорбляла пресса, ни пинали власть имущие – обычный солдат, чуваш, татарин, русский из глубинки, честный, душевный, исполнительный — делал свое дело, старался, выполнял приказы, воевал и побеждал.

Если посмотреть книгу «70 лет ВДВ», можно увидеть, что в первой чеченской кампании 7-ая вдд понесла наименьшие потери среди всех дивизий воздушно-десантных войск. И не потому, что 7-ая не воевала — нет, мы воевали практически с первого дня — а потому, что солдаты и офицеры были подготовлены, действовали слаженно, воевали по уму.

Всегда учил младших офицеров помнить: без сильного, исполнительного, мужественного солдата офицер – ноль, пустышка. И без грамотного, мыслящего, мудрого офицера солдат – груда бесполезных мышц, мишень. Только вместе и сообща в сложных боевых условиях можно достичь положительного результата, и я всегда стремился создать крепкий, дружный коллектив единомышленников, способный выполнить любую поставленную задачу. И спасибо им, солдатам и офицерам, этим ребятам, что сдюжили, вытерпели, не бросили, вытащили на своих плечах «контртеррористическую операцию».

Когда лечился в госпитале, ко мне ежедневно приходили друзья и сослуживцы, общение хорошо способствует выздоровлению. А рядом со мной лежали и ветераны Великой Отечественной, наши деды, и совсем еще мальчишки, воевавшие и раненые в Чечне, которых никто не навещал. Казалось, они никому не нужны и забыты, брошены мучиться в одиночестве. Наблюдая за ребятами, я невольно поставил себя на их место, и мне стало страшно от осознания собственной беспомощности и бесполезности. Думал, раз я никому не нужен, то жизнь можно заканчивать. Человек перестает ощущать себя человеком, когда осознает свою ненужность, оттого очень важно, чтобы Родина не забывала верных своих сыновей, получивших увечья и травмы при защите ее интересов. Важно, чтобы политики, наконец, поняли: армия нужна не для ведения войны, а для того, чтобы сдерживать планы корыстного противни-

Выхожу из-за дувала. Тихо, кругом искромсанные тела моджахедов, прямо в ряд лежат, от дувала и до дерева. Вперед выходит дозорный. Идет.

ка одним своим существованием, чтобы войны не допустить в принципе. Армию нужно укреплять постоянно, модернизировать в ногу со временем, внедрять опыт последних войн, своих и чужих. Почему в первую чеченскую в простейшей ситуации у командиров разного уровня возникали страх и паника? Потому, что в училищах их учили воевать по книгам операций Великой Отечественной, совершенно забыв об опыте борьбы с басмачеством, бандеровцами, прибалтийскими «лесными братьями», а это в тех условиях очень бы пригодилось. Да вспомнить хотя бы Афган...

В «пыльной стране гор и песков» Петров командовал третьей ротой первого батальона в 345-м гвардейском парашютно-десантном полку. Служил под командованием Павла Грачева и Александра Лебедя. Последний в своей книге-автобиографии «За державу обидно...» назвал третью роту лучшей в батальоне, а в Петрове отметил умение побеждать компетентными решениями и военным искусством, а не кровью солдат.

В 1989 году Борис Игоревич закончил академию имени Фрунзе. Служил заместителем командира 108 пдп. В Чечню приехал летом 1995-го на должность старшего оперативной группировки 7-ой гвардейской воздушно-десантной дивизии, заменив убывающего в Югославию Аркадия Егорова.

После тяжелого ранения зимой 1996 года под дагестанским селом Первомайское, когда получил шестнадцать осколков в тело и два в голову, лечился долго, но на службу вернулся, хотя первый вердикт врачей был суров: «ранения с жизнью не совместимы».

Об авторитете кавалера трех орденов Бориса Петрова в десантной среде говорить не приходится. В госпиталь, навестить боевого товарища, приезжали и министр обороны Павел Грачев, и командующий Объединенной группировкой войск Минобороны в Чечне Владимир Шаманов, и многие другие известные офицеры. За грамотно организованную оборону десантников под Первомайским министр обороны лично наградил Петрова именным оружием.

В 1999-2000 годах Петров как начальник оперативного отдела 1-ой отдельной воздушно-десантной бригады в составе многонациональной дивизии НАТО был командирован в Югославию. По возвращении и до выхода на заслуженный отдых в 2006 году служил начальником боевой подготовки 7 вдд, в качестве военного консультанта участвовал в съемках популярных патриотических фильмов и сериалов «Честь имею!», «Спецназ», «Мари-бросок», «Прорыв», «Карусель», «Грозовые ворота».

Несколько лет назад ушел в запас и младший брат Бориса – Петр, но служить Отечеству династия Петровых продолжает. Капитан Сергей Борисович идет по стопам родителей, недавно закончил десантное училище, служит в штабе дивизии.

— В девяностых годах прошлого века на празднике в честь Дня ВДВ хороший друг моего отца провозгласил тост: «Давайте, мы, невоевавшие отцы, выпьем за наших воюющих сыновей!» Тогда отец выпил и за меня, и за брата, прошедшего смуту Азербайджана и Приднестровья.

Я очень хочу, чтобы сейчас в нашей стране правил мир, чтобы никогда не потребовалось вмешательства вооруженных сил в дела государственные, и мой сын не смог бы произнести такой тост о моих внуках!

Афганистан

Была крупная общевойсковая операция, многодневная. Панджшерскую долину взяли в кольцо: обложили со всех сторон войсками и полностью блокировали. День за днем подразделения, продвигаясь вперед, прижимали банды моджахедов к реке Пяндж, где должны были их уничтожить.

Получил приказ: совершить дневной переход. Построил роту, пересчитал, выдвинулись. В первом взводе трое дозорных спереди, за ними я и радист, следом остальные, последними – двое бойцов прикрытия. Второй взвод двигался справа, в ста метрах параллельно первому, но с небольшим отставанием. Всего нас набиралось 30 человек.

Всегда учил своих солдат не стрелять по своему «хочу» или от неуверенности и страха. Зачем стрелять, когда стреляют все вокруг и не понятно, куда и зачем? Ведь выпущенные минутой ранее «в небо» патроны могут пригодиться именно сейчас! Только по моей команде мои подчиненные открывали огонь.

Выходим к длиннющему дувалу. Сосредоточились, пошли вдоль гуськом. Второй взвод потеряли из виду, но слышать могли. Командир второго взвода Хаби Хаджиматов докладывает:

— Засек два тела. Пробежали передо мной, с оружием.

Отвечаю ему:

— Будь внимателен!

Тут мои дозорные доходят до угла дувала: двое выглядывают, выходят на открытое пространство, но неожиданно падают и начинают стрелять. Третий остался за стеной, а стена высокая и толстая, пулей не пробьешь. Раз стреляют без моей команды, это значит одно: обнаружили противника, он рядом и дело серьезное. Даю команду «Стой!», подбегаю к углу, выглядываю. «Там духи!» — шепчет мне третий дозорный, Морозов. Вижу метрах в десяти вдоль дувала огневые точки противника, а в конце дувала открытое такое место, небольшое поле и старое толстое дерево. Командую Хаджиматову: «Заходи справа, там духи!» Хаби в этот момент вступает в бой с другой группой моджахедов. Стрельба, шум. Я в помощь дозорным подтягиваю пулемет и несколько автоматчиков. Воюем. Бах, все стихло. Выхожу из-за дувала. Тихо, кругом искромсанные тела моджахедов, прямо в ряд лежат, от дувала и до дерева. Вперед выходит дозорный. Идет. Вдруг одиночный выстрел. Громкий. Из винтовки пальнули. Дозорный падает, отстреливается. Падаю и я. Замечаю: стреляют по нам из-за дерева. Обрушиваем туда огонь со всех стволов. Замолкает винтовка. Встаем снова. Идем вдоль стены вперед очень медленно, сами боимся, мало ли что «духи» лежат — а вдруг кто живой. Приказываю двоим: первому – выстреливать в каждое тело неприятеля по патрону, второму – отбрасывать от тел оружие. Так доходим до дерева. Заглядываю за него, а там лежит, вцепившись в винтовку, совсем молодой пацан, лет пятнадцать ему от силы. Война, черт ее дери!

Прочесали весь дувал заново. Насчитали пятнадцать трупов противника. Сложили трофеи, считаем. Оружия – масса, даже три АКМС 5.45, которых тогда почти не было у «духов», два пулемета, гранатометы, винтовки.

Комбат Александр Лебедь выходит на связь:

— Катер-45, что там у вас?

— Я Катер-45, отвечаю Грому-15. Бой закончил. 15 убитых...

— Наших? – грозным голосом перебивает меня комбат. Чувствую, как Лебедь краснеет, наливается кровью, входит в раж. Скоро разразится гром.

— Никак нет, 15 уничтоженных мятежников! – разряжаю обстановку. – У меня потерь нет. Трофеи... – перечисляю ему количество.

— АКМСы 5.45? – радостно кричит комбат. – Никому не отдавать! Будем потом серьезно разбираться, откуда они у «духов»! Молодец, всех наградим!

Никого, естественно, не наградили, сколько комбат ни хлопотал.

— А что? – ему говорят, — потерь в роте нет, значит, ничего опасного не было, жизнью никто не рисковал, и награждать за что!

Нескромно, конечно, говорить о наградах, когда речь идет о твоих подчиненных, но я считаю, за хорошую, профессионально выполненную работу ребят надо было обязательно награждать, а в штабах всегда ценился подвиг, когда «ценой своей жизни» и «истекая кровью». А если грамотно раздолбили душманов, взяли трофеи хорошие, выполнили задачу без потерь, то: «Молодцы, как мы вас и учили». Типа, так и положено, парни, воюйте дальше, а мы тут еще посмотрим на ваше поведение.

Немного было обидно, что солдатам, которые постоянно в боях участвовали, меньше железа на грудь получалось, чем тем, кто в палатках по картам указками водил, красиво наклеивал бирки на папки да побеленные бордюры начальству показывал.

Помню, товарищ один, знающе посмеиваясь, повторял:

— Вот потеряли бы половину роты да сами погибли, тогда и получили бы по ордену.

А я думаю так: взвод угодил в засаду, однако ребята сработали, как положено! Дозор упредил огнем обнаруженную засаду, заставил врага остановиться и залечь, а своим основным силам развернуться и грамотно, обойдя с фланга, уничтожить противника. Без потерь. Классика!

Дагестан. Первомайское

В январе 1996 года сводный батальон 7-ой воздушно-десантной дивизии находился в Чечне, в базовом лагере у станции Ханкала.

Сводный батальон из-за выбывающих больных и раненых был укомплектован процентов на 70%, это примерно 360 человек. В парашютно-десантных ротах осталось по 35-40 человек, однако, личному составу мы отдыхать и расслабляться не давали, ежедневно проводили занятия по действиям в дозоре, охранении, мероприятиям по проживанию и передвижению на поле боя. В случае получения сигнала на боевые действия, мы были готовы в кратчайшие сроки приступить к выполнению боевых задач.

Сводный батальон из-за выбывающих больных и раненых был укомплектован процентов на 70%, это примерно 360 человек. В парашютно-десантных ротах осталось по 35-40 человек.

Утром девятого января стало известно, что банда Салмана Радуева и Хункар-Паши Исрапилова численностью до 400 человек напала на аэродром Кизляра и военный городок внутренних войск. Боевики захватили городскую больницу и взяли в заложники медперсонал, больных, а также жителей окрестных домов. Из Объединенного штаба группировки российских войск в Чечне я получил распоряжение о немедленном выходе в Кизляр. Несмотря на то, что я трижды выезжал в штаб ОГРВ для уточнения задачи, ничего конкретного не получил. Штабом нашего батальона были разработаны три варианта выполнения распоряжения с распределением сил, средств и времени. Первые два варианта – выход батальона с артиллерией своим ходом и переброска десанта вертолетами с последующим подходом бронегруппы и артиллерии — отпали. Расстояние до Кизляра — километров 180, а по зимним дорогам смешанной колонной в 60 единиц техники да через города Аргун и Гудермес мы бы шли неимоверно долго, с боями и неся потери, так как эти районы фактически контролировались чеченскими бандформированиями. Выбрали третий вариант: переброска личного состава к месту проведения операции вертолетами.

Ночью командующий ОГРВ генерал-лейтенант Тихомиров поставил задачу: тремя группами (одна от 22-ой бригады спецназа ГРУ, две от 7-ой вдд) на вертолетах Ми-8 при поддержке звена Ми-24 десантироваться посадочным способом в район обнаружения колонны с заложниками и боевиками, огнем вертолетов огневой поддержки заставить колонну остановиться в чистом поле и высадкой групп захвата добить боевиков с трех сторон или вынудить их сдаться. На проведение операции планировалось не более двух часов. С группой спецназа был начальник разведки 58-ой армии СКВО полковник Александр Стыцина. Группами десантников руководил я, координировать мои действия прибыл полковник Виктор Пинчук, представитель штаба ВДВ.

Всего группы 7-ой вдд насчитывали 65 человек: по 30 человек от 2 и 3 пдр (в том числе врачи, офицеры связи, расчеты огнеметчиков и АГС-17). С гранатометчиками был офицер из 21-ой одшбр. Вооружение: 2 АГС, 2 ПК, 6 РПО «Рысь», 2 СВД, остальные с АКС и РПК с тремя боекомплектами.

Радуев, блокированный в Кизляре спецназом МВД, пошел на контакт с властями Дагестана, отпустил часть заложников, взамен получив добровольцев — представителей местных силовых структур и депутатов различного уровня. Ему дали автобусы, гарантировали безопасность в пределах республики. Колонна Радуева двинулась в сторону Чечни.

С семи утра десятого января мы ждали команды на вылет, но вылетели лишь к полудню и через 20 минут десантировались в 300-400 метрах западнее и юго-западнее Первомайского, между селом и границей Дагестана с Чечней.

В результате получасового наблюдения за местностью, высылки разведгрупп в села Первомайское и Советское (2 км южнее) удалось установить, что колонна автобусов с боевиками и заложниками после атаки с вертолетов развернулась и въехала обратно в село. Боевики разоружили блокпост Новосибирского ОМОН (32 человека), завладели их стрелковым оружием и БТР. Почему милиционеры, находясь в укрепленном районе и имея бронетехнику, не оказали боевикам сопротивления? Не имели приказа? Боялись навредить заложникам?

Жители Первомайского спешно покидали свои дома и с вещами, что могли унести на руках, шли в село Советское. В группе беженцев мои разведчики видели человека в форме полковника милиции. Кто это был и что он там делал, выяснить не удалось.

Боевики, используя заложников и пленных ОМОНовцев, приступили к укреплению занятых позиций: рыли траншеи, возились в арыках, готовили крайние дома к обороне — прорубали в стенах бойницы, закладывали окна. Я хорошо видел работающих людей в бинокль, часть из них была с белыми повязками на голове, но разобрать, кто использовал повязки – боевики или заложники — не представлялось возможным.

Доложил обо всем в штаб группировки, получил приказ оборудовать позиции и вести наблюдение за противником.

Мы не сомневались, что и радуевцы за нами следят, и чтобы они знали, что мы настроены серьезно, перед позициями 3 пдр, прямо напротив блокпоста, были проведены работы по установке минных полей, а на случай прорыва боевиков на машинах и захваченном БТР заминирован мост. Мы вырыли окопы в полный рост, определили сектора стрельбы, рубежи открытия огня, сигналы взаимодействия, оборудовали огневые точки, в том числе ложные, чтобы боевики думали, что нас больше.

Ночь с 10 на 11 января прошла спокойно. В следующие двое суток с востока и юга от Первомайского подтянулись 136 мсбр, 56 овдбр, различные ОМОН, СОБР, подразделения спецназа МВД и ФСБ.

Новая задача свелась к тому, чтобы сидеть на месте — блокировать село, — а в случае попытки прорыва не позволить боевикам уйти в Чечню через наши позиции.

Одиннадцатого января днем я был на КП командующего 58-ой Армии СКВО генерал-лейтенанта Геннадия Трошева (4 км восточнее Первомайского), доложил обстановку и отработал вопросы взаимодействия между частями различных родов и видов войск. Для усиления своих позиций мне удалось взять у замкомандира 136 мсбр подполковника Дианова по одной БМП в каждую роту. Вертушками из Ханкалы подвезли палатки, печки для обогрева, продукты.

Новая задача свелась к тому, чтобы сидеть на месте – блокировать село, — а в случае попытки прорыва не позволить боевикам уйти в Чечню через наши позиции. Мои две группы и группа 22-ой бригады прикрывали участок длиной до трех километров!

Из села к нам подошли московские журналисты. Трое. Корреспондент, фото- и кинооператор. Проверил у них документы — в порядке. Они ехали в колонне с самого Кизляра, все запечатлели, засняли интервью с Радуевым и его ближайшими помощниками, после чего боевики отпустили журналистов восвояси. Журналисты оставались у нас несколько дней. Даже сняли бой 15 января днем, когда боевики подбили у нас БМП. В бронемашине обошлось без жертв, экипаж успел покинуть горящую технику до разрыва боекомплекта. С полковником Стыциной журналисты посмотрели и позиции соседей – 22-ой бригады спецназа ГРУ. 16 января представители третьей власти улетели вертушкой к штабу группировки войск, откуда убыли в столицу.

До 15 января мы организовали оборону позиций в два эшелона, наладили связь по радиостанции со штабом и соседями, провели, куда было возможно, проводную связь. Спасибо полковнику Пинчуку: он организовал прибытие саперной группы с Ханкалы, которая грамотно поработала по установке минных заграждений и до конца событий оставалась с нами.

На границе Дагестана и Чечни, в полукилометре за моими окопами, расположились подразделения 56-ой овдбр, которые должны были сдержать боевиков в случае прорыва ими обороны 7-ой вдд. Действия бойцов рот капитанов Осиновского и Дубовика получили лучшую оценку из уст самих боевиков (по свидетельству позднее попавших в плен, наблюдая за профессиональными действиями наших солдат после десантирования и в период оборудования позиций, они приняли наши две группы за подразделения «Альфа»), неусыпно за нами следивших.

Пятнадцатого января где-то в 10 часов утра после артиллерийской подготовки и поддержки с воздуха с южной стороны села в атаку пошли спецназовцы МВД и ФСБ. Эти подразделения не предназначены для ведения общевойскового наступательного боя, они не могут долго действовать в поле и населенном пункте. Их учили совсем другому: молниеносным операциям по освобождению заложников или захвату боевиков в плен. В Первомайском было по-иному, и вперед нужно было пустить пехоту при поддержке бронетехники. Наткнувшись на бешеный огонь боевиков, спецназовцы бились героически, но вынуждены были оставить взятые дома на окраине села и откатиться в район кладбища, куда в этот миг разом ударили вертушки, естественно, по своим. Оказалось, проблема стара, как мир: связь между различными ведомствами не была налажена должным образом. Надо сказать, что вооруженные силы страны тогда оказались настолько нищими, что вертолеты летали только во внутренних войсках МВД, а, значит, летуны слышать в своих наушниках спецназовцев из ФСБ не могли. Не понимаю, почему, во избежание необязательных потерь и глупых ошибок, ни один из чинов на КП не взял на себя управление всей операцией? Силы воли, духа не хватило?

Вечером все наступавшие вернулись на исходные позиции.

Мы весь день обстреливали позиции боевиков из окопов. Хорошая работа огнеметчиков и особенно расчетов АГС не позволила радуевцам предпринять каких-либо серьезных действий на нашем направлении. Боевики отвечали яростно, но потерь мы, к счастью, не понесли.

Шестнадцатого января спецназовцы повторно атаковали село. Для поддержания связи с подразделениями Минобороны они взяли с собой в бой моего солдатика с радиостанцией. По окончании атаки спецназ отошел к себе в окопы, а мой парень в одиночестве застрял на окраине села, пришлось идти на риск и вытаскивать его своими силами.

Днем к КП командующего СКВО вертушками из Ханкалы прибыло около 100 человек во главе с командиром батальона 7-ой вдд подполковником Н. Анцибор. Трошев лично ставил задачу на использование вновь прибывших: двадцать человек отдал на усиление левого фланга 22-ой бригады спецназа ГРУ, пятьдесят человек с майором Светленко выставил на охрану КП со стороны Первомайского, остальных использовал для комендантской службы на КП. И ни одного человека не отправил ко мне для усиления наиболее опасного направления Первомайское-Чечня!

Семнадцатого января днем по селу поработала артиллерия, несколько реактивных установок «Град» сделали по залпу. Погода немного ухудшилась, в атаку никого не поднимали. Люди, два дня подряд ходившие в атаку, устали от холода, непролазной грязи, неопределенности.

В ночь на 18 января боевики резко усилили свою активность, огонь по позициям 2-ой и 3-ей пдр велся намного интенсивнее, чем раньше. Я находился на позициях 3-ей роты, где лично готовил подчиненных к возможному отражению атаки. Для поддержки своих позиций вызвал две приданых БМП, которые сразу принялись за работу – открыли огонь из пушек в провал между селом и позициями спецназовцев, где могли скрытно перемещаться боевики. БМП, пулеметчик и расчет РПО вели огонь в своих секторах, как раз вдоль фронта перед позициями спецназа.

Характерно, что именно в эту ночь подсветка местности авиацией не осуществлялась, хотя в предыдущие ночи было светло как днем, в воздухе висели и осветительные мины, и снаряды.

Около двух часов ночи прибежала группа военнослужащих 22-ой бригады спецназа – пятеро бойцов и лейтенант, которые занимали позиции левее 3-ей пдр. Они были деморализованы, еле-еле вымолвили, что через их позиции прорываются боевики. Все попытки связаться со спецназовцами по радиостанции были неудачными, несмотря на то, что днем я лично уточнял у полковника Стыцины и позывные, и частоты.

Боевики, как и учит военная наука, стали расширять место прорыва и поперли на мои позиции. Воспользовавшись темнотой, подошли в камышах вплотную, прицельно ударили из гранатомета и пулемета, ранили несколько человек. В это же время сквозь стрельбу были слышны стоны и крики «Аллах акбар!». У домика лесника, во втором эшелоне обороны, пряталось отделение с ПК. Солдаты не сдрейфили, сориентировались, открыли огонь по темной массе, спешащей перейти реку в самом узком ее месте. Боевики знали, куда идти: именно за валом, где располагались бойцы спецназа ГРУ, находился дюкер, по которому не составляло труда перейти на чеченскую сторону Терека!

Отдав распоряжение о вызове огня артиллерии, я, организуя на левом фланге круговую оборону, получил тяжелое ранение в голову и конечности, одновременно была подбита одна из БМП. В бронемашине находился приданый солдатик-пехотинец. Он потерял руку, но выбрался из горящей машины, молодец. Парень запомнился мне (воевал очень хорошо), и позже мы с офицерами дивизии подготовили рапорт о представлении к званию Героя России. Но пехотные штабисты к рапорту десантников не прислушались, парня наградили орденом Мужества.

Капитан Дубовик огнем гранатометов и стрелкового оружия уничтожил группу боевиков, вышедшую на левый фланг роты, но и сам получил контузию. Один десантник, младший сержант Клименко А.Г., скончался от полученных ран (в госпитале). Капитан Осиновский со взводом усиления прибыл на КП 3-ей роты и, приняв командование обеими группами, продолжил выполнять задачу по недопущению прорыва боевиков через наши позиции. Несмотря на превосходство боевиков в количестве, ни один десантник не оставил позиций, не дрогнул, не спрятался!

Добротное оборудование позиций, минирование подступов 3-ей роты, не дало возможность боевикам избрать местом прорыва наше направление, а проведя разведку и выявив, что подступы к позициям 22-ой бригады открыты, боевики, нанеся мощное огневое поражение, прорвали редкую цепь обороняющихся и ушли в Чечню. Приказа преследовать уходящего противника мы не получили вплоть до рассвета.

Возможно, главной причиной прорыва стало то, что подразделения спецназа ГРУ не подготовлены для ведения общевойскового боя, у них иные задачи, иной опыт. Командование же не заменило спецназовцев на пехоту либо десантников, в результате чего погибли люди. Непонятно и то, почему из огромного числа разношерстных подразделений, стянутых к Первомайскому, не выбрали и не выставили на границе «секреты», которые могли бы добить уходящих вглубь Чечни боевиков. Не исключаю, что Радуеву могли и «подсказать» направление прорыва, ведь он имел в своем распоряжении большое количество различных средств связи, в том числе и спутниковый телефон. Но Радуев и сам не дурак, опытный воин, он прекрасно понимал, что долго находиться в населенном пункте не сможет, будет разбит. Радуев смог использовать свой шанс выжить — и сбежал, ударив всеми силами по наименее защищенному месту обороны противника, которое, к тому же, было ему по пути. Или Радуев мог атаковать район массового скопления войск в направлении Дагестана и пойти на враждебную для себя территорию?

Семнадцатого января днем по селу поработала артиллерия, несколько реактивных установок «Град» сделали по залпу. Погода немного ухудшилась, в атаку никого не поднимали.

Получив ранение, я упал, сразу потерял сознание. Мне оказали первую помощь на месте, смогли остановить кровь, перебинтовали. Врач, капитан медицинской службы Игорь Качула, делавший перевязку, позже рассказывал, что его пальцы наполовину провалились внутрь моего черепа, когда он впервые прощупывал рану.

Через несколько часов, когда стрельба совсем стихла, на БТРе меня перевезли в полевой госпиталь, развернутый восточнее Первомайского. Сначала врачи решили, что бороться за мою жизнь бесполезно, пульс еле прощупывался (в госпиталь шел большой поток раненых со всех подразделений, поэтому, чтобы спасти кого еще можно, «безнадежных» отводили на второй план), но я шевельнулся, обратил на себя внимание, и меня перенесли на операционный стол. Вынули из тела осколки, из головы достали раздробленные частички костей черепа, обработали, чем положено, вроде, вернули надежду на жизнь, но сослуживцам моим все же дали понять: «Петров — не жилец».

Чтобы выправить положение и срочно переправить меня в госпиталь во Владикавказ, Владимиру Шаманову пришлось выпрашивать борт у министра Внутренних Дел Анатолия Куликова. Вертушку Куликов дал, спасибо. В штабе дивизии поначалу объявили, что я погиб, затем узнали, что лечу во Владикавказ, и записали в раненые. После проведенной в столице Северной Осетии операции, в штабе прошла информация, что я умер на столе, но – всем смертям назло – обошлось.

Артем Шейнин

Сержант. Участвовал: Афганистан

http://artofwar.ru/s/shejnin_a/

ВАЛЕРА

Переночевав на горке, где погиб замполит батальона, утром мы снова отправляемся в путь. Я по-прежнему не знаю и не понимаю, куда и зачем мы идем. Знаю только, что где-то там впереди мифический Алихейль, до которого, кажется, мы не дойдем никогда.

Спускаемся в очередную долину между гор, идем вдоль неширокой речки, шурша усеивающей свои берега галькой. Вскоре видим впереди каких-то наших, подойдя ближе, обнаруживаем, что это бригадная разведрота. Видимо, командирам что-то нужно обсудить, а, может быть, просто поболтать, в любом случае, ротный Рекс объявляет привал. Тут же садимся, откидываясь на тяжеленные РД.

Чуть прихожу в себя, и тут же вчерашняя каша, съеденная холодной и всухомятку, начинает проситься наружу. Оставив РД под присмотром моего вчерашнего спасителя, Вовки Мордвина, направляюсь к ближайшим валунам. Уже почти дошел, как из-за камней появился кто-то и направился в мою сторону.

Ба, да это ж Валерка Мищенко из разведроты, еще с Ферганы знакомы.

Он тоже меня замечает, узнал, помахал. Приближается с явным намерением поговорить. Как будто не понимает, с какой целью я иду за валуны, ведь сам же только оттуда...

Черт бы ее побрал, эту кашу перловую...

Может, пройти по-быстрому мимо с озабоченным лицом? Типа, не заметил?..

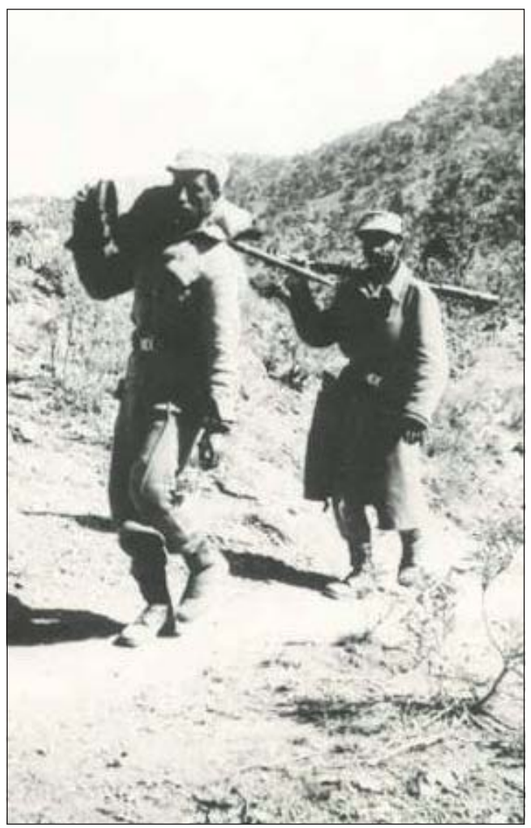
Да нет, нехорошо как-то, столько не виделись...

Да и поздно уже — он все равно уже рядом.

— Привет, Тема!

— Здорово, Валера!..

С Валерой Мищенко мы познакомились еще по пути из Москвы в Фергану. Внешне он особо не выделялся: был невысок, коренаст, с большой круглой головой и упрямым лбом, из-под которого смотрели темные, немного настороженные и колючие глаза. Необычным был разве что голос — глубокий и хриплый, не совсем подходивший восемнадцатилетнему пацану. Но что действительно выделяло Валеру — какая-то исходившая от него внутренняя энергия, спокойная и очень мощная. Он не был разговорчив, но то немногое, что говорил, было каким-то по-мужски веским. Уже в Фергане, попав в одно отделение, мы сошлись ближе. Мы не были друзьями: в Фергане было не успеть стать ими – не было на это ни сил, ни времени.



Тем не менее, отношения складывались хорошие, меня подкупала его основательность и уверенность в себе, а он, вероятно чувствуя это, относился ко мне несколько покровительственно, но по-доброму. Собственно, так было у Валеры почти со всеми, поскольку, оказавшись в одном отделении, мы узнали, что он старше нас на год (а в 18 лет это много) и, что особенно важно, что он женат и у него уже есть ребенок. Это еще прибавило ему авторитета.

Мищенко совершенно не лез в лидеры, не стремился выделиться, но довольно быстро стал одной из заметных фигур во взводе. Его так же гоняли, так же изводили, так же старались унизить, как всех нас, но, казалось, все это воздействует на него гораздо меньше, чем на остальных. Во всяком случае, ко времени отправки в Афганистан Валера физически уже совершенно пришел в себя, да и в целом выглядел куда более уверенным, чем многие из нас.

Именно это, да еще то, что на гражданке он занимался каратэ, и предопределило, что при распределении в Гардезе он сам попросился и был без вопросов зачислен в разведроту.

Уже в следующие дни, встречаясь с нашими пацанами, попавшими в разведку, мы узнали, в какой ад они угодили. Избивали их еще сильнее нашего (хотя, казалось, куда уж сильнее), но самым тяжелым было не это, а то, что с первых же дней из них стали делать «волков». Из Ферганы нас привезли в ботинках, а в бригаде летняя форма — полусапожки. Сразу после прихода в роту молодых разведчиков «напутственно» отметелили и отправили по бригаде «рожать» эти самые полусапожки.

— Где хотите, там и ищите. Можете своровать — воруйте. Можете снять с других — снимайте. Не важно, кто они: молодые, дембеля — вам должно быть по х...ю, вы из разведроты, и этим все сказано.

Это рассказал нам кто-то из наших, причем рассказал, как рассказывают про умалишенных, про нелюдей. Он еще ассоциировал себя с нами, а не с ними...

Но уже через несколько недель парни стали меняться. И дело не только в том, что стали они более угрюмыми, мрачными. Все больше и больше проявлялись в них результаты этой самой «психологической подготовки».

«Мы — лучшие, остальные – чмыри». Тех, кто не справлялся с «заданиями», нещадно били и чмырили, так что выход был только один — смириться и полагаться, как и требовали, только на силу и понт.

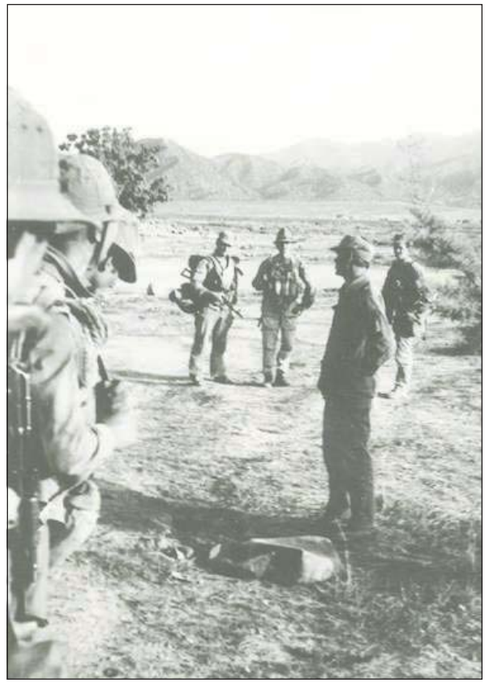
Спустя некоторое время мы уже начали избегать встреч с нашими, оказавшимися в разведроте. Да они уже и перестали быть «нашими»: они уже не делали различий «знакомый-незнакомый». Все чаще действовало только правило: «Увидел чужого — припаши работать за себя. Есть что отобрать — отбери. Нечего — пусть сам найдет, что тебе у него отобрать».

С Валерой мы не пересекались месяца два. И насколько именно его изменила жизнь в «волчьей стае» я не знал, мог только догадываться. Тем сильнее было мое удивление, когда наши «шнуровские» орбиты пересеклись-таки где-то в конце сентября. Может быть, как раз из-за этого удивления я даже не помню точно, где именно в бригаде мы встретились и при каких обстоятельствах. Явно что-то делали, что бесконечно делают первые полгода все «шнуры»: что-то мыли или стирали, или перетаскивали, или воровали... Да это и неважно. Важно то, что он, изначально более крепкий и сильный, чем я, а теперь еще и со «статусом» «шнура разведроты», даже НЕ ПОПЫТАЛСЯ меня припахивать. Но и не это было самым поразительным.

ОН БЫЛ ДРУГОЙ. Нет, не так. ЕГО НЕ БЫЛО. То есть, внешне это был тот же Валерка: коренастый, большеголовый, разве что еще больше похудевший. Но ТОГО Валеры, которого я помнил по Фергане, не было. В его обычном хриплом голосе звучало такое непривычное отчаяние, по-прежнему настороженные, колючие глаза смотрели с такой непривычной тоской... Но самым непривычным было то, что ОН РАЗГОВАРИВАЛ СО МНОЙ КАК С РАВНЫМ, причем, как с равным товарищем по несчастью...

О чем говорили — не помню. О чем могут говорить два задолбанных в доску «шнура», не представляющих себе, когда удастся нормально поесть, поспать, помыться, написать письмо, но точно знающих, что в ближайший час, а потом еще несколько раз вечером и ночью, и под утро они будут получать колобахи, маклухи, удары в поддых и в грудь. Получать за то, что что-то сделали не так или не сделали, или, наоборот, сделали, чего не надо было. А если не за это — то просто так, потому что шнуры, потому что так было раньше с теми, кто вешает им эти маклухи и бьет под дых. И так будет завтра, послезавтра, через месяц... Пока, наконец, жизнь не провернет со скрипом еще один «цикл», и на смену им не придут новые «шнуры», а им самим не настанет очередь теперь уже раздавать маклухи, колобахи, бить в поддых...

С Валерой мы не пересекались месяца два. И насколько именно его изменила жизнь в «волчьей стае» я не знал, мог только догадываться.



Жизнь продолжается.....

Именно на этой жизнеутверждающей мысли мы и расстаемся, поговорив о том, как же хочется уже нормально поесть, поспать, помыться, написать письмо...

— Ничего, Валера, уже сентябрь, скоро призыв. Привезут в Фергану очередных «курков», а там и до нас довезут вскорости. Вот и у нас жизнь начнется!

— Точно, Тема, потерпим, а там и наше время придет. Не мы первые, не мы последние... Дотянем, а уж там...

Есть и в жизни «шнуров» место светлым перспективам. Просветленные, возвращаемся каждый в свою роту, и все продолжается так, как происходит вот уже почти два месяца.

Палатки разведчиков стояли в расположении нашего батальона довольно недалеко от наших, но всеми возможными способами мы избегали ходить мимо них. Это был, словно Бермудский треугольник: оказался там — пропал.

Может быть, поэтому, а может быть, потому, что так было угодно судьбе, но с Валерой мы больше не пересекались до того самого дня, 9 декабря, когда встретились у валунов на Алихейле.

— Привет, Тема!

— Здорово, Валера!

— Что с головой?

— Бандитская пуля! Как оно?

Он стал еще мрачнее. Еще более подчеркивает эту мрачность то, что руки и лицо у Валеры почти черные.

Глаза — еще более колючие и угрюмые на фоне этой копоти. Тоскливые...

Голос — еще более хриплый. В голосе — безнадега:

— За...ли они, Тема, жизни нет вообще. Всю дорогу только и делаем, что жрать им готовим. Куда лезет-то столько.

— Не говори, наши тоже достали: перловку из сухпая им «западло», рис давай и гречку, а где их высрать-то?.. Хорошо хоть сухари из «армейского» не едят, а то б вообще мы сдохли все...

— И, как назло, без дела сидим — они и дуреют. Хоть бы на задание какое скорей. Сам попрошусь, как что будет. Сил моих больше нет.

— Да ладно, Валера, декабрь уже. Скоро привезут осенников из Ферганы — помнишь, говорили? Заживем! До февраля-то всего осталось...

— До февраля еще дожить надо.

Валеркино настроение мне понятно и близко, но сейчас у меня куда более насущная проблема, и она все острее напоминает о себе. Ничего не возражаю, быстро прощаюсь и уже почти на полусогнутых ретируюсь за валуны.

Да и что тут скажешь — это позже пойму я, что нельзя на войне таких слов говорить, нельзя судьбу гневить. Это потом узнаю, что нет на войне слова «последний», а только «крайний». Уже пробыв в Афгане достаточно долго, привыкну я к тому, что каждая встреча, каждый разговор могут быть ПОСЛЕДНИМИ, научусь не загадывать наперед и не дразнить Провидение замыслами и планами на будущее. И главное — не поминать смерть!

Но пока я ничего этого еще не знаю. Как не знаю и того, что в очередной раз где-то совсем рядом вновь замаячила Судьба: кружит над нами, высматривая, кого выбрать, кому «назначить» этот день..

...Минут через пятнадцать звучит рык нашего Рекса: «Вторая рота, приготовиться к движению!» Проходим мимо остающихся пока на месте разведчиков, где-то среди них вижу рядом с костром Валеру, но он не видит меня, он при деле.

Спустя несколько часов разведроте прикажут проверить какой-то заброшенный кишлак. Валеркина надежда сбудется — он попадет в группу к молодому лейтюхе-взводному, которому поручат эту задачу. Перед входом в кишлак Валера, по примеру других, разогнет усики на кольце гранаты в подсумке на груди. В последний момент группе дадут отбой. Он загнет их снова. Потом еще раз: «Вперед!» И снова: «Отставить!»

Но там, в декабре 84-го, ни Валера, ни я ничего этого не знаем. Он — что ему осталось жить несколько часов, я — что в этот день судьба преподнесет мне очередной урок.

Алюминиевые усики подломятся, но Валера этого не заметит...

Лейтенант, стоящий среди дембелей, подзовет его, чтобы что-то приказать.

Подходя к нему, Валера снимет автомат с шеи и перекинет его за спину.

Молодой лейтенант первым сообразит, что за сухой щелчок раздался из валеркиного подсумка.

Он был только из училища, одна из первых операций, но и его опыта хватило, чтобы за секунду понять, что произошло.

Оставшейся секунды хватило, чтобы сделать то, что разделяет мгновение и бесконечность. Лейтенант бросился к Валере, обхватил его руками и повалил, накрыв собой.....

Так они и ушли в вечность, обнявшись — молодой лейтенант и молодой солдат. Приняв на себя всю мощь РГДшки и подарив жизнь остальным.

Никто из стоявших рядом не пострадал. Лейтенант был уже мертв, а Валера успел еще шепнуть: «Больно.....очень.....»

Восемь месяцев Ферганы и Гардеза нам было больно каждый день. Валера так и не дожил до конца этой боли, так и умер с нею и в ней, так и не наступил для него долгожданный февраль 85-го, до которого он не знал, как дожить, чтобы снова «зажить»...

Но там, в декабре 84-го, ни Валера, ни я ничего этого не знаем. Он — что ему осталось жить несколько часов, я — что в этот день судьба преподнесет мне очередной урок, еще более жестокий, чем накануне — забрав теперь уже близкого мне человека.

Там, в декабре 84-го, он уже забыл наш разговор. Все его мысли о том, как бы поскорее попасть на долгожданное задание.

Забыл наш разговор и я. Прошло полчаса, и снова начал давить к земле неподъемный РД, снова заныли натертые ноги, защипало от пота разодранное лицо, и загудела «ушибленная» вчера голова. И все мои мысли о том, когда же, б...ть, мы дойдем уже до этого чертова Алихейля, до этой мифической крепости!

P.S. Я изменил его фамилию. Не знаю, что знают о гибели Валеры его жена и дочь. Пусть это и знают о его смерти.

И ничего не знают о последних месяцах его жизни...

Я не знаю фамилии того молодого лейтенанта. Не знаю, как его звали. Не знаю даже, как он выглядел.

Для меня они навсегда вместе — два пацана, ушедших в небо над Алихейлем.

Олег Хандусь (1960-2006)

Участник войны в Афганистане (1979—80). Член Союза рос. писателей (1992). Награжден медалью «За боевые заслуги» (1987).

МАРОДЕРЫ

1

Бардак был первое время. Все понимали, на что мы идем, но никто не знал точно, что из этого выйдет. Мы жили, как пьяные, то первое время, хотя о русской водке могли лишь мечтать. Каждое утро мы просыпались под рыжими куполами десятиместных палаток, глубоко вкопанных в землю, в куче грязных шинелей и другого тряпья, расталкивая друг друга, словно с похмелья. И жили, как во сне, как в бреду.

Об офицерах и говорить не приходится — они были потеряны. Сновали меж нами молчаливыми призраками. Один из них плакал все, вспоминая о жене и двух дочках-двойняшках — прямо при нас. Наверное, не было, с кем поделиться.

Это потом уже начали закручивать гайки: восстанавливать дисциплину и форму одежды, карать мародеров и пьяниц, выявлять наркоманов. Но поздно. С некоторых пор мы решили не выбираться на операцию без сорока литров браги: две двадцатилитровые канистры для запаса горючего крепятся справа и слева к бронированному корпусу... Брагинштайн, как мы говорили.

В лагере с этим делом было мало проблем. Сахаром завалены складские палатки, которые мы же и охраняли, дрожжи у поваров, а жара навалилась такая, что хватало трех дней. И жидкость сияла на солнце слезою младенца, вот только выезды объявляли внезапно.

«Четвертый, я — Третий, прием...» Мой друган Володька Стеценко выходит на связь в те знойные дневные часы, когда пятикилометровое тело колонны медленно поглощает крутые изгибы шоссе, на самом дне бесцветного неба одиноко парят хищные птицы, а впереди, за сероватыми пластами полей, нас ожидает угрюмая горная цепь.

Нехотя будто прижимаю лингафоны к гортани: «Здесь я, здесь Четвертый...» Стец хрипло кашляет смехом в наушники — я и сейчас вижу его жирное от пота лицо: оно все в грязных оспинах, выражение преданное и свирепое, как у собаки, и два металлических зуба во рту. «Как там наше горючее?! — беспокоится он. — Жарко, трясет... Емкости выдержат, не разорвет?..» Отвечаю: «Сейчас посмотрю».

Тут же в эфир грубым голосом врывается ротный: «Языки вырву! Была команда: все станции — на приеме! Слушать только мои команды!» Но я уже выбираюсь из люка и ползу по горячей броне. Тянусь рукою к горлу канистры, ослабляю замок, выпуская потихоньку скопившийся дух, а потом приоткрываю и саму крышку вместе с прокладкой из черной резины.

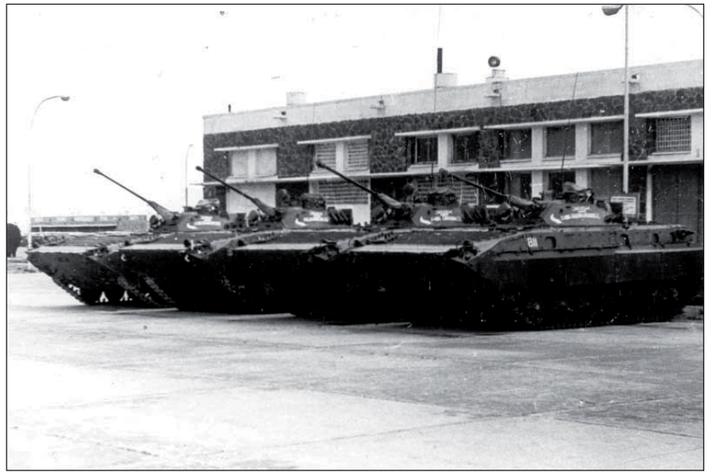
Именно так это все начиналось. Но, как бы то ни было, лично я ничего плохого не делал. А то, о чем хочу рассказать, сделал кто-то другой, но не я... Мне самому было даже противно участвовать в этом дешевом, дурацком обмене.

Почти всегда в самом начале мы заезжали в Пули-Хумри. За этим городом, километрах в трех под горой, на вершине которой установлен локатор, располагалась огромная база. День и ночь, непрерывно сигналя, одна за другой в долину спускались колонны, везя из Союза боеприпасы и стройматериалы, муку и консервы, новое обмундирование и амуницию... Иногда машины подъезжали с побитыми стеклами, кабины их были точь-в-точь решето, некоторые грузовики затягивали на базу буксиром.

Еще с дороги, огибающей склон соседней горы, открывался вид на обширный палаточный город — тыловую столицу дивизий, ведущих боевые действия в северных районах страны.

Широкие траншеи с боеприпасами, огороженные «колючкой» и окруженные вышками, складские палатки, целый парк техники, пекарня и банно-прачечное хозяйство — все это обслуживала свора бывалых вояк, разжившихся на бездарной войне дармоедов. Здесь можно было живьем увидеть нескольких женщин, а по вечерам крутили кино. Но задерживались мы там ненадолго: получали боеприпасы, провизию, сколачивались в подвижную группу и двигались дальше.

И вот, когда колонна въезжала на пестрые улочки Пули-Хумри, со всех сторон к ней сбегались мальчишки, а за ними и взрослые люди, и все громко кричали. Своими смуглыми, худыми руками они протягивали нам всевозможную блестя-



щую мишуру заграничного производства: то были фальшивые брелоки на цепочках и запонки, колоды карт с голыми женщинами и просто яркими видами городов, сигареты, очки, наркотики — в общем, много всего. Но что меня там интересовало, так это часы! Швейцарские — настоящие, с хрустальным граненым стеклом.

Тогда еще, в восьмидесятом году, в городе, где я родился и вырос и откуда призвался служить, все заграничное было редкостью и ценилось необычайно — те же американские спички. И вот такие часы! Я уже представлял себе, как появляюсь однажды в шумном зале кафе, где многие должны меня помнить, с сухим загорелым лицом, и теперь от меня пахнет настоящей войной, а глаза мои видели то, что другим и не снилось. Или вот я сижу, развалившись на стуле в пивбаре. Как раз у нас был такой в моде пивбар, куда заходили не только любители пива. Там были темно-бордовые стены, отделанные под кирпичную кладку, полумрак и низкие арки — погребок, вроде, кусочек Прибалтики, почти заграница... И тут я, черт меня подери! И вот как раз таких часов не хватает.

Мне их очень хотелось достать, да и стоили-то они всего ничего: домкрат от машины или даже ключ разводной. Однако, вся беда была в том, что наша колонна на улицах Пули-Хумри не задерживалась. А как проделать обмен на ходу? Сунешь драгоценную железяку, за которую можно и под арест угодить, а она так и останется у хитрого афганца в руках. И колонна ушла, а ты так и остался ни с чем. Кое-кто умудрялся обмениваться, но я не хотел рисковать. Иногда, правда, случалось, что колонна останавливалась в других городах, и там тоже можно было меняться, только и тут я терялся. Желающих много, все лезут. Каждый хотел добыть себе что-нибудь заграничное к дембелю, тащил этим темным узколобым афганцам железки, мне же было неловко — я ведь все же сержант, да и боязно.

Как только колонна останавливалась на улочках какого-либо населенного пункта, наш ротный сразу поднимался на башню головной бронемашины, вставал прямо на люк своими толстыми, будто бревна, ногами и властно голосил в рупор широких ладоней: «Всем оставаться на местах! Командирам отделений — выставить охранение! По тому, кто отойдет от колонны дальше трех метров, стреляю без предупреждения!» Откидывая широкий рукав маскировочной куртки, он поднимал к небу свой пистолет и внушительно потрясал им.

День и ночь, непрерывно сигналя, одна за другой в долину спускались колонны, везя из Союза боеприпасы и стройматериалы, муку и консервы, новое обмундирование и амуницию...

Коль зашла речь о ротном — он был одесситом, чем очень гордился. Здоровенный, упитанный на лицо и тело майор, он оказался среди немногих офицеров, кто не потерял голову в те первые тяжелые дни. Ротный знал, вероятно, что вокруг происходит, и не терял времени даром. Во время своих таинственных командировок в Союз он загружал бронетранспортер под завязку, и не только одними патронами и гранатами, что было бы понятно, ведь путь нелегкий, опасный... Однако, зачем ему ящики с мылом, комплекты ключей, тюки неношеного белья?

Что тут скрывать, все знали о его темных делах, которых, впрочем, ротный и сам не стеснялся, знали о дороговизне на мыло в этой отсталой стране и о последней моде афганцев... С некоторых пор они страсть как зауважали наше белье: стали ходить прямо по городу в солдатских кальсонах и белых нательных рубахах, лишь изредка надевая сверху пиджак... Но что уж загадками говорить о доблестях нашего ротного, однажды я и сам во всем убедился.

К тому времени он прекратил свои поездки в Союз. До конца очередной боевой операции оставалось несколько суток, весь день мы были в пути, а на ночь остановились на уступе мрачного каменистого склона. Первая рота расположилась ниже, поближе к горному кишлаку, за рекой. Походная кухня шла с нами, и поэтому приходилось два раза в сутки отправлять соседям еду.

Мы с Конягой — моим друганом Славкой Коневым — простояли всю ночь в охранении. Было жутковато и холодно. С самого низа ущелья, изгибом уходящего вправо, тянуло влагой и доносился до нас утробный прерывистый гул, вроде отдаленного лая собак. В ночь накануне выкрали лейтенанта и двух солдат первой роты. Потом их нашли, вернее, то, что от них там осталось.

У нашего пулеметчика я взял пистолет. И всю ночь держал его наготове: грел ладонью увесистую рукоять, не снимая при этом пальца с курка. Автомат мой лежал на бруствере из камней, как оружие громоздкое и неудобное в ближнем бою.

Коняга вполголоса и с долгими перерывами рассказывал о своих похождениях на гражданке. Он любил об этом трепаться, водить из стороны в сторону востреньким носом, закатывать темные глазки и заговорщицки хихикать — только бы его подольше просили о чем-нибудь рассказывать. Теперь он мечтательно вспоминал о том, как обхаживал дочку контр-адмирала. Она была пухленькой и имела голубые хрустальные глазки. Коняга пригласил ее на день рождения к товарищу. Там были еще две-три парочки. Им с подругой не досталось отдельной комнаты и пришлось идти в туалет... Мы тихо смеялись, озираясь по сторонам и лихорадочно запихиваясь в бушлаты, пока не дождались рассвета.

Смолк постепенно неугомонный прерывистый гул — злобное дыхание ущелья. Стало спокойно и сыро, в свете утра броня машин заблестела холодной испариной. Уже слабенький ветерок стал прокладывать себе путь, врезаясь все глубже в плотную массу тумана, когда из люка головной бронемашины выбрался ротный. Он спрыгнул на землю, повернулся спиной к нам и так постоял немного, будто глядя на колесо, а затем направился проверять охранение.

Нам он сказал, чтобы шли к походной кухне и притащили четыре бойлера с горячей кашей и чаем.

— Повезем завтрак в первую роту, — мрачно добавил он.

Мне лично хотелось спать, а тут предстояло все утро трястись под броней БТРа. Я сказал:

— Товарищ майор, так рано еще...

Но он даже не взглянул в мою сторону.

— Не твое дело. Тебе приказали, вперед! На кухне готово все... Подтащите бойлеры с хавкой к дороге и ждите меня, — и ротный направился к ряду машин.

Чуть в стороне, куда мы молча двинулись, в сползающей по каменистому склону утренней дымке, как подвижные тени, между двух походных котлов на колесах и темной глыбой крытого брезентом «Урала» с продуктами бродили сонный ворчливый повар, белорус по прозвищу Разводяга, и жидкий вертлявый прапорщик, начальник довольствия. А рядом живо и сочно пели форсунки и от котлов вовсю валил пар. В стороне стояли приготовленные к отправке четыре бойлера, от них тоже шел пар. Мы посильнее захлопнули крышки, затянули винты и, ухватившись за ручки, понесли тяжелые бойлеры к дороге.

Ротный выехал не на головном бронетранспортере со своим проверенным личным водителем, а взял прикомандированную к нам БМП третьей роты. Тогда я еще не мог понять, почему. Мы только увидели снизу, как крайняя машина дернулась резко и, взвыв мотором и задрав передок, выехала на дорогу. Тремя рывками она дотянула до нас, объехала и остановилась. Распахнулись округлые задние дверцы, мы забросили бойлеры внутрь, а затем и протиснулись сами, примостившись на длинные кожаные сиденья десантного отсека машины. И тут только увидели сидящего напротив Багрова, личного водителя ротного и его, как мы тогда говорили, хавчика.

Кстати, о хавчиках. В любом подразделении нашей армии, наверное, найдётся по одному-два солдата, так сказать, приближенных к офицерам. У нас тоже были такие. На базе они с утра до ночи прислуживали своим командирам: таскали ведрами воду, прибирались в палатках, заваривали кофейный напиток и чай, дважды в неделю брили офицерские головы, а некоторые выполняли и другую, как нам казалось, оскорбительную для солдата работу, за что пользовались особыми благами и снисхождением. На боевых операциях они становились, как правило, нештатными телохранителями своих командиров, их потаенной правой рукой.

Так вот, Багров был таким хавчиком. В своем колхозе до службы он работал механизатором, а поэтому отлично разбирался в моторах всех марок и считался первоклассным водителем. К тому же, добродушный деревенский парниша никому не отказывал в помощи. Именно эта черта и позволила ротному подчинить его безоглядно своей власти.

Багров не отходил от ротного ни на шаг. В лагере являлся к офицерской палатке еще на рассвете и уже с ведром холодной воды, старательно лил ее на могучую шею и спину ротного, когда тот, громко фыркая и кряхтя, умывался, и находился при нем потом до отбоя. Багров вместе с ротным ездил в те загадочные командировки ранней весной, и, пожалуй, ему одному была известна судьба ящиков с мылом, комплектов ключей и белья. Несомненно, что ротный делал его соучастником всех своих замыслов, и теперь было бы удивительно, если бы Багрова не оказалось в машине.

Ротный сказал, чтобы мы отодвинули бойлеры подальше с прохода, они там будут мешать. Сам он сидел впереди нас, повыше, как раз под башней — на месте командира машины, который являлся одновременно и оператором противотанковой пушки. Кресло командира отгораживал от нас частокол кумулятивных снарядов (БК), и оно вместе с башней вращалось.

— Эй, ты! — ротный обратился к водителю, молодому бойцу третьей роты. — Ты как там, первоклассный водитель или так себе мастер?

Молодой солдат обернулся и еще крепче вцепился в штурвал.

— Ты что, оглох, что ли?! Отвечай гвардии майору, хороший водитель ты или нет?

Солдат опять оглянулся и промычал что-то неслышимое в реве мотора и скрежете гусениц.

— Останови! — скомандовал ротный. Машина качнулась и замерла. — Уступи место мастеру. Багров, пересядь-ка туда...

Молодой солдат вылез через передний, водительский, люк и, обежав сбоку машину, влез в задний, десантный. Багров перебрался на место водителя.

— Во! Так-то, пожалуй, лучше, — заметил ротный, когда его личный водитель надавил на педали и машина, задрав передок, тронулась с места.

— Сейчас будет кишлак, — продолжил ротный спокойным и уверенным голосом. — Через два поворота, на третий — лавка. Крыша вполоборота бревнами с обеих сторон. Есть сведения, что душманы хранят там оружие. Надо проверить. Продемонстрируешь нам свое мастерство, — он обращался к Багрову, — да не сильно, аккуратненько так... Понял, нет?

Багров оглянулся, улыбнувшись жалобно как-то, и два раза кивнул.

Сделал он все точно, как надо. На крутом повороте, где одна окутанная зеленью улочка пересекалась другой, он лишь на миг раньше дал стоп правой трансмиссии, а левой поддал полный ход — машину развернуло рывком вполоборота, и зад ее выбил одно из бревен, подпиравших крышу... Нас сбросило с узких сидений, а головы наши спасли разве что каски, обтянутые мешковиной. Машина проскочила вперед метров на десять и замерла.

— Ай, дьявол! Какая жалость! — выкрикивал ротный, торопливо выбираясь из люка. — А ты куда смотришь?! — замахнулся он на водителя. — Башку снесу!

— Чего сидите? — крикнул он нам. — Вылезайте! Не видите, людям надо помочь...

Выбравшись из брони, мы растерялись на миг, ослепленные утренним солнцем. Но вот в оседающем облаке светло-коричневой пыли увидели дом несчастного лавочника: крыша была одним краем завалена, в центре она сильно прогнулась и почти полностью закрыла проход. Бревно отлетело в сторону. Из-за осыпавшейся кусками глины и торчащих кривых стропил проступали яркие пятна разбросанного товара.

— Быстро, быстро! — ротный проскочил мимо нас, почему-то пригнувшись и держа автомат на весу. — Схватили дружно бревно и установили на место... Багров, за мной! — он нырнул под крышу как раз с того края, который удержался, подпертый уцелевшей опорой.

Втроем мы старались приподнять полурассыпавшийся настил и поставить на место опору. Это оказалось нам не под силу.

— Эй, ты куда! — крикнул я молодому солдату, который побежал, пригнувшись, к машине. – Быстро — на крышу! И занял там оборону...

Солдат развернулся и побежал туда, куда ему приказали. Я вслед за Конягой пробрался вовнутрь.

Пыльный полумрак под завалившейся крышей наискось прошивали несколько ярких лучей, их пересекали острые струйки песка, стекавшие сверху. Коняга оглянулся на меня и поежился.

— Эй, ты, салабон! Не возись там! — крикнул он молодому солдату. — Какого черта, завалишь тут нас!

Я осмотрелся: ротного с Багровым здесь не было. Под ногами валялись арбузы и дыни, в плетенные из веток корзины были навалены сливы и виноград, пыльные стопки продолговатых лепешек, другой непонятный товар — вроде как съестное... В углу — груда металлических частей различного инструмента, на узких полках вдоль дальней стены рядами — глиняные кувшины и другая грубой работы посуда. Часть стены была занавешена ширмой.

— Вот такой штукой раскроили черепок Ваньке Борщову... — Коняга держал в руках тяжелый, кованый зуб допотопной мотыги. — Когда он стоял на обочине и мочился. Сзади проходил караван груженых верблюдов, и прямо сверху так — бац!

— Отдай ротному, — предложил я, — он здесь, кажется, оружие ищет.

— Да, оружие, — согласился Коняга.

Тут из-за дальней стены послышался гулкий удар и голос нашего ротного: «А, черт!» Ширма откинулась — и появился он сам, а вслед за ним протиснулся боком Багров.

— Ну как, все нормально? — ротный осмотрел нас внимательно: наши потные лица и обтянутые мешковиной запыленные каски. — Чего стоите?! Рубать не хотите?.. Берите по паре дынь — и что там еще... Поехали!

— Оружие ищем, — вдруг ответил Коняга.

Ротный обернулся.

— Нет там никакого оружия, поняли?! По местам всем! Поехали!

Мне хотелось вспороть ему живот короткой огненной очередью, и это не составило бы большого труда, надо было только чуть-чуть повести плечом и приподнять ствол автомата.

Сзади раздался грохот заведенного двигателя, заскрежетали гусеницы. Багров подогнал машину вплотную к разрушенной лавке, мы открыли задние люки, быстренько побросали туда несколько арбузов и дынь, пару корзин с виноградом и сливами, стопку лепешек, влезли сами и скоро выехали на дорогу, оставив позади обезлюдевший мгновенно кишлак.

Высоко над нами, из-за зеленоватых каменистых вершин выкатывался ослепительный шар, утренним светом наполняя синее небо. Первые солнечные лучи скользнули по скалам, но только по самым верхним из них, внизу же ущелья, там, где шумел холодный горный поток, было по-прежнему мрачно и сыро.

Ротный приказал остановить машину возле реки. Мне отлично запомнилось место: при выходе из ущелья река разливалась, несколько замедляла свой бег, и рокот ее не упирался в отвесные скалы. Брод остался левее, мы свернули с дороги и проехали с полкилометра по весеннему каменистому руслу, оставленному рекою с тех веселых времен, когда таяли снега и с гор спускались лавины. Сейчас снег белел лишь на недоступных, вечно холодных вершинах, порою скрываемых несущимися неустанно глыбами облаков.

— Даю вам ровно пятнадцать минут на то, чтобы уничтожить все это, — процедил ротный сквозь зубы, как только мы пососкакивали с брони на округлые камни. Он откинул рукав маскировочной куртки и взглянул на запястье, на точеный циферблат швейцарских часов с тремя крупными кнопками и выпуклым граненым стеклом. — То, что не осилите, — в реку! С собой ничего не возьмем. Да не вздумайте вякнуть кому, что я позволил вам грабить несчастных афганцев, они и так богом обижены... Давайте, рубайте, — он улыбнулся, — вам надо молиться на вашего ротного.

Мой товарищ сидел на большом валуне и смачно вгрызался в кровавую мякоть арбуза. Огромный ломоть, грубо отхваченный широким лезвием штык-ножа, он держал в правой руке, а левой утирал себе щеки и рот, то и дело откидывая каску к затылку. Коняга сидел напротив меня, поглядывая исподлобья на ротного, и мне вдруг стало смешно.

Всего минуту назад мне хотелось плюнуть в лицо своему командиру. Так же, как и до этого — в полуразрушенной лавке, когда он выходил из-за ширмы, торопливо запихивая в нагрудный карман свернутую вдвое пухлую пачку афгани, — мне хотелось плюнуть ему в лицо. Я не знаю, почему у меня возникло такое желание — может быть, даже и от зависти. Но в тот момент я ненавидел ротного. Мне хотелось вспороть ему живот короткой огненной очередью, и это не составило бы большого труда, надо было только чуть-чуть повести плечом и приподнять ствол автомата. И тут же увидеть, как мой доблестный ротный корчится под ногами... Я должен был его застрелить, по всем законам чести и справедливости — я должен был бы его застрелить, но я знал, что тогда неминуемо буду наказан. Меня арестуют и отдадут под трибунал. Мои же товарищи. И, скорее всего, расстреляют, а, может, разберутся и надолго посадят в дисбат. Но это не имеет уже большого значения, поскольку те, кто возвращается из дисбата, не могут в полном смысле считаться людьми.

Так думал я, пока не взглянул на своего Славика Конева — а он уже ел арбуз. Меня всегда успокаивало лицо его с мягкими и выразительными чертами: узким, с горбинкой носом, яркими губами и подвижными темными глазками, — определенно, в крови его чувствовалось присутствие Моисея. Роста Коняга был невысокого, какой-то весь пухленький, свежий. Имел движения плавные, ни дать ни взять — черный кот. И я даже помню, как в зимние дождливые ночи, когда мы прижимались друг к другу в промокших палатках, трясясь от холода, мне становилось теплей и приятней, если рядом оказывался именно он, мой давний товарищ.

Я уже говорил, что он с удовольствием рассказывал о себе. Родители его остались в Кронштадте. Отец — суровый мужик, капитан первого ранга, замкомбриг. Даже и пальцем не пошевелил для спасения сына от армии, когда пришел срок. Он хотел, чтобы тот поумнел, но потом, очевидно, смягчился. Из ухоженной, благословенной Германии нас перебросили в эту забытую богом страну. И Славику дважды за службу удавалось вырваться в отпуск, причем оба раза, как говорили наши штабисты, по вызову Ленинградского военного округа. Так что Коняга был не таким уж простым и бесхитростным малым, каким порою любил прикинуться.

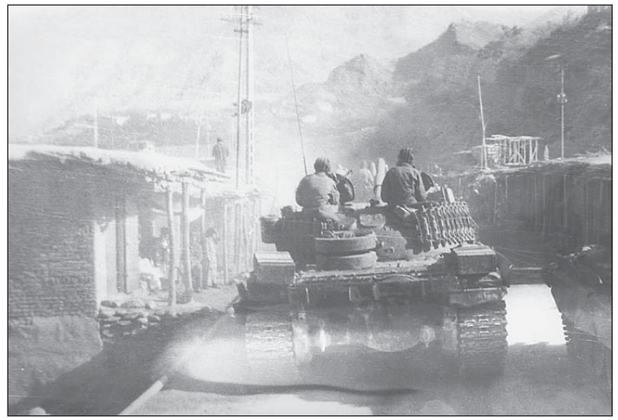
— Понимаешь, чтобы возвыситься над людьми, надо совершить какую-то подлость!.. — сказал вдруг Коняга дня через три, как уплыли по реке наши арбузы и дыни.

Солнце в этот полдень пекло нещадно. Прохладные лощеные скалы отодвинулись в прошлое, они уступили место зеленоватым предгорьям. Всю ночь мы тряслись под броней, перемещаясь на запад, и стояли теперь в оцеплении. На прочесывание очередного населенного пункта вышла первая рота, а мы тем временем перекрыли все подступы к кишлаку. БТР наш стоял у дороги.

— Вот отец мой, — продолжил Коняга.— Он всю жизнь совершает подлости, это я точно знаю!

— Ну, ты даешь, — усмехнулся я, запихивая в длинное резиновое ведерко с бензином свою завшивевшую одежду.

На досуге мы решили провести профилактику.



2

Да, черт бы подрал эту забытую богом страну и нас вместе с нею! Прошло десять лет, а мы все оглядываемся назад и с надеждой смотрим туда, откуда восходит солнце. Мы слышим опять заунывный голос муллы, протяжно зовущий к утреннему намазу, и словно пытаемся понять, наконец, что же там с нами было и как нам жить дальше... Прошло десять лет, пора уж забыть — да и лучше бы забыть! Ведь крест ждет того, кто возьмет на себя грех всего мира. Война — это грех всего мира, но я не хочу на крест. Я не хочу быть спасителем, я ничего не хочу — только бы жить простым человеком.

Прошло десять лет, пора уж забыть — да и лучше бы забыть! Ведь крест ждет того, кто возьмет на себя грех всего мира. Война — это грех всего мира, но я не хочу на крест.

Коняга сидел, раздетый, на краю наспех вырытого окопа, только что разбросав по горячей броне свои куртку и брюки, выполосканные в бензине.

— А что, нет что ли?! — Славик презрительно сплюнул. — И ротный сейчас скрежещет зубами...

— А что ротный-то?

— Ну, как что... Не мы, а первая рота орудует там, в кишлаке — прогадал он.

— Да, ты прав, прогадал...

Я вынул из ведерка с бензином тяжелый комок мокрой робы и, посильнее отжав его, принялся встряхивать.

— Все ему мало, — продолжил Коняга с обыкновенным для него равнодушием. — Здесь получает чеками, в Союзе зарплата идет, выслуга — год за два... Все ему мало, сволочь! Сделал-таки нас соучастниками.

— Гад, мародер, — поддержал я товарища, так же раскидывая по горячей броне отжатые куртку и брюки.

— Хотя, в общем, если так разобраться, — мы все мародеры. Все мы обкрадываем родную страну.

Коняга потянулся лениво, достал сигарету из мятой пачки, а из лежащего по правую руку подсумка спички.

— Э! Ты потише с огнем там — хочешь поджарить нас заживо?!

— А что тише-то? — Славик вынул изо рта сигарету и повернулся ко мне лицом. — Твои родители — что, не воруют?..

— Причем здесь мои родители?

— А вот при том, — Коняга многозначительно уставился в небо, — что, кроме как мародерства и крови, мы ничего и не могли сюда принести.

— Это не наше дело.

Я спрыгнул с брони на землю и выплеснул из ведерка остатки бензина.

— А вшей кормить — это наше дело, — усмехнулся Коняга.

— Что ты все воду мутишь! Чего ты хочешь? — я обернулся, отбросив ведерко.

— Черт его знает. Правды охота, справедливости, знаешь...

— Не надо никакой справедливости! Вернемся домой, там все будет путем...

— А отвечать кто будет?

— За что?

— Да за то, — Коняга отвернулся, поморщившись.

— Это не наше дело.

— А чье?

— Вон, ротный есть! И ублюдки повыше... Дерьмо собачье!

— Во! — Коняга повернулся ко мне. — Мы-то и останемся в дураках! — Он тыкал в свою тощую грудь указательным пальцем. — Ротный откупится: бытие определяет сознание — так нас учили! У ротного-то все будет схвачено. — Коняга усмехнулся и шлепнул меня по плечу.

— А у нас? — я пытался ему возразить. — У нас тоже все будет схвачено! Да нам выдадут такие бумажки, что не устоит никакой бюрократ! — я взглянул на товарища: Коняга согласно кивал.

— Бумажки, говоришь... За проданную душу — бумажки?..

— Ее никто и не продавал.

— Тогда и бумажкам твоим грош цена!

— Какая разница?! Привязался к этим бумажкам. Мы видели такое!.. Мы должны что-то сделать!.. Хочешь, я скажу тебе?

Славик кивнул.

— А ну-ка, давай!

— Я поступлю в университет Ломоносова.

Коняга присвистнул.

— Нормально, валяй! — он засмеялся.

— Что ты смеешься? Думаешь, не получится?

Славик поморщился и взглянул на меня с сожалением.

— Послушай меня... И запомни, — теперь он говорил безо всякой иронии, медленно и устало. — Самое лучшее, что мы можем сделать, так это остаться здесь.

— Не понял...

— Лечь костьми в эту проклятую землю! — Коняга сплюнул и вновь посмотрел на небо. — Или вернуться, но только в цинковой упаковке.

— Нет, дружище, меня дома ждут.

— Мать проплачется... Но мне кажется, слез будет меньше, если ты не вернешься.

— Почему?

— Да потому что ты уже не сможешь быть собачьим дерьмом, — он вдруг поднялся, выбрался из окопа, взял резиновое ведерко и понес его на место, в машину. Но потом опять вернулся в окоп.

Солнце застыло в самом центре вечного круга, обжигая с высоты спины двух бритоголовых парней. Мы молча сидели на краю наспех вырытого окопа рядом с бронированной пыльной громадиной и смотрели теперь равнодушно в дальнюю даль — на лазурные горные вершины. Их подпирали под самое основание поля — плавно очерченными, будто накиданными друг на друга пластами — они были разными по окраске: от темно-серых, наверное, только что вспаханных, до бурых и желтоватых, цвета прелых трав и осенней листвы.

И все же, они были очень похожими, я это чувствовал — в каждом из них присутствовал один и тот же оттенок, едва уловимый и доставляющий какую-то неясную боль. Если бы знал я, что это всего лишь соленый привкус здорового пота, густой и устойчивый, такой же, каким была пропитана клетчатая застиранная рубаха отца, когда он приносил ее с работы стирать. А, может, облегчающий душу вздох благодарности.

Земля не может быть проклятой, если по ней ходят люди. Ведь они не просто так ходят, снашивая подошвы: люди сразу берутся работать, так уж они устроены. Они как бы врываются в землю своими ладонями, дышат ее испарениями, начинают рождать на ней и умирать, и те же безутешные матери увлажняют землю слезами... И всегда должен вызваться тот, кто готов за нее постоять. Если надо, очистить от всякой падали. Как это просто и правильно! И как непросто понять, что это и есть самое главное, а все остальное — возня и туман.

Его не смутил даже грозный ствол крупнокалиберного пулемета, направленный как раз на него. Старик постоял немного и двинулся дальше, ведя за собой ишака.

А пока мы сидели и почесывали бритые головы, изредка поглядывая в ту сторону, где орудует первая рота. Слабенький ветерок, вытекающий из ущелья, приглушал всплески выстрелов, кишлак терялся в пышной зелени фруктовых деревьев. И еще оттуда тянуло прохладой, мы знали, что там должна быть вода — журчит себе речушка или ручей по щебенке между приземистыми лачугами, будто вылепленными из глины. И тут парни с исхудалыми, заостренными лицами, в касках, обтянутых мешковиной, ударами ног вышибают ветхие двери и, пуская короткие очереди, боком вламываются внутрь, — нам тоже, конечно, хотелось быть на их месте. Вот тогда-то и появился на пыльной дороге этот странный старик с ишаком...

Он направлялся к жилью со стороны холодных каменных гор, откуда и мы пришли на рассвете. Шел неторопливой, угрюмой походкой в просторных, совсем белоснежных полотняных штанах и длиннополой рубахе, поверх которой был накинут обыкновенный пиджак. И я помню — Коняга сказал: «Что бы ему не сесть верхом на осла и не въехать к людям, как полагается?..» Я не понял, что он имеет в виду, а старик тем временем приостановился и, повернувшись к нам спиною, осматривал бронетранспортер третьего отделения. Его не смутил даже грозный ствол крупнокалиберного пулемета, направленный как раз на него. Старик постоял немного и двинулся дальше, ведя за собой ишака.

Но, не покрыв и тридцати метров, он снова остановился, теперь уже напротив нашей машины, взглянул на солнце, на небо, достал откуда-то квадратный коврик или плед, расстелил под ногами, опять посмотрел на солнце и как бы прислушался. Затем осторожно, упершись по-старчески в бедра руками, он встал на колени, прижал ладони к груди и вдруг уткнулся чалмою в дорожную пыль.

— Видали, нет?!

Мы обернулись — это к нам подошел Володька Стеценко. Он кивнул в сторону старика:

— Силен, бродяга!

Коняга согласно усмехнулся:

— Силен!

Стец был босой, без ботинок. Ноги его были по щиколотку покрыты желтоватой дорожной пылью. Но я знал, что на верхней части одной стопы у него наколото: «Они устали», а на другой — «Хотят отдохнуть». И на руке у Стеца была наколка «Ростов-на-Дону». И он старался держать свою, так сказать, марку: слыл парнишей бесшабашным и вороватым, имея притом душу ранимую.

— Может, пойти, «маклю» сделать с этим папашкой? — Володька усмехнулся. — В смысле, обмен.

— Он сейчас занят, — заметил я.

— Какой там обмен, — вмешался Коняга, — прикладом по лбу — и весь обмен!

— Бросай так шутить!

— А что?! — Стеценко еще раз посмотрел на дорогу: старик молился. — Может, он, это... Лазутчик!

— Точно, — согласился Коняга.

— Ну ладно, пусть пока отдыхает... — Стеценко опустился на корточки. — Мужики, там у вас бражка осталась?

— Да какая там бражка в такую жару!..

Но Володька встал и пошел к машине, сдернул с брони канистру и поболтал на весу.

— О! Мал-мала есть! Давайте, нацедим по котелочку...

— Я не буду, — отрезал Коняга.

— Как хочешь, а мы с братишкой накатим... Надо допивать до конца, иначе прокиснет и уксус будет... Где у вас котелки?

Стец потянулся и влез в люк машины. Минуту спустя он появился снова, сбросив на землю два котелка.

— А доктор Ватсон, кстати, тоже был воином-интернационалистом. Вы знаете об этом? — спросил вдруг Коняга как бы не к месту, пока Стец наполнял котелки.

— Это тот, что ли, который все с Шерлоком Холмсом крутился? — Володька протянул нам один из котелков, наполненный до половины мутноватой, вонючей жижей.

— Он, его летописец...

— Фу!.. Гадость какая... теплая! — Володька утерся. — А ты откуда про это знаешь, тоже их корефан?

— Да это моя любимая книжка! У отца полное собрание сочинений — я раз сто пятьдесят перечитывал.

— Тебя убивать пора.

— Только Ватсону этому, кажется, здесь тоже ничего не досталось, кроме неудач и несчастий. — Славик поднялся и, опустив голову, начал осматривать внутренние швы полинялых трусов. Он нахмурился: — Вот черт! И тут, гады...

— Что там? — я едва сдерживал позывы к рвоте. — Яйца?..

— Ну! У них склонность удивительнейшая к размножению... Надо будет потом и трусы простирнуть.

— Так что там, доктор-то этот? — Володька присел на корточки и сунул в рот сигарету.

— Да ничего, заболел он.

— Желтухой?

— Нет, кажется, тифом... Да, точно, тифом он заболел. Это все в первом томе написано, в самом начале.

— Вшей, наверное, тоже кормил, как и мы...

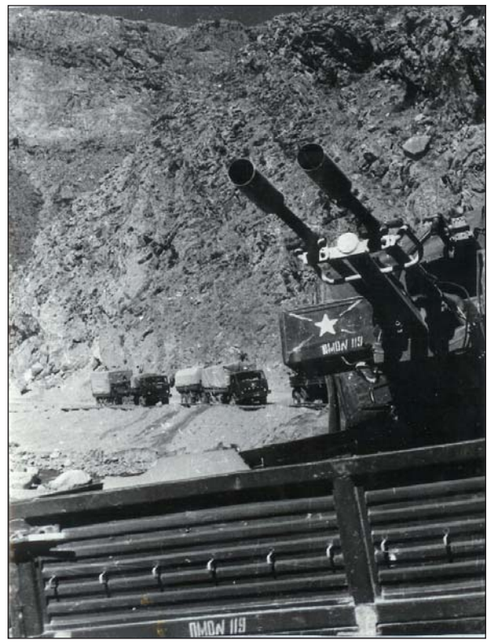
— Не-ет, вряд ли! Он был англичанином, а они — люди цивилизованные. Не то что мы — собачье дерьмо!

И вот тут произошло что-то. Я точно не знаю, что именно, но будто мне плюнули прямо в лицо — и дальнейшие разглагольствования Коняги доходили до меня, как сквозь туман. Он вроде говорил, что эти подлые англичане повыкачали отсюда все, что могли, и теперь живут припеваючи и еще сто лет будут жить.

— А вот мы сейчас посмотрим... — так сказал я. Встал и направился к старику, захватив автомат. — Стец! Пошли-ка со мной!

Старик сворачивал валиком коврик и, казалось, не замечал ничего. Стеценко с ходу запрыгнул на ишака, вынул из ножен штык-нож и стал тыкать острием бедному животному в ляжку: «Но!.. Но!.. Поехали!»

Мы остались один на один — я и старик. И тут только дошло до меня, что



я стою перед ним почти голый, в одних полинялых трусах. Я вдруг заорал:

— Время?.. Время сколько, я спрашиваю!

Старик стоял и не двигался. Меня поразили его глаза: вовсе не старческие — у стариков они обычно подернуты желчно-матовой пленкой. А эти глаза были ясные и прозрачные. И я опять заорал:

— Сколько время? Время, не понял?! — и показал на запястье.

Старик повел неторопливо рукою, отодвинув рукав пиджака: вот они — часики! Швейцарские — настоящие, с тремя кнопками и хрустальным граненым стеклом... Старик взглянул на меня и вздохнул облегченно. В этот самый момент взлетел приклад моего автомата и торцом врезался в лоб ему — старик упал на спину в дорожную пыль.

Он лежал у меня под ногами, широко разбросав руки, словно распятый, и старческое лицо его освещала улыбка блаженства.

— Надо прикончить, — процедил сквозь зубы Стеценко и склонился над стариком, чтобы проверить карманы.

— Хватит с него... Дай мне часы, я давно мечтал о таких.

А старик все лежал в дорожной пыли, распластанный, и в застывших глазах его отражалось предзакатное небо... Стец протянул мне швейцарские часы, я взглянул на них и ужаснулся: ведь они, эти темные и прозрачные глаза, будто дверь, ведущая в никуда, будут всякий раз так спокойно, так мрачно взирать на меня, если я обращусь к ним за временем.

И я подумал тогда: нет, дело не в том, что на мою долю выпало освободить этого человека от боли в суставах и старческой немощи, — не потому он так облегченно вздохнул. Блаженную улыбку освобождения приходилось мне видеть и на других лицах. За одно лишь мгновение до смерти так улыбались и молодые парни-афганцы, которых мы называли душманами. И я понял — эти люди сильнее! У них за душой есть нечто большее, а мы проиграли. Нет, не войну. Никакой там войны и в помине не было. Было черт знает что. А проиграли мы свою жизнь, потому как — действительно, после того удара, что я нанес старику, — мне самому уже никогда не оправиться.

И нужно ли теперь понимать, что за сила двигала моею рукою, что за проклятие?.. Случилось все именно так, и моя иль не моя в том вина, а надо платить за дела своей юности. Человек от животного отличается тем, что он должен раскаиваться, — значит, в этом и есть мое счастье, в этом есть моя сила.

Вот, собственно, все. Что еще можно добавить? Часы я потом продул в карты. Конягу с желтухой отправили в Союз. Несколько суток он валялся скрюченный под машиной: ничего не ел, кроме антибактериальных таблеток из своей индивидуальной аптечки, и пил кипяченую воду, но тут же отблевывался ею под скаты — и присыпал песком, чтобы мух было поменьше, — а потом опять вползал под машину. На седьмой день только, кажется, опустилась «вертушка», и на этом его мучения кончились. Стеца убили, а о ротном я и говорить не хочу.

Мохаммад Юсуф

Начальник афганского отдела центра разведки Пакистана в 1983-1987. Полковник Мохаммад Юсуф родился в 1937 году, начал свою карьеру в пограничных войсках Пакистана в 1961. В течение службы он закончил общевойсковой командный колледж в г. Кветта (Command and Staff College at Quetta) и колледж национальной обороны в Равалпинди (National Defence College at Rawalpindi). В октябре 1983 года он был назначен командующим афганского бюро разведывательного управления Пакистана (ISI). В этой должности он под руководством генерала Ахтара руководил общей координацией операций моджахедов и организацией снабжения афганского джихада.

«ЕЩЕ ОДИН ВЬЕТНАМ»

(4-я глава из книги М. Юсуфа «Ловушка для медведя»)

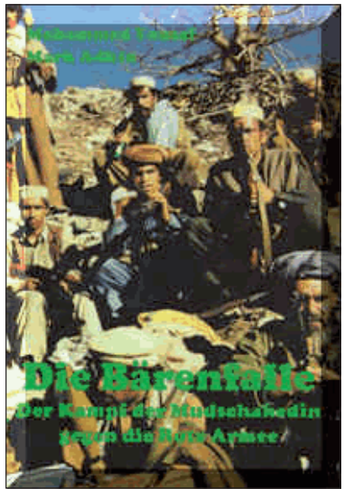
Перевод с немецкого Дмитрия Кузина (kdm2001@yandex.ru)

«58000 американцев погибло во Вьетнаме, и я думаю, что русские тоже должны получить свое».

Депутат конгресса США Чарльз Уилсон в интервью «Дэйли-телеграф» 14 января 1984 года.

В 1987 году я устроил визит Уилсона, энергичного защитника моджахедов в Палате представителей США в течение нескольких лет, в Афганистан. Он поддерживал джихад и был известен президенту Зиа, которому и высказал пожелание посетить Афганистан. Зиа знал, что поездка уже запланирована, но сделав хорошую мину при плохой игре, тем не менее, на будущее запретил генералу Ахтару подобное самоуправство. Барьеры конгрессмену ставили по политическим причинам, так как о визите Уилсона могла узнать общественность, и американец мог пострадать или — что хуже — попасть в плен. Зиа хотел поддерживать воду в котле теплой, но боялся ее перегреть. Дай ему волю, Уилсон прибыл бы в Афганистан со спутницей, но это было уж слишком рисковано.

Когда Уилсон устроил свою встречу непосредственно с партией Хали, мы были так же шокированы, как и президент. Хотя Зиа запретил эту поездку, Уилсон не должен был этого знать. Мы хотели позволить Уилсону пересечь границу, а затем его должны были остановить моджахеды под предлогом внутренних распрей в провинциях. План сработал, и я возвращался в Пешавар, чтобы сопроводить гостя назад в Исламабад. Генерал Ахтар утешил американского гостя, сказав, что в следующий раз будет достигнута тайная договоренность, чтобы в будущем организовать его поездку в Афганистан. Уилсон приехал еще раз и посетил базу моджахедов под Жаваром в пяти километрах от Пакистана, напротив местечка Мирам Шах. Он очень гордился тем, что сфотографировался на белом пони в одежде моджахеда, обмотанный пулеметными лентами. Он был очень обеспокоен артобстрелом, хотя случайные



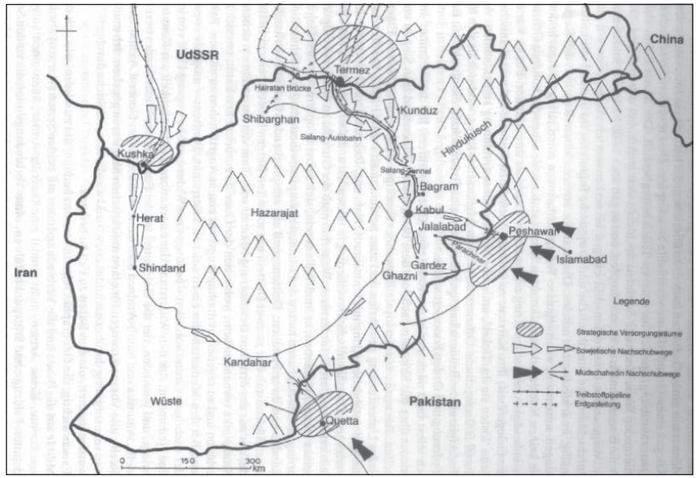
снаряды рвались как минимум в 200 метрах от него. У нас были при себе несколько ракет класса «Stinger», и мы попытались сбить хоть один вертолет, находившийся в зоне поражения, ибо моджахеды очень хотели проверить свои способности. К сожалению, вертолеты в этот день к нам так и не приблизились. Возвращаясь домой, Уилсон был недоволен тем, что посольство США необдуманно оформило его полет в Америку через Москву. Он наотрез отказался лететь, пока ему не забронировали другой рейс.

Я привожу эти детали, так как Уилсон олицетворял отношение многих американских официальных лиц, которые хотели сделать Афганистан «советским Вьетнамом». Во Вьетнаме СССР поддерживал вьетконговцев материально и технически, чтобы те смогли одолеть американцев, а США, в свою очередь, поддержали моджахедов в их борьбе против СССР в Афганистане. Такую же, как Уилсон, позицию занимали и сотрудники ЦРУ, особенно его директор – Уильям Кейси. Как я заметил, американцы все еще переживали свое поражение во Вьетнаме. Мне даже показалось, что месть за Вьетнам была первоначальной причиной огромной финансовой поддержки этой войны со стороны Америки. Не сомневался я также и в том, что у Госдепартамента США было много других стратегических и политических причин для поддержки джихада, тем не менее, многие официальные лица видели в этом возможность победить Советы без угрозы для жизни американцев. Генерал Ахтар также разделил точку зрения, что конфликт в Афганистане мог стать «советским Вьетнамом». Он убедил в этом президента Зиа, после чего моим заданием стало претворение этой идеи в жизнь.

Разумеется, можно найти большое количество аналогий между обеими войнами. В политической сфере обе сверхдержавы воевали в азиатской стране; в обоих случаях они поддерживали правительства, которые были продажными и непопулярными у большей части населения; в обеих войнах — как во Вьетнаме, так и в Афганистане — регулярные вооруженные силы боролись против уступающих числом вооруженных сил партизан; и в обоих случаях сверхдержавы роковым образом недооценили своего противника, надеясь одержать быструю победу. Природные особенности обеих стран давали партизанам свои стратегические преимущества: покрытые джунглями сопки Вьетнама и высокие, крутые горы Афганистана защищали и укрывали от нападения с воздуха. Как США, так и СССР очень полагались на военно-воздушные силы, компенсируя свою неспособность разбить противника на земле. Для обычных вооруженных сил первоначально ставилась задача оборонительной войны на суше, причем они пытались добиться контроля над городами, узлами коммуникаций, деревнями и армейскими базами, а в сельских областях предоставили хозяйничать партизанам. В обеих войнах применялся террор и беспорядочные бомбардировки городов, где предположительно скрывался противник. Вьетконг мог получить подкрепление, провиант и помощь из граничащих с Вьетнамом Лаоса и Камбоджи, в то время как моджахедам шла помощь из Пакистана.

На уровне тактики обе сверхдержавы пытались уничтожить противника скорее своей огневой мощью, чем с помощью пехоты, но они убедились на опыте, что подобная тактика сама по себе не приведет к победе. Американцы придумали новый военный термин «search and destroy» *(англ. «искать и уничтожать»)*, обозначающий обстрел с воздуха и с земли объектов или населенных пунктов, независимо от того, что в них находилось. Затем проводился подсчет потерь, и войска приписывали себе очередную победу. Советская армия переняла этот вид бессовестного и бесполезного убийства, причем они не особенно старались окружить атакуемый объект. Ни американцы, ни русские не смогли бы столь долго вести войну без вертолетов, но даже эти чудо-машины не помогли им победить. Отношение солдат обеих держав к войне было похожим. Обе войны велись, главным образом, военнообязанными, которые хотели только одного — выжить. У них не было никакого интереса воевать. Из этого вытекало плохое исполнение служебных обязанностей, особенно у военных низшего звена. Моральная устойчивость угрожающе падала, и многие солдаты находили выход в употреблении алкоголя и наркотиков. Американцы отказывались воевать: известно свыше тысячи случаев, когда солдаты расправлялись со своими командирами. Среднестатистический американский и советский пехотинец был, за некоторым исключением, в лучшем случае — посредственным, в самом худшем — бесполезным бойцом. Это стало неизбежным результатом привлечения правительством регулярной армии из военнообязанных на войну, в которой они не видели никакого смысла. Интересно, что офицеры более-менее высокого ранга видели войну в ином свете. Для них война была возможностью устроить свою карьеру. Американская сторона делала то же самое: их офицеры пользовались случаем приобрести во Вьетнаме шесть месяцев боевого опыта. Около 60000 советских офицеров, прослужив в Афганистане, стали вследствие этого полноценными членами «афганского армейского братства», что учитывалось при награждениях и в продвижении по службе.

Важно знать географию Афганистана, чтобы понять, как проводилось военно-транспортное снабжение армий обеих сторон (карта №1). Никакая армия, даже повстанческая, не может вести длительную войну без баз и линий снабжения. Существует два вида баз: стратегические базы снабжения и оперативные базы. Стратегическими базами снабжения в этом случае были советские республики Центральной Азии, которые лежали на границе с Ираном на западе и Китаем на востоке. Для моджахедов же этой основной стратегической базой снабжения была западная граница Пакистана. За этой границей находились склады, учебные лагеря и районы отступления. Советы дополнительно имели еще аэродромы, которые поддерживали вооруженные силы в Афганистане. В обоих случаях базы снабжения были хорошо защищены от серьезного нападения. Воюющие части могли вернуться туда на отдых, оттуда беспрепятственно можно было вызвать подкрепление. Речь при этом шла о крайне длинных границах, которые тянулись на несколько тысяч километров. Граница между Пакистаном и Афганистаном пролегает на 90% по горным массивам, лишь в западном Белуджистане она проходит по пустыне. Эта граница была пустынной и устрашающей преградой. Из-за большой протяженности обеих границ, базы снабжения обоих противников соответственно были сгруппированы вокруг двух городов в каждой стране. В Советском Союзе 75% продовольственных товаров шли в Афганистан через город Термез, а остаток транспортировали через Кушку. Для моджахедов Пешавар стал первым, а Кветта — вторым центром снабжения партизан в Пакистане.



Карта №1

Оперативные базы отличались от них тем, что они имели тактическое назначение в пределах Афганистана и использовались войсками согласно их боевым задачам изо дня в день. Там жили солдаты, оттуда они шли на задание. После боевого выхода русские обычно отходили в места постоянной дислокации, т.е. на оперативные базы. В таких же базах нуждались и моджахеды после засады или ракетного обстрела. Оперативными базами Советам служили крупные города и аэродромы, например, Кабул, Баграм, Кундуз, Джелалабад, Шинданд, Кандагар, а также новый склад вооружения в Пули-Хумри. Моджахеды использовали в качестве убежищ сотни мелких кишлаков и долин, разбросанных по Афганистану. Каждый командир имел свою собственную оперативную базу. Но даже надежная стратегическая база снабжения бесполезна, если ее военный груз не может попасть в войска, а для этого необходимы линии связи и дороги. Если дорога блокируется в течение какого-то времени, то соответствующие части нельзя снабжать до тех пор, пока линия не будет освобождена. Это можно сравнить с разрезом на пальце, который будет кровоточить до тех пор, пока его не перебинтуют. Разрыв основной линии снабжения армии необходимо устранить, или армия погибнет так же, как умрет раненый с разорванной артерией без немедленной медицинской помощи.

Карта №1 показывает советскую наземную систему снабжения. Можно доставлять основные военные грузы в гарнизоны или на базы, если это необходимо, посредством вертолета или самолета — и такой способ применяли, когда, например, те были окружены. Однако, снабжение по воздуху не может заменить наземного. База снабжения в Термезе представляла

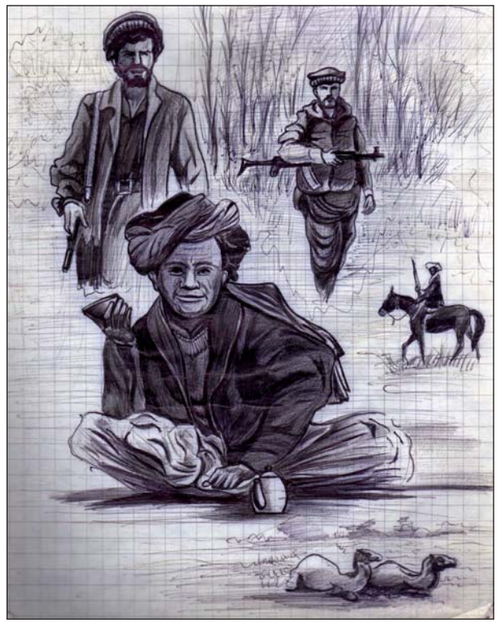
собой сердце советских вооруженных сил в Афганистане, где Кабул играл роль головы. Там же находилась выдвинутая штаб-квартира (*40-й армии* — прим. пер. **Д.К.**), здесь же был центр коммунистического правительства ДРА, и тот, кто находился в этом центре, контролировал таким образом страну, во всяком случае, Так это виделось мировой общественности. Артерией, основной линией снабжения, которая обеспечивала жизнедеятельность правительства в Кабуле, была автотрасса «Саланг». Эта дорога тянулась более 450 очень небезопасных километров. Именно на ней моджахеды устроили наибольшее количество успешных засад.

Наши планы на 1984 год были невелики. Они предусматривали удары по Кабулу, центру прокоммунистического режима и афганской армии.

От Кабула другие дороги вели к удаленным позициям советских войск. Автотрасса №1 шла на юг в Газни и оттуда 500 км на юго-запад в Кандагар. Трасса № 157 также шла на юг до 120 км к удаленному гарнизону Гардез. Восточная ветка автотрассы №1 вела в Джелалабад, оттуда через перевал Хайбер в Пешавар. Каждая из этих автомагистралей была важна. Если прервать снабжение через них, это было бы очень болезненно для Советов, однако их прерывание на небольшое время не имело какого-либо сильного воздействия. На западе база у Кушки снабжала гарнизоны в Герате и Шинданде. Однако, их значение не было столь важным, как значение баз на востоке и севере. Значение восточных и северных баз заключалось, скорее всего, в образовании буферной зоны с Ираном. Чтобы добраться из Шинданда в Кабул по южному маршруту, использовали длинную «окружную дорогу» через Кандагар. Этот путь представлял собой 1000 км пыток, ломающих позвоночник, натирающих ноги до кровавых мозолей. Путь здесь пролегал в основном через «пустыню смерти» и враждебно настроенные провинции.

Чем дольше я рассматривал карту, тем больше я понимал проблемы Советов. Их основной линией снабжения была автотрасса «Саланг», и ее ответвление на юг около 500 км в Кандагар проходило вблизи и, что гораздо важнее, параллельно пакистанской границе. Советская линия снабжения с севера на юг пролегала более чем в 1000 км от баз моджахедов. Горный массив Парачинар непосредственно выходит на Кабул. Центр коммунистического правительства Афганистана находился в 90 км от его вершин. Этот выступ также называли «клювом попугая». Подобный выступ, который тоже назвали «клювом попугая», проходил от кампучийской границы из Сайгона к Южному Вьетнаму. Удаленность составляла там всего 65 км. В Афганистане это послужило нам большим стратегическим преимуществом. Советы вынуждены были использовать единственную автотрассу в критической восточной части страны, которая была чрезмерно длинной и проходила через Гиндукуш и другие районы, которые считались повстанческими.

Кроме того, дороге на всем ее протяжении угрожала пакистанская граница. С другой стороны, существовало множество дорог от пограничных баз моджахедов на относительно незначительном удалении от Афганистана, так что они не были подвержены нападениям русских. Я очень хорошо знал, что длинные линии снабжения армии сокращают ударную силу снабжаемых ими войск, поскольку те вынуждены были содержать большое количество солдат для защиты этих линий снабжения. Чем длиннее коммуникации, тем большее количество охранников нужно для них, и тем больше ослаблены воюющие части. У советских и афганских войск это было основным фактором, который не позволял широко применять войска в стране. Я полагаю, что 9 из 10 солдат занимались статической обороной баз, вооруженным сопровождением грузов или выполняли административно-технические функции.

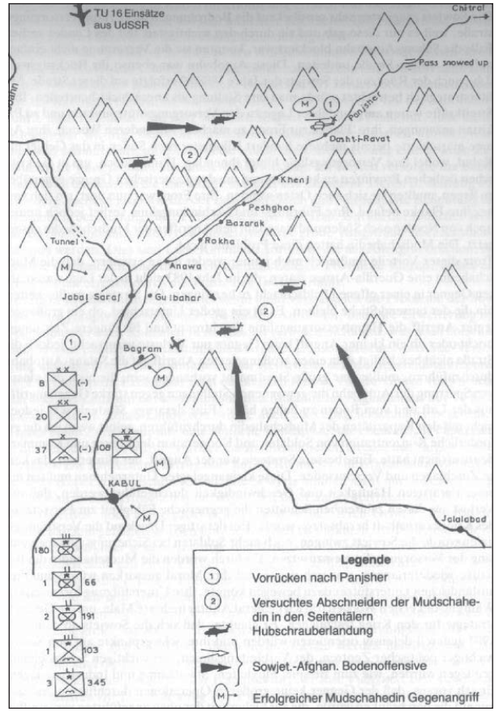


Советы очень чувствительно реагировали на угрозу своей главной линии снабжения, поскольку она была единственной и проходила через самые ключевые районы страны. Если автотрасса «Саланг» была заблокирована, то русские не могли перевести снабжение на другую трассу. Эта дорога была также путем отступления: вывод советских войск в 1988/89 гг. проходил также по этой автотрассе. В военно-стратегическом плане ее положение можно охарактеризовать как неудачное. Советские вооруженные силы были вынуждены сделать свой фланг «фронтом», основываясь на его положении относительно своих баз снабжения и Пакистана. Другими словами, советская армия, промаршировав несколько сот километров на юг в сторону Кабула, оставляла свою линию снабжения за собой. Но чтобы попасть в кризисные восточные провинции или на неспокойную границу, им приходилось обращаться на восток. Тогда ее фронт уже проходил там, где раньше находился фланг. Тем более, ее линии коммуникации проходили с севера на юг и были, таким образом, подвержены нападениям моджахедов. У моджахедов не было таких проблем.

Наши планы на 1984 год были невелики. Они предусматривали удары по Кабулу, центру прокоммунистического режима и афганской армии. От нападений мы ожидали политической и психологической поддержки международной прессы и прочих СМИ. Операции против основных линий снабжения противника должны быть усилены, так же как и удары по аэродромам. Также стоило бы попытаться выманить солдат из малых гарнизонов на неудобную для них территорию, чтобы с помощью этого преимущества одолеть их.

Подобная стратегия не содержала грандиозных планов, однако, она учитывала ограниченные мощности моджахедов на этой фазе войны. Между предводителями партизан не было никакого единства, альянс был только что построен, а военный комитет еще «носил детские тапочки». Число обученных партизан было незначительным, и, к тому же, у них еще не было эффективного оружия против боевых вертолетов. В этом году начали поступать китайские 107-милиметровые ракеты, до этого вся артиллерия моджахедов состояла из 82-мм минометов.

Прежде чем я успел осуществить большинство своих замыслов, Советы провели еще одно широкомасштабное наступление в Панджшерском ущелье. Это было седьмое наступление, которое еще раз обозначило важность этого ущелья для обеих сторон. Карта №2 раскрывает его значение. Ущелье получило свое название от имени реки, низвергающейся из покрытого ледниками сердца Гиндукуша с высоты 6000 метров. Река протекает среди гор и, подобно острию меча, указывает в направлении автотрассы «Саланг» возле городка Джахал Сарай. В ущелье располагалась оперативная база командира моджахедов Ахмад-шаха Масуда. Он заключил перемирие с противником в 1983 году, однако отказался от его обновления в 1984-м. Это и стало причиной наступления.



Карта №2

Зима 1983/84 была очень суровой, поэтому мы не ожидали такого широкомасштабного наступления до мая 1984. Тем не менее, было получено сообщение от наших осведомителей в Кабуле, что запланирована какая-то крупная операция в Панджшерском ущелье. Я сразу же обсудил с моим штабом и армейским комитетом, как поддержать Масуда. Нашей проблемой было то, что самый короткий путь от Читрал к Панджшеру шел через северные перевалы Гиндукуша. Этот путь был покрыт снегом, альтернативные же дороги вели через территории других командиров, не относящихся к партии Масуда, которые не позволяли вести его караваны с оружием через свои области. Так я впервые познал, как внутрипартийные ссоры моджахедов могли навредить общему делу. Масуд принадлежал партии Раббани и мог, таким образом, оказать давление на него, чтобы тот умерил свою гордость и попросил других о помощи и сотрудничестве. К счастью, Раббани сделал это, и я был очень рад, когда Хекматияр, который находился со своими воинами поблизости от выхода из ущелья, пошел на сотрудничество и предостерег деревни Джабал-Сарай и Гульбахар. Оттуда мы хотели провести контратаки, когда Советы начали наступление вглубь ущелья. Я обучил как можно большее число моджахедов, которые были в Пакистане, прежде чем дать добро на проведение диверсий в Кабуле, Баграме и в пограничных с Пакистаном районах. Это был небольшой вклад, тем более что время работало против нас, у меня и не было никакого другого способа отразить предстоящее наступление.

Этот боевой выход стал частичным успехом для Советов. Я же смог взглянуть на новинки тактики и возможности русских, кроме того, я узнал несколько слабостей моджахедов. По-видимому, советское командование поменяло тактику: миновали времена небольших наступлений, которые проводились вблизи автотрассы «Саланг». Эта операция была лучше спланирована, в ней гораздо больше использовались возможности вертолетов, чтобы окружить противника. Однако, относительно этой операции у меня было смешанное чувство. Американские ветераны Вьетнама и их коллеги из Южного Вьетнама без большого труда поймут, какая проблема стояла перед Советами и их афганскими союзниками: они пытались одолеть противника, который за минуту превращается из крестьянина в солдата. Миссии «Search and destroy» по сути одинаковы, и неважно, кто их выполняет.

С другой стороны, выяснилось, как сложно вести войну на уничтожение против партизан в горах с помощью самолетов. Теперь я знал, насколько важен был «Саланг» для русских. Автотрасса «Саланг» была построена специалистами из СССР в 60-е годы как часть «братской помощи» развивающимся странам. Первоначальной целью этой дороги было соединение Кабула и Советского Союза, чтобы обеспечить постоянную, всепогодную связь через Гиндукуш, так что пассажирское и грузовое движение было открыто в обоих направлениях. Наверное, его военное значение тоже было оценено, хотя оно даже не обсуждалось открыто. Автотрасса связывала север и юг Афганистана, сокращая недели езды до нескольких часов. В то время как Советы сконцентрировались на одной этой стратегической дороге, американцы строили окружные пути на юге, в испещренном горами центре страны.

Чтобы превратить Афганистан во Вьетнам, Советам следовало бы воздержаться от боевых действий, дабы предоставить воевать моджахедам и афганской армии. Такое все-таки было возможно, хотя я сначала считал иначе. В 1984 году я вынес вердикт, что это было возможно. Это был год, когда расширялись учебные лагеря партизан, когда вылазки на Кабул множились и были лучше скоординированы, когда на первый запрос зенитных ракет «Stinger» нам ответили отказом, а также когда мы нанесли первый осторожный удар по советской границе вдоль Амударьи. Последние 12 месяцев подтвердили мои предположения о том, что Советы избегали раненых. Зачастую их солдаты в Афганистане не покидали транспортных средств до самого последнего момента перед наступлением. Они также избегали ночных боев, какая-либо активность ночью прекращалась, не было никаких автоколонн, никакого движения, никаких наступательных операций, кроме, разве что, вылазок редких разведотрядов. Все это объяснялось ограниченной авиационной поддержкой. Наш противник ничего не предпринимал без поддержки боевых вертолетов. В этом пункте Советы вели себя так же, как и американцы во Вьетнаме. У меня сложилось впечатление, что обе сверхдержавы готовились к ведению обычной или ядерной войны в Европе, но не в состоянии были вести войну против партизан в Азии. Это еще раз выразилось в том, что солдаты побеждали партизан не в бою, а отсиживаясь на базах и опустошая страну бомбами и ракетами. Оба правительства, капиталистическое и коммунистическое, пытались осуществить невозможное: выиграть войну силами военнообязанных, для которых она ничего не значила.

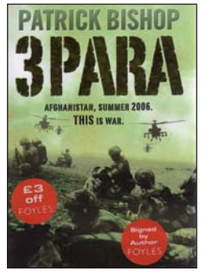
Патрик Бишоп

Военный корреспондент

БОЙ НА КУКУРУЗНОМ ПОЛЕ

(из книги «3 Para. Afghanistan. Summer 2006»)

Перевод Анатолия Филиппенко



Двадцатого августа первый взвод вышел на поиски нового прохода через район, расположенный к северу от базы. Для этого необходимо было проделать несколько проемов в городских стенах. Первое отделение под началом Брайена Бадда выдвинулось на возделанное поле, расположившись к северу и востоку от участка, где должны были производиться взрывные работы. Третье отделение, которым командовал капрал Эндрю Уоддингтон, при поддержке WMIK — «Лэндровера» с крупнокалиберным пулеметом — выдвинулось на север и запад. Сообща они прикрывали второе отделение под командованием капрала Чарли Кэрноу и саперов, закладывавших заряды.

Бадд вел отделение за собой. Пробираясь по полю сквозь кукурузу высотой по плечо, в тридцати ярдах перед собой он увидел группу талибов. Подняв руку, он предупредил своих солдат и приказал им изготовиться к нападению. Они начали скрытно обходить противника, намереваясь зайти слева. Но в это самое время было обстреляно третье отделение с «лэндровером». Фактор внезапности был утерян. Услышав выстрелы, талибы насторожились, заметили приближающихся десантников и открыли огонь, укрывшись в густой кукурузе. Бадд бросился вперед, навстречу огню, его отделение последовало за ним. И тут же капрал Гай Робертс, резко развернувшись, упал на землю — пуля попала ему в плечо. Рядовой Энди Ланагэн получил ранения в верхнюю часть предплечья и лицо. Крэгу Шарпу пуля угодила в пластину бронежилета, сбив его с ног:

— Я услышал выстрел, и через какую-то долю секунды меня словно ударили бейсбольной битой.

Крэг ощутил жгучую боль в области груди и живота. Засунув руку под бронежилет, он ожидал нащупать там кровь, но крови не было.

Трое из восьми бойцов отделения получили ранения. Оставшись на месте, они все могли погибнуть. Бадд принял решение, которое стоило ему жизни, но спасло раненых. До стрелявших было примерно 20 ярдов, и ему, наконец-то, удалось их засечь. Он бросился вперед, продираясь через кукурузу, стреляя на бегу. После этого никто уже не видел его живым. Его самоотверженный поступок позволил достичь задуманного: огонь противника ослаб, и остальные бойцы отделения смогли отползти назад к дренажной канаве, до которой было 25 ярдов.

Хьюго Фармер находился с отделением Чарли Кэрноу. Услышав стрельбу, он побежал вперед к солдатам Бадда. Узнав, что они остались без командира, он вместе с Кэрноу повел второе отделение туда, где командира первого отделения видели в последний раз.

— Мы хотели было выдвинуться вперед, но стало ясно, что весь тот участок контролируется противником, и из этой затеи ничего бы не вышло.

Тогда они решили действовать по-другому: отойти на юг, переместиться вправо и пойти на север по берегу реки.

Продвигаясь вперед, увидели убитых талибов.

— С того места, где я находился, я смог довольно хорошо разглядеть двоих. Кто-то пытался их перевязать, а, может, сами они пытались, потому что там повсюду валялись вата и прочие медицинские принадлежности.

Бадда видно не было, двигаться дальше тоже было нельзя, потому что отделение попало под интенсивный пулеметный огонь. Пули «били в камни, в пластины бронежилетов, раскалывая их». Осколки попали Фармеру «в ботинки, бронежилет и задницу». Кэрноу был ранен в ногу.

Майору Лодену, находившемуся на базе, стало ясно, что первый взвод «угодил в весьма серьезную заваруху». Три человека получили тяжелые ранения, один пропал без вести. Майор связался с «Бастионом» и вызвал воздушную поддержку. Ему сообщили, что пара «харриеров» на подходе, «апачи» также вылетели. К этому времени о Брайене Бадде уже сорок пять минут не было никаких известий.

Майору Лодену надо было отправить к месту боя дополнительный отряд, но людей у него почти не оставалось. Он уже направил туда группу быстрого реагирования под командованием Тэма Макдермотта — она должна была обеспечить оборону участка, откуда производилась эвакуация раненых. Лоден по крохам собрал еще один взвод, взяв людей из всех подразделений, дислоцировавшихся на базе. На огневых позициях он оставил по одному саперу — получилось одно отделение. Еще одно отделение он скомплектовал из семерых солдат полка Королевской конной гвардии с их командиром во главе. В третье отделение вошли четверо саперов, двое снайперов и двое военных полицейских, которые еще оставались в лагере. Под началом Энди Моллета взвод спешно вышел из города.

Им предстояло добраться до участка, где Хьюго Фармер с бойцами были прижаты к земле, и обеспечить путь для отхода. «Харриеры» уже прибыли, но противник замаскировался, и возможности навести пилотов на цель не было.

Затем появился «апач» — и у десантников появился шанс на успех.

Переговорив со взводом, посланным в подмогу, Лоден передал его под командование Фармера, который имел возможность наводить вертолеты на цели.

— Я попросил их обстрелять неприятельские позиции на том берегу, и в очень скором времени противник начал отходить, — рассказывает Фармер.

В конце концов, десантникам удалось добраться до того места, где в последний раз видели Брайена Бадда. Они нашли его на опаленной солнцем земле, на краю поля, где кукуруза росла пореже. Вокруг него лежали трое убитых талибов! Четверо его соратников отнесли тело к квадроциклу, у которого дожидался санитар. Сначала ему показалось, что он нащупал слабые удары пульса, но надежды тут же угасли. Солдаты уложили Бадда на квадроцикл и — под огнем талибов, которые продолжали постреливать из минометов и стрелкового оружия — направились обратно на базу .

К тому времени бой продолжался уже больше часа. Гибель Брайена Бадда ужаснула его товарищей. Талибам не давали передышки, но казалось, что серьезные потери, которые они несли, никак на них не сказываются. В каждой новой перестрелке, в каждой стычке можно было получить ранение или погибнуть. Фармер поймал себя на мысли: «Все, хватит с меня армейской жизни. Вот выберусь отсюда и буду просто дожидаться конца срока, потому что с меня хватит». И тогда он понял, что должен сделать:

— Нужно заставить ребят понять, что надо держаться и делать свое дело. Пусть поймут, что войн без смертей и ранений не бывает, и никто не обещал легкой жизни, и раскисать не следует.

Но в глубине души его переполняли сомненья:

— А что если на следующем выходе придет и мой черед? А что если погибнет кто-нибудь еще? Что если война развернется в полный рост, и мы начнем терять все больше людей?

Ведь казалось, что Брайен Бадд из тех, кого нельзя убить. А раз и он погиб, то смерть может настигнуть любого.

— Рядом с ним ребята верили, что с ними ничего не случится, — говорит Дэн Жарви.

Бадду было двадцать девять лет, в роту «А» он прибыл совсем недавно, в июне. До этого он служил в разведывательном взводе. Бадд обладал большинством тех качеств, которые делают солдата популярным среди однополчан. Со слов Джарви, он был «в обалденной физической форме, всегда в обалденном настроении, с невероятным чувством юмора и всегда, всегда был готов прийти на помощь». При этом он был очень душевным человеком. Он нежно любил жену Лорен и дочку Изабелль и с нетерпением ждал рождения второй дочери, которая должна была появиться на свет в сентябре.

— Командиры отделений в первом взводе были для подчиненных почти как старшие братья, — вспоминал Хьюго Фармер. — Они не ломали людей, они их воспитывали. Отношения больше походили на семейные, и Брайен отлично во все вписался. Кроме того, Бадд великолепно показал себя в этом особом мире, где так высоко ценится профессионализм.

— Однажды по нам открыли огонь из минометов, и все укрылись в подвале — что и следовало сделать. Но я решил забраться на вышку — засечь, откуда ведется обстрел, и сообщить об этом майору Лодену, чтобы тот вызвал авиацию, если сочтет это необходимым.

Когда Фармер добрался до вышки, то обнаружил там человека, который залез туда с той же целью. Этим человеком был Брайен Бадд. И так было всегда. Он думал не только и не столько о собственной безопасности, сколько о том, что можно и нужно делать. Он выделялся своей храбростью даже среди людей, для которых отвага является нормой.

— Он всегда охотно шел вперед первым. Никто никогда не мог подумать, заметить, что он испугался и не хочет этого делать.

Но главное, чем он запомнился — это нежным отношением к тем, кто остался дома.

— В этом отношении он был особенным человеком, — вспоминает Фармер.

— Он то и дело подходил ко мне с фотографиями своих близких и говорил: «Командир, вот моя дочка, вот моя жена. А скоро у нас будет еще один малыш». Где бы ему ни приходилось ночевать, он ставил эти фотографии рядом с кроватью. Кроме него, никто этого не делал. У других повсюду валялись журналы, книги, сухпайки, но возле его кровати всегда царил порядок, а в изголовье стояли фотографии его семьи, о которой он любил поговорить больше всего.

Казалось, что Бадду была уготована долгая и успешная карьера. Его имя было в списках кандидатов для назначения на должность во взводе. По мнению Стюарта Тутэла, он был «отменным солдатом. Он погиб, занимаясь любимым делом, ведя за собой подчиненных — он всегда шел впереди всех. Он гордился тем, что служит в десанте, а мы были горды служить с ним рядом».

Для выяснения обстоятельств его гибели было проведено расследование. Кое-кто высказывал предположения, что он мог погибнуть от огня своих же, но подтверждения они не получили. Баллистическая экспертиза показала, что пули не могли быть выпущены кем-либо из десантников. Но в чем никто и не думал сомневаться, так это в том, что Брайен Бадд пожертвовал жизнью ради своих подчиненных, совершив самоотверженный и героический поступок, что он в полной мере заслужил крест Виктории, которым и был награжден четыре месяца спустя.

— В Афганистане редко удавалось сразу же засечь противника, — вспоминает Крэг Шарп, который был в нескольких ярдах позади Бадда, когда тот побежал

Услышав выстрелы, талибы насторожились, заметили приближающихся десантников и открыли огонь, укрывшись в густой кукурузе. Бадд бросился вперед, навстречу огню, его отделение последовало за ним.

вперед. — Брайен увидел стрелявших и понял, что дело может обернуться очень плохо. И тогда он сделал для своих подчиненных все, что мог. Он решил броситься в атаку, чтобы спасти нас от гибели.

Хьюго Фармер должен был убыть в двухнедельный отпуск, но после гибели Бадда хотел остаться на базе. Лоден настоял на том, что он должен немного отдохнуть. Бойцов роты «А», всегда гордившихся своей крутостью и стойкостью, начали терзать мучительные сомнения.

— Настроение в роте было хуже некуда, — вспоминал Энди Моллет, — мы потеряли не только чрезвычайно способного капрала, но и на удивление замечательного парня. Он был необыкновенным человеком, и смерть его расстроила очень многих ребят.

Моллет подготовил и произнес речь, которая в тот момент была просто необходима. Смысл ее заключался в том, что нельзя падать духом. Он сказал подчиненным: «В общем, так: пусть вам сейчас и неприятно об этом думать, но повоевать придется. Надо их найти. Если мы будем отсиживаться в лагере — значит, они победили». По выражению лиц солдат он понял, что «им всем, наверное, хотелось только одного — уехать домой. Но прошли сутки, двое — и они нашли в себе силы, чтобы и дальше делать то, что от них требовалось».

Следующие день-два можно было обойтись без выходов. Но это не могло продолжаться вечно. Он сказал подчиненным: «Мне нужно, чтобы в следующий раз вы не раскисали и не думали ни о чем, кроме дела».

— А они посмотрели на меня и говорят: «Когда выходим, командир?» Когда после того, что нам пришлось пережить, слышишь такое от мальчишек, которым по восемнадцать-девятнадцать лет, это производит сильное впечатление. Именно тогда я понял, что в этих ребятах есть что-то особенное».

Размышляя об этом некоторое время спустя, он понял, что тот случай был очень хорошим примером присущего десантникам духа. Тогда в полной мере проявился тот характер, что они демонстрировали в учебной роте на боксерском ринге и во время ночных прыжков с полной боевой выкладкой. «В тот момент каждый из них что-то в себе преодолевал. Одни боролись с доводами разума, другие просто со страхом, но каждый из них изо дня в день находил в себе силы прыгать всякий раз, когда загорался зеленый сигнал».

Но у десантников, как и у всех людей, существует свой предел. Со слов Моллета, самое неприятное в тех боях заключалось в их непрерывности. На прежних войнах ожесточенные схватки с врагом обычно происходили с перерывами. Бои были жуткими, изматывающими, но между ними были передышки, во время которых солдаты приходили в себя и их воспоминания притуплялись. В этой же боевой группе бойцы сражались на войне, которая была совсем другой. Изо дня в день они вступали в бой, снова и снова глядя смерти в глаза, и за неделю переживали столько, сколько обычному человеку хватило бы на всю жизнь.

Само собой, случались и нервные срывы.

— С боевым шоком нельзя было не считаться, — вспоминал Джейми Лоден. — Случалось, что после некоторых переделок кое-кто из бойцов испытывал серьезное потрясение от случившегося. Приходилось по мере сил их успокаивать, давать прийти в себя.

Из-за этого необходимо было «разбивать отделения и тасовать людей, иногда потому, что командиры выбывали по ранению, но случалось и так, что некоторые теряли уверенность ... как командиры, и приходилось вносить изменения, чтобы все шло, как положено». Некоторые из его подчиненных «вполне определенно давали понять, что воевать больше не хотят. Но сутки спустя им становилось стыдно за свои слова».

— Ребята говорили: «Что же тут происходит?» — вспоминает рядовой Крэг Шарп. — Ежедневно мы выходили на задания, несли потери, и кое-кто начинал задумываться о том, ради чего все это ... Но такие настроения проходили быстро.

Каждый раз, когда командиры замечали, что решимость бойцов падает, им приходилось хорошенько подумать о том, что с этим делать.

— Искусство руководителя всегда заключается в правильном сочетании душевности и жесткости, — говорил Лоден. — Надо дать людям время смириться с тем, что произошло, а затем заставить их идти вперед, несмотря ни на что.

За время участия в боевых действиях психологические проблемы в этой боевой группе возникали далеко не у всех. Но в тяжелые моменты многих терзали сомнения по поводу необходимости и ценности того, что они делают. Та война не была войной во спасение своей страны. Боевые действия в Афганистане представляли собою один из раскатов землетрясения, вызванного Соединенными Штатами в ответ на события 11 сентября. Британских солдат едва ли переполняла та же ярость, что их американских коллег. В результате, со слов Лодена, «конечно же, наступали моменты, когда некоторые из них задумывались: «Что я тут делаю, черт возьми?» Думаю, подобное случалось на всех уровнях». И единственным ответом на этот вопрос было: воевать и дальше. И не из-за какой-то веры в необходимость войны с терроризмом, но из чувства долга: перед соратниками, своим взводом, ротой, полком. Это то самое чувство, что сплачивало и сплачивает солдат на протяжении всей истории человечества.

И единственным ответом на этот вопрос было: воевать и дальше. И не из-за какой-то веры в необходимость войны с терроризмом, но из чувства долга: перед соратниками, своим взводом, ротой, полком.

Ашот Бегларян

Участвовал: Карабах

http://artofvar.ru/beglarjan_ashot_ernwstovich/

Ашот Бегларян родился 1 августа 1968 года в столице Нагорного Карабаха, в городе Степанакерте. Окончил факультет русского языка и литературы Ереванского государственного университета по специальности литературовед.

Участвовал в обороне Нагорного Карабаха, в ходе азербайджано-карабахской войны был тяжело ранен: не случайно военная тема ему особенно близка.

Награжден медалями Нагорно-Карабахской Республики и Республики Армения «За боевые заслуги», а также медалью «Материнская благодарность доблестным сынам Арцаха».

Орел

Война была в самом разгаре. Каждый день с фронта приходили вести о погибших и раненых. Особую категорию жертв составляли пленные — тоже непременный атрибут всякой войны. Многие солдаты предпочитали плену смерть, потому что плен ассоциировался с той же смертью, но позорной и мучительной, растянутой во времени. И все же, попавшие в плен верили в чудо, продолжая надеяться, что на родине сделают все, чтобы выцарапать их у Смерти.

С карабахской стороны пленными занимался майор Костанян. Тяжелая и крайне сложная работа, которую он выполнял уже третий военный год, укладывалась во внешне нехитрую схему: нужно было на основе официальных и неофициальных данных установить местонахождение пленного, выйти на контакт с лицами, занимающимися аналогичной работой с противоположной стороны, договориться с ними об обмене, обговорить условия последнего... Кто мог догадаться, что после каждого обмена живого человека или трупа у Костаняна на голове прибавлялось седых волос, появлялось какое-то непонятное чувство опустошенности, от которого он не сразу приходил в себя?

Костанян родился и вырос в Баку, имел по ту сторону баррикады множество знакомых, а потому искал пленных как по официальным, так и по личным каналам. Он выходил на контакты с людьми самого различного склада ума и характера, социального и общественного положения. Звонил, просил, убеждал. Многие обещали помочь и помогали. Любопытно, что, несмотря на продолжающуюся войну, поддерживали связь и бывшие пленные, добровольно предлагая свои услуги по поиску без вести пропавших. Костанян даже не задавался вопросом, почему все эти люди должны помогать ему — ведь встреться на узкой тропе войны их сын или брат с карабахским солдатом, оба, не колеблясь, поспешили бы первыми спустить курки...

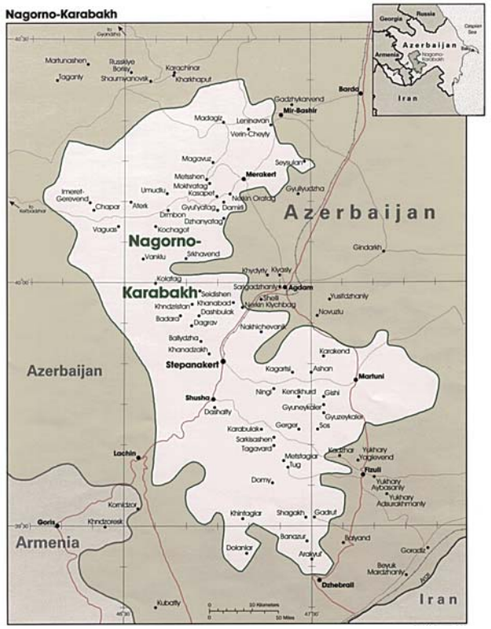
Костанян вел свой старенький «москвич» по улицам полупустынного военного города мимо поврежденных от авианалетов и артобстрелов зданий, зияющих то здесь, то там пустыми глазницами окон. Его мысли были заняты Назилей. Она была взята в плен во время боев в Физулинском направлении. Девушка растерялась в общей суматохе, отстала от убегающих в панике родных. Солдаты нашли ее в хлеву в полуобморочном состоянии.

Впрочем, называть Назилю «пленницей» было бы несправедливо. Ее, как и многих других азербайджанских женщин, стариков и детей, оставленных своими на произвол судьбы, карабахские солдаты практически вывели из зоны боев, спасли им жизнь. С ведома властей девушка-азербайджанка содержалась дома у одного из командиров — тот рассчитывал обменять ее на своего солдата, пропавшего без вести. Она была как член семьи: кушала с домочадцами за одним столом, вместе со всеми спасалась в подвале от артобстрелов и бомбежек, которыми почти каждый день потчевали город ее земляки. Костанян помог Назиле наладить переписку с родственниками в Баку. Недели две назад он сам позвонил им, попросил поискать человека для обмена.

Несмотря на войну, почти ежечасные обстрелы и бомбежки, несущие смерть и разрушение, жизнь в городе продолжалась. Оплакивая потери, люди не забывали и о праздниках — они были отдушиной, позволяли хотя бы на миг забыть о нависшей над городом опасности.

Майор Костанян делал вид, что слушает тост, но на самом деле мысли его были далеко — по ту сторону линии фронта. Сосед по столу, военный фельдшер Борис, то и дело толкал его локтем, когда поспевало время чокаться. «Дорогая Нана, сегодня тебе исполнилось 16! Теперь ты уже взрослая девушка...» — в который уже раз, в качестве своеобразной увертюры, повторял эту или похожую фразу кто-то из опьяневших гостей, чтобы затем не без театральности попытаться сказать что-то свое. Костанян вдруг подумал, что и Назиле совсем недавно исполнилось 16. Он представил, как в день рождения ее родня, вместо того, чтобы радоваться, поздравлять и дарить подарки, обливалась горькими слезами...

Когда вставали из-за стола, Костанян, заметив, что Бориса качнуло, решил подвезти его домой. Тот в свою очередь настоял на том, чтобы подняться к нему на чай.



— Только мне надо будет срочно позвонить. Телефон работает?

— Конечно. Звони, сколько душе угодно.

Поднимаясь на четвертый этаж, Костанян шутливо упрекал повисшего у него на плече Бориса в том, что тот поселился столь высоко.

— Орлы любят высоту! — парировал Борис.

Пока хозяйка готовила чай, Костанян снял трубку и набрал номер.

— Карен, здорово! Как там наша гостья?.. Можно с ней переговорить?

После небольшой паузы Костанян заговорил на азербайджанском:

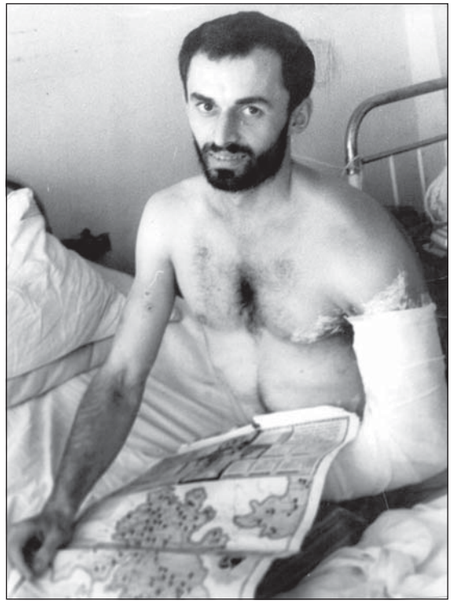
— Салам! Бакидан не хабар?..

Он справлялся у Назили о здоровье, спрашивал, не получала ли она нового письма от родных, нет ли вестей относительно кандидатуры для обмена. Костанян не сразу заметил, что хозяин дома стал мрачнее тучи. Когда он положил трубку, Борис снял очки, аж запотевшие от злости, протер их нервным движением и негодующе произнес:

— Слушай, какое ты имел право говорить из моего дома на азербайджанском?

Костанян, которому в его 36 лет не раз приходилось попадать в самые деликатные ситуации и выпутываться из них, на этот раз казался растерянным:

— Ты же знаешь, чем я занимаюсь... Я же не просто так позвонил. Мы поддерживаем связь с азербайджанцами, чтобы обменивать людей.



Война продолжалась и в наступившем 1994 году. С фронта шли вести о новых раненых и убитых. Были, конечно, и пленные. Костанян по-прежнему занимался их судьбой.

— Это меня не волнует. Ты осквернил мой дом!

— Мы же пытаемся обменять эту девушку на нашего солдата!

— В любом случае, ты не имел права говорить в моем доме на языке врага. Я патриот и не потерплю этого!

— Вот не ожидал от тебя... Ты же медик, где твой гуманизм?

— Ладно, хватит философствовать! Я знаю одно: эти люди, на языке которых ты только что говорил, убивают наших парней.

— Но ведь завтра и ты ко мне придешь, если, не дай Бог, с родными что-нибудь случится... Вот тогда посмотрим, кто из нас философ.

— К тебе уж точно не приду... Не дождешься!

Костанян вышел, не заметил, как спустился с четвертого этажа, завел мотор и погнал машину по улицам военного города. Потрепанный «москвич» сильно раскачивало на многочисленных колдобинах, образовавшихся в результате артобстрелов. Машина ревела, скрежетала и лязгала старым железом, будто жаловалась на хозяина. Не обращая на это внимания, Костанян жал на газ, словно хотел как можно скорее удалиться от дома, где минуту назад столкнулся с откровенным невежеством.

Прошел месяц. Однажды январским морозным утром к Костаняну в кабинет пришла заплаканная женщина. Не сразу он узнал в ней родную сестру Бориса — она как-то осунулась, будто разом постарела. На фронте пропал их племянник...

Майор снял трубку и стал набирать номер...

Война продолжалась и в наступившем 1994 году. С фронта шли вести о новых раненых и убитых. Были, конечно, и пленные. Костанян по-прежнему занимался их судьбой.

А однажды во время очередного обмена с азербайджанской стороны к нему подошел смуглый усатый мужчина. Он обнял Костаняна и поцеловал три раза.

— Это — за Самаю! Это — за Роксану! А это — за Назилю! — после каждого поцелуя он называл новое имя. — Ты помог моим сестрам заново родиться!..

Жажда жизни

Очередь ударила в левое предплечье, словно тяжелым молотом отбив его. Боль от первой пули была столь сильной, что двух других ран — чуть выше кисти и под мышкой — он почти не почувствовал. Точнее, не успел почувствовать каждую рану в отдельности: все слилось в один мощный удар, который, как показалось в первый момент, оторвал и унес руку.

Шок прошел быстро, вернее, усилием воли раненый преодолел его. Рука с двумя переломами тотчас вспухла, застыв в неестественном виде: согнутая в локте и с открытой ладонью, направленной вверх. Не выпуская автомата, предплечьем здоровой руки Армен попытался положить кисть левой в раскрытую грудь «афганки». Однако, через несколько шагов раненная рука вылезла из-под одежды и, почувствовав свободу, с силой подалась влево до отказа, причинив тупую, жидко-тошнотворную боль, и еще долго успокаивалась, нелепым приветственным жестом махая хозяину прямо перед глазами. Она абсолютно не подчинялась, казалась чем-то самостоятельным и чужеродным.

Вдруг до боли стало жалко себя и нелепую руку, но Армен сумел быстро побороть это чувство. «Еще не все кончено, буду идти сколько смогу», — как бы раздваиваясь, внушал раненый своему внутреннему «я» и даже улыбнулся ему, когда догнал товарищей. Те на ходу перевязали ему раны. Бинты моментально набухли от крови, к кислому запаху которой он никак не мог привыкнуть.

Бой, близкий и неравный, продолжался. Противник преследовал вырвавшихся из окружения. Во время одной из стычек группа разделилась. Теперь они остались вчетвером. Армен шел молча, пытаясь осмыслить случившееся...

Противник, безуспешно штурмовавший стратегически важную высоту над небольшим горным озером, на третьи сутки взял хитростью: зайдя незамеченным с тыла, он окружил полумесяцем небольшой отряд карабахских воинов. Долгое сопротивление грозило пленом — просто не хватило бы боеприпасов. Отступать же было некуда: внизу в холодной зыби сверкали воды озера, и если раньше оно служило серьезным препятствием для противника, то теперь невольно стало продолжением вражеской цепи окружения... Быстро оценив ситуацию, бойцы пошли напролом, на прорыв вражеской линии — к единственному свободному пути, тропинке, поднимающейся в гору с левой стороны.

У подбитого БМП развернулся жаркий бой. Рядом, сраженные, падали товарищи. Кровь одного из них, пораженного снайперской пулей в лоб, залила Армену лицо. Если бы не удалось засечь вражеского пулеметчика, тщательно замаскировавшегося в кустах под венком пожухлых августовских трав и листьев, перебили бы всех до единого. Когда Армен попытался прикрыть огнем отходившего последним товарища, вражеская очередь настигла и его...

В детстве, уже хорошо понимая, что смерть неминуема для всех, он почему-то был уверен в собственном бессмертии. Ему казалось, что смерть обойдет его неким волшебным образом. Вспомнив это сейчас, почти двадцать лет спустя, Армен невольно улыбнулся.

Тем временем жизнь все еще пульсировала в нем, связывая с миром тысячами невидимых нитей: ощущений, чувств, мыслей, воспоминаний. И ему казалось, что только путем неимоверной боли можно будет разом оборвать все это; что лишь нечто сверхъестественное способно прервать это удивительное состояние, даруемое в полной мере только человеку... Но чтобы вот так, безмолвно и тихо, вместе с утекающей кровью ушла жизнь — никак не укладывалось в голове. Он не мог, не решался представить себе это, не верил, что буквально через несколько минут может стать таким же неподвижным и бесчувственным, как лежавший неподалеку пень, вырванный с корнями снарядом. Он не хотел верить и тому, что часть боевых товарищей, с которыми еще недавно разделял пищу, сон и отдых, погибла... И это давало ему силы.

Армена мучила жажда — не пил почти сутки. Всегда аккуратный водовоз вчера почему-то не появился. Подъехал же к позициям только к полудню следующего дня, как раз перед самым началом боя, когда совершенно неожиданно появился дозорный, весь в поту, и срывающимся от волнения голосом сообщил, что противник окружает. Тогда стало уже не до воды... Теперь, приблизительно зная местонахождение родника, они искали его, петляя в горном, горячем от летнего зноя лесу.

Кровотечение, несмотря на все старания, остановить не удалось. Раненый заметно сдавал. Он достал из карманов самодельного бронежилета и передал товарищам гранаты и магазины. Некоторое время спустя, стараясь не причинять раненому новой боли, бойцы разрезали бронежилет, весь пропитанный кровью, и только тут заметили третью рану под мышкой, с досадой упрекнув его за то, что скрывал ее от них...

Вскоре поиски родника увенчались успехом, и неодолимое желание вдоволь напиться овладело им. Однако, раненого ожидало великое разочарование — товарищи решительно запретили ему пить: вода, обычная вода, в данном случае означала конец, несла, словно яд, смерть.

Не в силах открыть слепленный застывшей пеной рот, он жестами показал, что собирается лишь смочить губы и попробовал сделать это. Но уже через минуту его, всем телом припавшего к земле и со страстной жадностью, словно саму жизнь, ее свежесть и могущество, впитывавшего студеную воду, пришлось силой отрывать от жизнерадостно журчащего ручейка.

А еще некоторое время спустя Армен, сделав несколько шагов, внезапно почувствовал невыносимую, ноющую тяжесть в ногах и присел, попросив товарищей, которых столь легкомысленно ослушался, оставить его, пообещав, что с наступлением сумерек сам доберется до постов. Но когда позвали, и он с трудом разомкнул отяжелевшие веки, то понял, что силы окончательно покидают его, и жизнь, быть может, уже наполовину вышла из него.

— Уходите, — механически настаивал он, впрочем, сам не веря своим словам. — Ночью сам доберусь!

Вдруг как-то стремительно закружились в глазах кроны гигантских деревьев, и слабый дневной свет, тоненькой струйкой пробивающийся сквозь пышную листву, исчез.

Как-то смутно и далеко снилась мать, которая скончалась ровно месяц назад... Тут он почувствовал чье-то легкое и заботливое прикосновение. «Мама!» — прошептал раненый и попытался открыть глаза, но не смог. Он уже не слышал, как товарищи звали его.

Раненый впадал в безмятежное состояние, которое бывает, наверное, только тогда, когда вплотную подходишь к последней черте, целиком и безропотно отдаваясь накатившему ощущению полной, страшной свободы. Весь мир, казалось, медленно отворачивался, а ему совершенно не хотелось сопротивляться, даже попытаться удержать его. Он чувствовал себя лишним, отчужденным, стертым. Даже о самых близких, родных людях думать не было сил. Они, и это было ужасно, казались чужими и нереальными... Замолкло и внутреннее «я».

Согнутые и сгорбленные под грузом автоматов — своих и погибших друзей, — под тяжестью его тела и набухшей от крови куртки, изнуренные от преодоленных восьми-десяти километров горного ландшафта, товарищи тащили раненого... В военно-полевом госпитале врачи обнимали Армена как родного, а медсестры ни разу не отказали в воде, которую он просил чуть ли не каждые пять минут...

Жизнь, лучезарная и радостная, медленно, но властно возвращалась, наполняя собою каждую его клетку.

1993 год

День рождения

Бои, жестокие и кровопролитные, с каждым днем принимали все более упорный характер: села в Мардакертском районе Нагорного Карабаха порой в течение одних суток несколько раз переходили из рук в руки. Лето 92-го стало крайне тяжелым периодом, когда многое решал случай. Линия фронта была размыта, на передовой все перемешалось: противники, часто будучи не в силах или не имея достаточного времени для четкого определения, где свои, а где враг, попадали в окружения и напарывались на засады. Случалось даже — два своих же подразделения по неведению перестреливались час-другой... Но страшнее и, пожалуй, еще страннее и нелепее (впрочем, война сама по себе

— это переплетение парадоксов, крайностей и абсурда) было то, что противники не различались по своему обмундированию...

Готовясь к наступательной операции, вторая отдельная карабахская рота отправила группу разведчиков для изучения местности. Мовсес Шахмурадян, самый опытный из разведчиков, пошел впереди своих товарищей...

Он очнулся и тут же ощутил режущую боль под левой ключицей. «Жив», — скорее удивился, чем обрадовался он и попытался поднять голову, но не сумел. В ушах невыносимо звенело, тошнотворно-кровавый рассол во рту вызывал мучительную жажду. С трудом он повернул затекшую шею: пожухлая трава вокруг была залита кровью... Тут со всей яркостью представилась ему недавняя стычка. Азербайджанские разведчики появились из густого орешника неожиданно близко. Их было двое: в таких же защитного цвета «афганках», как он сам, и отличить от своих было практически невозможно. Опасаясь ошибки, он крикнул: «Пароль!» Те молча переглянулись и... спустили курки. Раненый, он успел прыгнуть за ближайший бугор и, превозмогая боль, открыть ответный огонь. Бой длился минут пять. За это время он успел расстрелять все патроны. Когда опустел последний из двух запасных магазинов, он пустил в ход гранаты — все до одной, потому что ему казалось, что через минуту все равно умрет от раны. С разрывом последней гранаты наступила мертвая тишина. Затем все вдруг исчезло...

Он достал из подсумка кусок желтоватой ваты и наложил его на свербящую рану. От кислого запаха крови мутился рассудок. «Если что, живым не сдамся», — подумал он, прижимая к груди еще не совсем остывший автомат. Немеющими пальцами нащупал во внутреннем кармане куртки то, что хранил как зеницу ока — последний патрон, последнюю надежду. Надежду на спасение, избавление от плена. Сейчас он, конечно, понимал, как трудно будет решиться на это...

Нечто похожее произошло неделю назад при возвращении с вылазки в тыл противника. Разведчиков засекли. Еле вырвавшись из окружения и чувствуя сзади горячее дыхание противника, они вынуждены были оставить раненого товарища — Меружана, которого долго тащили. Мрачное предчувствие заставило Мовсеса через минуту вернуться к раненому, спрятанному в овражке. Вернуться с тем, чтобы прикончить его: мысль о том, что его близкий друг может оказаться в руках у остервенелого врага, леденила ему сердце...

Но рука дрогнула.

— Я не смогу этого сделать, — протягивая Меружану гранату, сказал он. — Возьми, подорвешься вместе с ними, когда уже другого выхода не будет... Постарайся продержаться, я обязательно приду за тобой вместе с подкреплением...

Тогда обошлось: уже глубокой ночью полумертвого, озябшего бойца удалось вынести с поля боя и спасти. Теперь же то, что он предлагал с хладнокровием палача другу, ему, возможно, предстояло сделать по отношению к самому себе.

— Ничего, скоро наши наступят, — отправляя патрон в патронник, успокаивал он себя. — Тысячу раз был прав ты, старый капитан, вдалбливая нам в головы, что война больше всего не терпит легкомыслия: и зачем нужно было сунуться вперед, тем более в такой день?! А еще, бывалый наш ротный, только сейчас дошел до меня смысл твоего сравнения солдата на поле боя с охотником: «Одного зверя необходимо терпеливо караулить, поджидая в засаде, другого нужно решительно и неотступно преследовать, третьего же, наоборот, надо остерегаться, стараясь не попадаться ему на пути, иначе самому беды не миновать...»

Раненый прислушался, борясь с несколько унявшимся звоном в ушах. Кругом, вроде, было тихо, и лишь где-то в стороне, далеко за холмами, грохотала канонада. «Неужели я их укокошил, — гадал он. — А, может, выжидают, сволочи... Надо было сразу, как они — стрелять без лишних церемоний».

Он унесся мыслями в город: в сладком полузабытье мерещились мать, хлопочущая на веранде у печки с праздничным пирогом, и весело снующая рядом сестренка. «Мама, а Моси когда придет? Когда уже темно будет?» — на миг став очень серьезной, спрашивает она. Сегодня старшему брату исполнялось двадцать три, и он обещал отметить день рождения дома...

Вдруг кто-то воровато прикоснулся — он очнулся. Рядом никого не было, лишь на заросшей щеке трепетал сорванный ветром с кустарника сухой лист.

Мучительно хотелось пить. Стараясь не делать лишних движений, чтобы не причинить себе новой боли, он отстегнул от ремня фляжку и с жадностью вобрал в полость рта теплой, невкусной и неприятной воды. Не глотая ее — бойцы, как нехитрый урок, давно уже усвоили, что пить с открытой раной категорически нельзя — он долго полоскал рот, стремясь достать все его уголки, с наслаждением, стараясь не проронить и капли, растер намоченным пальцем губы и выдохнул воду обратно в скудную солдатскую емкость... Грозившая в любой миг обернуться ядом, обычная вода для него, беспомощного и неподвижного, имела теперь цену золота. «Вот когда человек в полной мере осознает органическую и чудовищную зависимость свою от внешней среды. Впрочем, если верить тому, что процентов на семьдесят он состоит из воды, все становится понятным. Человек — как некий резервуар, не стеклянный, железный или глиняный, а сплетенный густо из живых нервов, которые нуждаются в постоянном поливе. В противном случае они, ноя, умирают. Вот несправедливость: эта прозрачная жидкость, сама так любящая свободу, сделала человека навеки своим рабом!.. Эх, превратиться бы сейчас в лужу, просочиться в землю или же испариться медленно и тихо, без боли и страданий под лучами солнца!.. Уйти меж пальцев врага, когда тот, подло выждав, пока он полностью обессилит, наконец, приблизится. Увы...»

Вдруг неподалеку раздался отчетливый сухой треск. «Все... — подумал он, медленно нажимая на курок. — Живым не сдамся!..»

Свой день рождения Мовсес Шахмурадян отмечал в военном госпитале. Его подобрали подоспевшие карабахские разведчики.

Александр Тутов

Член организации участников боевых действий «Доблесть». Имеет награды. В начале 90-х был врачом в Сербии. Организовывал помощь солдатам-срочникам 1-й и 2-й Чеченских войн, в том числе, с доставкой груза в расположение частей.

ДОБРОВОЛЕЦ

(сокращенный вариант)

...Продвигаясь к району боевых действий, наш маленький отрядик из России все разрастался и разрастался, соединяясь с новыми группами. Благо, что почти все говорили по-русски.

Оружие выдали вскоре по прибытию. Точнее, почти сразу после пересечения границы. На видавшем виды грузовичке подъехал молодцеватый майор в форме ЮНА. На русском он говорил почти как мы. Звали прибывшего офицера Златан Вуйович. Как выяснилось, наш добровольческий отряд должен будет влиться в подразделение, которым командовал этот майор. То есть добавиться к «чете» — к роте по-русски. Вуйович поблагодарил нас за желание помочь сербскому народу. Вспомнил русских добровольцев и русскую армию, в 19-м веке спасавшую сербов от гнета турок. Потом началась раздача оружия. В основном, в грузовике были привезены АКМ, несколько американских винтовок М16, два пулемета — немецких, еще со Второй мировой войны, да с пяток гранатометов типа однозарядной «Мухи».

— Вот, Златан, познакомься! — сказал мой товарищ, русский доброволец Семен. — Это Алексей! Он врач. Надо бы его медицинскими инструментами и медикаментами обеспечить.

— Хорошо, что-нибудь подыщем, — кивнул командир. — Очень рад вас видеть в наших рядах! — добавил он, протягивая руку. — Медики нам нужны.

Вот с этого момента началась моя служба в сербской армии.

Будь я не медиком, вполне вероятно, что пришлось бы повидать побольше. Но первая стычка с усташами, то есть с хорватами, произошла буквально через день после получения нашим отрядом оружия.

Одетые в черное, хорватские гвардейцы появились на нескольких открытых джипах, стреляя из автоматов и установленных на турелях пулеметов. Похоже, они собирались налететь на сербскую деревушку, через которую только что проследовала наша маленькая колонна. Мы не ожидали нападения. Наши добровольцы ехали на пяти грузовиках и трех легковушках. Я не успел ни испугаться, ни даже толком понять, что происходит, когда Семен вдруг резко остановил машину и закричал:

— Духи! Усташи гребаные! Все из машины! — и первым, схватив автомат, распахнул дверцу и выскочил из машины. Я почти автоматически последовал за ним и застыл, озираясь.

Из грузовиков выскакивали наши бойцы в пятнистой форме, что-то кричали, стреляли из автоматов. Пальба разгоралась с каждой секундой.

— Ложись, дурной! Убьют! — это Семен, рванув меня за руку, заставил опомниться и укрыться за колесом машины. Почти вслед за этим пулеметная очередь прошила «Фиат». Посыпались стекла.

Честно признаюсь, что когда до меня дошло, что я мог погибнуть, то холодный пот выступил на лбу, а в горле пересохло. Я даже не вспомнил, что по врагу можно еще и стрелять, а не только прятаться от пуль. Хорватский отряд, получив достойный отпор, предпочел ретироваться. Джипы развернулись и принялись уходить, кроме одного — его экипаж полег весь до единого. У нас же, по счастью, убитых не оказалось. Семь раненых, причем двое достаточно серьезно — один в правое легкое, другому раздробило колено. Меня замутило, но, стараясь не подавать виду, я оказывал помощь: делал инъекции, шил раны, накладывал шины.

Как бы то ни было, а помощь раненым я оказал достаточно квалифицированно, хотя на сутки после этого у меня пропал аппетит и испортился сон, а в глазах стояли сведенные гримасой боли лица раненых. На мертвых хорватов я смотреть не пошел, в отличие от большинства бойцов, пожелавших увидеть тела первых убитых врагов. На передовой мне быть почти не пришлось. Я и еще несколько докторов-сербов занимались врачеванием ран в организованном в здании старой двухэтажной школы лазарете. В этом городке имелась и обычная больничка, но она крепко пострадала от артобстрела, поэтому в нашем импровизированном лазарете лечилось немало и гражданских лиц. Особенно тяжко я переносил, когда привозили раненых детей.

Свой последний день на этой войне я запомнил отчетливо. Проснувшись около восьми утра, я отправился на утренний обход. Я распорядился, чтобы медсестра принесла инструменты. Кажется, ее звали Рада. Та вышла. Через минуту вдруг близко-близко рвануло. Раскатилась трескучая дробь автоматов.

— Усташи!!! — запыхавшаяся медсестра влетела в палату, держа пустой лоток для инструментов.

Следом ворвался здоровенный, небритый хорватский гвардеец с АКМ на изготовку. Он прикладом ударил девушку между лопаток. Та, вскрикнув, упала.

— Стойте! — заговорил я сбивчиво, от страха и волнения у меня во рту пересохло, и язык еле ворочался. — Это госпиталь! Здесь раненые и больные! — потом попытался то же самое повторить по-английски.

Гвардеец злобно ощерился и ударил прикладом автомата меня по лицу. Инстинктивно отшатнувшись, я получил значительно меньше, чем предназначалось. Кровь все же заструилась из разбитого носа, и я осел на пол. Усташ передернул затвор автомата, выругался, а затем принялся палить по койкам с ранеными сербами. Люди закричали. И тут как будто что-то вспыхнуло внутри меня. Схватив медицинский лоток, выроненный Радой, я вдруг резко поднялся и нанес короткий рубящий удар. Лоток врезался в толстую шею не ожидавшего подобной прыти от эскулапа усташа. Он хэкнул, выронил автомат и завалился на прикроватную тумбочку. Я подобрал его автомат. Следующий усташ, ворвавшийся в палату, нарвался на автоматную очередь. Перепрыгнув через его тело, я выскочил в коридор. Там никого не было, но несколько человек поднимались по лестнице. Я, почти не целясь, нажал на спусковой крючок, кого-то из усташей зацепило, он заорал благим матом. Гвардейцы, решив не искушать судьбу, выскочили на улицу. Разгоряченный, я подскочил к окну и послал им вдогонку длинную очередь.

Потом что-то обрушилось мне на голову, и я потерял сознание. Как я узнал впоследствии, сербы успели вовремя, отогнав хорватские подразделения. Мне удалось отделаться лишь приличной контузией, да маленьким осколком зацепило правое колено. В общем — отвоевался доктор! Меня переправили в Россию... Так вот закончилась моя военная эпопея. Ни с кем из своих соратников я больше не встречался. Живы ли? Слишком много с тех пор воды утекло. Но я никогда не пожалею, что воевал вместе с сербами. Воевал не только за Сербию, но и за Россию.

Беседовал Иван Николаев

ВОЙНА НОРВЕЖСКОГО АЛБАНЦА

Мне встретился человек удивительной судьбы. По происхождению македонский албанец, всю свою жизнь он прожил в Норвегии, но побывал дважды на войне в Македонии. Попадал на войну во время своих кратковременных приездов на каникулы из Скандинавии. После этого служил в норвежских подразделениях в Афганистане, а сейчас учится на эксперта по межкультурным отношениям. Ответственность за достоверность информации лежит на собеседнике (он пожелал остаться анонимным) — проверить его рассказ практически невозможно.

— Расскажи, пожалуйста, немного о своей семье, о детстве.

— Родился я в 1985 в Македонии. По национальности албанец. Мне было 16 месяцев, когда моя семья переехала в Норвегию. Мы уехали из-за коммунизма в тогдашней Югославии. У нас есть дом там, в Македонии. И все наши родственники живут там же. Только я с родителями и братьями в Норвегии. И мы ездим в Македонию несколько раз в год: один раз зимой, раз на Пасху, раз летом. И у нас такой злой рок – приезжать в Македонию как раз, когда там что-то начинается.

Как известно, между албанцами, македонцами и сербами всегда были конфликты, которые обострились в 2001-2002 годах и переросли в войну в Македонии. И как раз в то время, когда эта война началась, я был вместе с семьей там в отпуске. В моем городе Липково албанцы живут вместе с сербами. И вдруг началась война, и мы уже никак не могли уехать, потому что македонская армия блокировала все дороги, и границы были закрыты, так что никто не мог ни выехать, ни въехать. Мы попробовали прорваться, но у нас не получилось. В то же время албанцы, Народно-Освободительная Армия (NLA), начали вести партизанскую войну. И тогда все, кто мог сражаться, взял в руки оружие. Поскольку мы все в моей семье были взрослые и здоровые мужчины, то это было обязанностью для нас – помочь вооруженной борьбе. Так я попал на войну, мне было тогда 16 лет. Сперва мы доставляли партизанам оружие, которое шло из Косова.

Этот конфликт начался из-за многолетнего гнета. Ведь мы составляли 30 процентов населения Македонии, но они обращались с нами, как с беженцами какими-то. Нам не давали возможности создать свой албанский университет, хотя мы были совсем не меньшинством в этой стране. Язык наш не признавали нигде, не то что официально. В полиции служили только македонцы, что было действительно ужасно, ведь они творили, что хотели. Всему этому мы и хотели положить конец. Но так как политическими методами добиться этого не получилось, то мы взялись за оружие. И поскольку тогда уже шла война в Косове, то это был самый подходящий момент начать и нам.

Мы были совсем как военные: со строевой, рапортами и т.п. У каждого было по два ствола, как минимум, и гранаты. Патронов много было. Тогда и началась настоящая война. Однажды мы взяли в плен в лесу тринадцать македонцев. Они отстали от основных сил, наверное. Мы их захватили, забрали себе их оружие.

— И что вы с ними сделали потом?

— Двое из них оказались наемниками – один с Украины, а второй из Румынии. Этих мы отвели в сторону, а остальных отправили к «голубым каскам». Тогда там служили американцы и французы. Они записали личные данные этих солдат и все, что положено, и отпустили по домам. А наемников мы отвели в отдельную комнату и допрашивали: зачем сюда приехали, как добрались, какие работы выполняли.

— Расскажи, что ты помнишь про этого украинского наемника.

— Приехал он заработать денег. Его звали Сергей. Он воевал в Чечне до этого, в Боснии, в Эфиопии как наемник. А тут мы его взяли в плен *(смеется)*. Было ему тогда лет тридцать девять. Его мы отправили к командирам нашей освободительной армии. Не знаю, что они там с ним сделали. Скорее всего, его отправили в тюрьму под конвоем американских КФОРовцев.

У нас была договоренность, что если мы приводим КФОРовцам пойманных нами наемников, то получаем от них разные материальные блага.

— Как долго ты пробыл в Македонии на войне? В какое время?

— Вся заваруха началась в феврале две тысячи первого, а в августе официально закончилась, но боестолкновения продолжились. А я пробыл там как раз с февраля по август. И еще раз в 2002-ом, когда там произошло кое-что другое, почти дошло до войны. Некоторые призывали к войне, потому что наши политические требования не были выполнены. И это снова произошло во время нашего пребывания в Македонии. Никто эту войну не поддержал, мы не воевали. Но македонцы напали на нас, и мы ответили. Но это все быстро закончилось, в течение недели всего – примчались натовцы и нас разняли. Но все могло быть очень серьезно. Тут в Норвегии не показывают, что происходит там. Самое страшное, что тут люди видят – авария на дороге и т.п. Но там смерть была обычным делом и принималась как данное.

— Твои родственники тоже прошли через всю войну и также воевали?

— Да, именно так. Мой брат был ранен. Меня тоже подстрелили. В щеку из пистолета.

— И как же это произошло?

— Понятия не имею. Шел бой. Я упал на спину, смотрю – кровь на моих руках. Пощупал себя, ранения не нашел нигде, вроде. Боли еще не было. И тут я почувствовал кровь во рту и сплюнул ей. Не понимал еще, откуда кровь. И тут рядом взрывается машина, и рядом со мной падает зеркало. Тут я, наконец, смог посмотреть на свое лицо – и вижу здоровую дырку во рту. Я просунул палец изнутри, и он вышел наружу. Думаю: «Твою мать!» И тогда я побежал с позиции. Вся челюсть разбита. Прибежал я в наш лазарет, а оперировали меня потом лазером американцы в своем госпитале. Тут они выяснили, что у меня норвежское гражданство, и мне пришлось рассказывать, что я вообще-то живу в Норвегии, но родом из этих мест, и что меня тут застала война, и все такое. И те отправили меня в Германию, а потом в Норвегию.

— Что ты думаешь об исламском факторе в албанских повстанческих отрядах на Балканах?

— Нет, у нас ничего подобного не было. Из Турции приезжали какие-то, которые хотели воевать во имя ислама, но их не пустили наши, потому что это была не религиозная война, это была национально-освободительная война, борьба за права человека. Некоторые считают, что мы хотели отделиться, создать свое государство, другие – что это была религиозная война. Но ничего подобного в действительности не было. Мы боролись только за свои права. Мы не собирались отделяться, нам незачем это. Албанцы составляют треть населения страны, что совсем не мало. Религия... Многие считают, что Балканские войны начались из-за религии. Но так думают те, кто вообще ничего не знает про Балканы. Потому что многие сотни лет люди жили в мире бок о бок: православные, католики и мусульмане. До тех пор, пока сербы не прониклись идеей экспансии на другие народы. Они все время хотели расширяться, поглощать других... Люди говорят: «Это все из-за мусульман». Вовсе нет. Главные враги на Балканах – это хорваты и сербы, католики и православные. Так что никакого религиозного фактора. Люди спокойнее всего жили как раз в Албании. Мой отец католик, мать – мусульманка. Так что у нас нет никаких проблем. А началось все, когда Сербия начала мечтать о «Велика Србија». Тогда войны и начались. Все время сербам надо было больше и больше чужих земель. Вот причина, по которой Хорватия и Босния вступили в войну с Сербией, и по той же причине воевали с ними и албанцы. Все время они хотели чужого, понимаешь ли!

— Если теперь снова полыхнет на Балканах, поедешь туда?

— Ты что, без вопросов! Это мой долг, я считаю. Ведь я принадлежу албанскому народу, так что для меня это просто необходимо – защищать мой народ. И если в Норвегии будет война, я, естественно, буду защищать ее.

— Помнишь ли ты первого противника, которого тебе удалось уничтожить?

— Многие, насмотревшись фильмов, думают: вот ты его видишь – и стреляешь. Но в бою все совсем не так. Враг находится на большой дистанции от тебя, и ты стреляешь туда, откуда появляется свет. Стреляешь в направлении возможного противника, как правило. С четырехсот-пятисот метров ты не можешь увидеть его лицо. А потом тебе приходит мысль: а может я убил чьего-то отца, брата, друга, соседа, сына, мужа, любимого и т.д. И тогда тебе башню сносит. Ты думаешь: возможно, я убил больше, чем одного человека таким образом. И может быть он не хотел творить того, что сотворил. Странные чувства, в общем.

Помню еще один случай. Тогда я выстрелил одному сербу в спину, когда он пытался убежать. И завалил. Он упал, закричал. И тут я вижу: его товарищи бегут к нему, чтобы оказать помощь. Я думаю: сейчас всех троих одной очередью и положу. И тут я услышал, что они говорят: «Держись, мы тебя вытащим. Потерпи, браток. Ты должен выжить, тебя дома дети ждут». Тогда я, конечно, уже не смог по ним выстрелить, дал им шанс.

Двое из них оказались наемниками — один с Украины, а второй из Румынии. Этих мы отвели в сторону, а остальных отправили к «голубым каскам».

— На какой дистанции это происходило, что ты слышал их разговор?

— Это была очень плотная война. Хотя мы не всегда врага видели, к счастью для него, но слышать могли практически каждое слово. Особенно хорошо слышишь, когда ты испуган.

— А с каким оружием ты воевал?

— В основном, югославский «Калашников», это был мой личный автомат. Но приходилось пользоваться и русским «калашом». А бывало, и с СВД работал. Кстати о русских. У нас был один русский. Я не знаю, платили ли ему наши командиры, или он был просто связным, но суть не в этом. Он помогал нам со всякими стратегическими штуками. Он декодировал РПГшки, например.

— Расскажи об этом русском поподробнее. Был ли он в твоем отряде?

— Нет, он работал при штабе. Особый мужик был какой-то. У командиров были какие-то дела с ним, но я не знаю особых подробностей. Знаю, что его называли «Доктор». Ему было в районе пятидесяти-шестидесяти лет. Он знал абсолютно все о подрывном деле, и вообще был специалистом экстра-класса по военному делу как таковому. Вроде, из Мурманска он. Поэтому я с ним заговорил как-то раз, потому что Мурманск, Норвегия, все дела... Говорил мне, что прожил в Москве большую часть жизни. Думаю, он был старый КГБшник, но точно офицер в прошлом. Он был очень близок главным командиром Албанской Освободительной Армии.

— А откуда шли деньги вам, ты знаешь?

— Конечно же от албанской диаспоры за рубежом. Они слали деньги постоянно. Банковский счет Армии был все время полон денег. Нам хватало денег абсолютно на все. У нас же границы с Косовом на севере, а на западе с Албанией. Вот из Косова шло мясо. Нам присылали разнообразную еду, оружие столько, сколько было нужно, деньги. Мы покупали у русских оружие. Абсолютно новое, в масле еще. Его привозили в фурах. Представляешь, фура полная нового оружия! Вообще-то это оружие должны были продать македонскому легиону «Лава» (Львы), но у них просто не оказалось денег на тот момент, и фуры поехали обратно. Наши командиры об этом узнали, а Доктор, оказалось, был знаком с русским, сопровождавшим груз. Доктор кому-то там позвонил, и три грузовика приехали к нам. Мы им заплатили наличными и выгрузили все оружие. На фурах были поддельные немецкие номера. Но все в колонне были русскими. Какое там было оружие! Новехонькое. И новое снаряжение, новые прицелы на снайперские винтовки, бронебойные пули и чего там только не было! Это была большая удача для нас. После того, как мы получили эту партию оружия, мы взяли и удерживали шестнадцать населенных пунктов. Колонна эта, должно быть, неплохо отстегивала денег на границах в Венгрии, Сербии и т.д.

— Что ты думаешь о миротворцах ООН?

— Ну, наблюдали они за обстановкой, наблюдатели же. Американцы в особенности делали очень славную работу. Так я считаю. А македонцы считают, что французы были хорошими. Я могу объяснить, почему так. К примеру, нам нужно на границу с Косовом, чтобы забрать партию оружия. Если там стояли французы, мы были очень осторожны, чтобы они нас не заметили, потому что они наши подобные действия пресекали. А если американцы – проезжай, друг, помощь не нужна? У моего командира был пистолет, подаренный американским офицером. Так что мы их очень любили. И любим.

— А сражался ты под красным флагом с орлом?

— Да. Тот же флаг, под которым сражался наш народ в Косове и в Албании. До 1912 года границы Албании включали сегодняшнюю Албанию, часть северной Греции, часть Черногории, двадцать процентов Македонии и Косово целиком. Вот какой была историческая Албания. Но после двенадцатого года, Балканской и Первой мировой войн Лондонский трактат разделил Косово, отдав его Сербии. Только тогда Сербия получила Косово. Черногория стала независимой, Греция забрала свой кусок, а Македония была создана. Ведь до этого не было никакой Македонии.

— А с тобой вместе сражались только македонские албанцы? С кем ты вместе воевал?

— Я встречал там американцев. Американских американцев, не албанцев. Обычные белые американцы, наши друзья. Они прибыли добровольцами из США вместе с албанцами – «for democracy!» Были ребята из Голландии – опять-таки, не албанцы. Двое добровольцев из Италии. Один из них погиб, Франческо. Один был профессиональный солдат из Ирландии. Воевал в ИРА раньше. Вот он приехал наемником. Эксперт по всем видам войны, оружия, всего. А у македонцев были наемники из Румынии, Украины, Болгарии.

— Расскажи про свои операции.

— Ну, мы ходили забирать партии оружия с косовской границы, оно оттуда шло нам постоянно, и с албанской границы тоже. Нас обстреливали, и мы отвечали огнем. Однажды мы набрели на большой дом. Его хозяин жил в Германии. Это было уже близко к окончанию войны. Мы пробыли в этом доме четыре дня, и вообще тогда забыли, что мы на войне. Мы только и делали, что ели и спорили, кто будет накрывать на стол сегодня. Ты на войне, а думаешь, что уже наступил мир. И тут к нам пришел новый рекрут. Он был из Скопья. Ему не терпелось побывать на войне. Мы там расслаблялись, а он все время звал нас воевать. И вот раз, мы только поднялись с постелей, и как были, в семейниках, ели, стояли и курили. Этот парниша говорит: «Пойду дежурить!» Ну, мы думаем, пускай себе идет. И вдруг он забегает обратно в дом, не может отдышаться. Мы спрашиваем, мол, что такое. Он говорит: «Там гранатами стреляют!» Мы ему: «Ты что, придурок. Мы тут четыре дня, и никто по нам не стрелял». Он говорит: «Да клянусь я!» – и тут мы слышим разрыв. Мы выбегаем на улицу прямо в одних трусах и сапогах с бананами в руках, забыв все снаряжение в доме. И тут разрывается мина прямо напротив нас, метрах в двадцати. Мы – обратно в дом, натягиваем на себя, что попало, хватаем оружие и бежим к лесу. И тут мы видим целую цепь сербов, и они начинают стрелять по нам. На наше счастье, лес был всего в десяти метрах от дома, и мы укрылись за деревьями и камнями, и только слышали шорох пуль. Тогда мы отошли к поселку, а через несколько часов увидели, как взорвался этот дом.

Один из них погиб, Франческо. Один был профессиональный солдат из Ирландии. Воевал в ИРА раньше. Вот он приехал наемником. Эксперт по всем видам войны, оружия, всего...

А этот новобранец из Скопья был убит в тот же день. Мы сидели в будке дежурного на плотине. И парень этот курил постоянно. Мы ему говорим: «Не кури ночью открыто, снайпер тебя на раз засечет», а он на это: «Я курю, когда хочу, у Бога в книгах записано, когда я умру, и это явно не сегодня» и т.п. «Ну, добро, раз так», – сказали мы ему. Он прикуривает, затягивается, и тут разлетается оконное стекло. Я говорю: «Кто окно разбил?», а парень так же стоит, как и стоял, с открытыми глазами, и вдруг валится на спину. Вся башка размозженная. Так что, курить вредно!

— По каким причинам эта война прекратилась?

— Было заключено перемирие. Албанцы получили доступ в армию, в полицию, во все официальные организации. Язык признавался официальным. Так что сегодня там все спокойно, все говорят на своих языках и живут мирно бок о бок. Македония говорит «да» независимости Косова.

— Значит, там больше не будет войны?

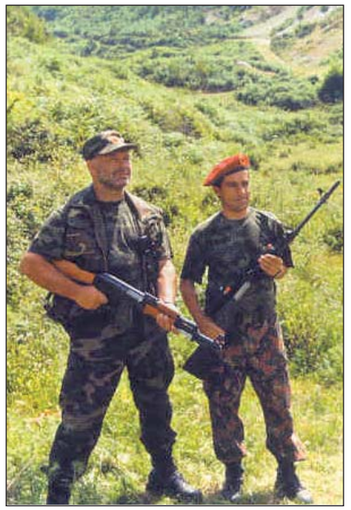
— Нет, сейчас нет смысла что-то начинать. У нас нет никаких претензий. Нам разрешили пользоваться нашим флагом.

— Какое твое мнение по Косову?

— Ну, я уверен, они провозгласят скоро независимость (*беседа имела место в январе 2008* – **И.Н.**). Может, уже в этом месяце или в следующем. И если это произойдет, я уверен, что сербы на что-нибудь отважатся. Сперва. Но это долго не продлится, потому что там НАТО бдит. И никто уже сербов не боится. Мы знаем, как они ведут дела.

— А что, смог бы ты жить мирно по соседству с сербами?

— Отчего же нет... Если обратиться к истории, то научно доказано, документировано, что эти земли изначально принадлежали албанцам, мы были первыми жителями Балкан. Но времена изменились, пришли другие народы. Вы пришли, так живите с нами в мире... Войны и конфликты на Балканах будут продолжаться до тех пор, пока Сербия будет иметь менталитет захватчика, пока они буду желать чужих земель. Они всегда мечтали о Велика Србија. С начала Первой мировой войны, которую начали сербы, один из той группы националистов, которые начали эту войну, стал сербским министром внутренних дел. И вот что он сделал – сербская стратегия – он отправил множество сербских колонистов в Македонию, в Косово и в Черногорию, чтобы однажды заявить: «Смотрите, у нас есть право на эти земли, это наши земли». Вот какой у него был план. И в Боснию с Хорватией также засылал сербов, чтобы иметь потом основания отобрать эти земли. Простому человеку может показаться, что югославские войны основаны на религии и этнических взаимоотношениях. Но это неправда. Понимаешь, они борются против албанцев как против мусульман. Но мы не мусульмане, мы исповедуем три разных религии: католичество, православие и ислам. И ничего не связано с религией! Вот с босняками да, проблема. Единственное, что их отличает от сербов – религия, вот они на этом и отыгрываются. Поэтому они и говорят: «Я не серб, я мусульманин!» Но мусульмане могут быть и из Норвегии, и из России, и из Конго... Вот поэтому у босняков нет настоящей национальной идентичности.



— Почему ты сейчас решил учиться на международных отношениях?

— Понимаешь, я сам албанец из Македонии, проживающий в Норвегии. Это уже три разных культуры. Плюс к тому, я знаю английский, французский и много чего еще. Я знаю тонкости по отношению к мусульманам, к христианам. То есть, если я буду писать письмо сербу, я буду знать, что мне следует писать, а чего не следует.

— Скажи, что тебе дала война?

— Я люблю жизнь намного сильнее. Потому что, когда ты живешь в богатой, спокойной стране, ты не задумываешься об этом. Но как только ты осознаешь, как ты любишь жизнь, все становится прекрасным. Сам воздух пахнет невообразимо прекрасно. А тот, кто уже не может дышать, очень скучает по воздуху, но он тебе этого уже не расскажет. Это как если ты узнаешь, что у тебя рак, и ты умрешь завтра. Внезапно оказывается, что вода из-под крана потрясающе вкусная; что дышать, оказывается, — это прекрасно; ты ощущаешь, как прекрасен сон; ты любишь все, что живой человек может делать. И как только ты все это осознаешь, это значит, что ты грустишь по войне. Неважно, как страшно и ужасно там, на войне – если ты побывал там, ты уже не сможешь от нее уйти. В любом случае ты будешь скучать по Ней. Скучать – наверное, слишком крутое слово, но... У всех война ассоциируется с чем-то ужасным. Но у Нее есть и хорошая сторона. Помощь товарищу в трудную минуту, спасение ребенка – сколько радости это приносит! Выиграть войну, поднять свой флаг над взятой высотой, сказать себе «я сделал это», изменить ход истории своими руками – вот что замечательно. Вот от чего ты будешь зависимым после войны. Вот по чему можно скучать. На войне ты учишься отличать людей – кто хороший, на кого можно положиться, а на кого нельзя. Ты видишь одного, который ест сам и делится с другими. Другого, который боится. До войны он был, может быть, большим бандитом, а тут он забился в подвал и боится. Все показывают свое истинное лицо на войне.

— О чем ты думал во время боя?

— Во время боя у тебя нет времени думать. Ты думаешь до боя и после. Я думал: вот, я воюю здесь, и я буду знаменит, меня будут уважать, когда я вернусь обратно; если мы победим, ситуация для моего народа улучшится, все станут жить лучше. Через несколько лет мы обернемся и скажем: «Посмотрите, каких успехов мы добились!» Понимаешь, ты думаешь о тех вещах, которые дают тебе мотивацию. Ничего хорошего в окопном сидении нету. Поэтому тебе нужно все время заниматься самомотивацией.

— В завершение спрошу тебя: что ты лично думаешь о сербах?

— Я ничего особенного не думаю. Но я разделяю сербский народ и сербскую политику. Это две совершенно разные вещи. Ведь у каждого народа есть своя пропагандистская машина, свои заскоки. И мы не совсем чисты в этом. Но я знаю, что пропаганда, а что – правда. Вот серб из Северной Сербии приехал сюда, ходит со мной в институт – за что я должен его ненавидеть? Что он мне сделал? Очень примитивно рассуждать категориями ненависти. Ведь мы, в конце концов, все люди. И я даже думаю, что находись мы на месте сербов, может быть, мы вели бы себя так же. Большая власть, данная маленькому народу, развращает. Так было и в Албании при коммунизме. И в независимости от того, хотим мы этого или нет, они останутся нашими соседями. И если мы не перестанем воевать, спокойствие не наступит никогда на нашей земле. Посмотри на Францию и Германию. Они были врагами намного более страшными, чем мы с сербами. А теперь – сотрудничают рука об руку и жить друг без друга не могут! А ведь перебили миллионы человек с каждой стороны... А на Балканах какие-то тысячи, для сравнения. В общем, в какой-то момент все устаканится. И люди будут жить в мире, каждый при своем мнении.

Неважно, как страшно и ужасно там, на войне – если ты побывал там, ты уже не сможешь от нее уйти. В любом случае ты будешь скучать по Ней.

Николай Колесник

http://artofwar.ru/k/kolesnik_n_n/

Старший лейтенант. Участвовал: Вьетнам

МЫ ЗАЩИЩАЛИ ХАНОЙ

Беседовал Урал Сулейманов

Николай Николаевич Колесник — Председатель Президиума Межрегиональной общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме.

А тогда, в середине 60-х годов прошлого века – сержант Войск противовоздушной обороны (ПВО) Советской армии. С июля 1965 по март 1966 он вместе с группой своих боевых товарищей участвовал в отражении массированных американских авианалетов на Северный Вьетнам

— Как Вы попали в армию и почему именно ПВО? Где готовили специалистов для ПВО в середине 60-х годов прошлого века?

— В армию попал, как и абсолютное большинство советских парней моего возраста, по призыву. Правда, у меня была отсрочка на год по семейным обстоятельствам, о которой я сам и не просил. В результате, был направлен в учебное подразделение на девять месяцев, а потом распределен в один из полков ПВО, несших боевое дежурство под Москвой.

— Когда и как Вы узнали, что направляетесь во Вьетнам? Это был «добровольно-принудительный» процесс или нет? С чем вообще связано присутствие солдат-срочников, и каков был их процент среди направленных из СССР военных специалистов?

— Интересно, что первым об этом нам сказал старшина батареи. Он передал приказ о вызове в полк и сообщил, что мы, видимо, поедем во Вьетнам. Так работал безотказный солдатский телеграф в то время...

Как я понял уже намного позднее из разговоров с нашим командиром дивизиона, фронтовиком, гвардии майором Иваном Константиновичем Проскуриным, ему поручили отобрать солдат и сержантов срочной службы для этой командировки. А кто ж из командиров лучших отдаст куда-то? Вот он и решил отобрать в первую очередь «своих». Командир полка полковник Побожаков Антон Степанович объявил, что нам предлагается поехать в командировку в страну с «жарким тропическим климатом». Согласились почти все, а те, кто ехать по какой-то причине не хотел, в результате и не поехали. Например, на месячных сборах в Митине перед командировкой несколько человек решили демонстративно сходить в «самоволку». В результате, они были немедленно отчислены из команды и отправлены обратно в свои части.

Учитель и ученики. Май 1965 г.

Нашей задачей было обучение вьетнамских боевых расчетов, поэтому срочников в направляемых во Вьетнам первых группах советских военных специалистов ПВО было примерно 70%, остальные – офицеры. Такое же соотношение было и в штате советских боевых подразделений Войск ПВО мирного времени. Например, расчет пусковой установки С-75 состоял только из солдат и сержантов срочной службы.

Уже там, во Вьетнаме, был период, когда в стартовой батарее нашего дивизиона не было ни одного советского офицера. Ничего, справлялись наши сержанты и солдаты... Позже (после 1967 г.) это соотношение немного изменилось – офицеров стало более 60%.

— Как добирались до места, и что больше всего поразило сержанта Колесника в первую очередь? Где именно пришлось воевать?

— До Ханоя добирались самолетом, с посадками в Иркутске и Пекине, а также с незапланированной посадкой в китайском городе Чанша. В это время на Ханой был массированный налет, и нам пришлось пережидать его в Китае. Поражало все: природа, люди, климат и первая бомбежка, под которой пришлось побывать, и сильная жара...

А воевать пришлось во многих местах. Но, в основном, первые зенитно-ракетные дивизионы прикрывали Ханой, порт Хайфон и крупные промышленные и транспортные узлы. Места дислокации менялись после каждого боя.

— Когда Вы поняли, что это будут реальные боевые действия?

— Нас ведь в Москве ориентировали на то, что будем просто обучать и готовить вьетнамские расчеты. О том, что обучать придется прямо на боевых позициях, известно стало лишь там, во Вьетнаме. Ну, это понятно. Военное положение было очень сложным: ежедневные непрекращающиеся налеты, и не было у наших вьетнамских товарищей ни времени, ни возможностей, чтобы откладывать вывод зенитно-ракетных комплексов на боевые позиции. Ведь массированные авианалеты и бомбардировки американской авиации наносили очень большой урон стране. Гибли люди, целые города оказывались в руинах. Так что дальнейшее обучение, боевое слаживание и стажировку вьетнамских расчетов пришлось проводить прямо на боевых позициях.

— Как оцениваете противника, его подготовку и действия, разведку и т.д.? Были ли случаи бомбежек позиций ракет, попытки диверсионных действий или захвата?

— Противника оцениваю как опытного и хорошо подготовленного. Американцы быстро меняли тактику, активно стали применять всевозможные помехи, ракеты «Шрайк». Это была постоянная борьба, с оперативным реагированием на каждый шаг другой стороны.

Случаи бомбежек были, но наш 61 дивизион под бомбежки не попадал: обычно сразу после пуска ракет мы успевали уйти с позиции, в несколько раз перекрывая норматив сворачивания дивизиона в походное положение. Иначе было нельзя – по выявленным позициям ракетных установок американцы тут же наносили ракетно-бомбовые удары.

А вот попыток захвата нашей техники или военнослужащих не было. Попытка диверсии или, скорее, саботажа была... В одном из дивизионов по команде «Пуск» ракеты не пошли, начали выяснять причину, оказалось, разъемы стартового двигателя у ракет расстыкованы. Ну, армейская контрразведка у вьетнамцев работала как надо, быстро выявила, кто это сделал. Больше таких случаев не было.

— Доводилось ли Вам лично видеть пленных летчиков сбитых самолетов или дело ограничивалось только слухами?

— Лично не видел ни разу. Да наше присутствие во Вьетнаме и не афишировалось. Достаточно сказать, что всю командировку мы проходили в «гражданке», безо всякого личного оружия и даже без каких-либо документов, которые хранились в нашем посольстве. Поэтому никто нашим военным сбитых американских летчиков не показывал. Да и наших специалистов американцам – тоже. Зачем? Особенности изменения тактики и боевого применения авиации противника мы видели сами, остальное до нас доводили вьетнамцы через наших офицеров. Участвуя в боях, мы и сами учились, на себе ощущая все новые контрмеры авиации США.

— Участвовали ли в налетах южновьетнамские летчики?

— Мы знали о том, что на стороне США воюют австралийцы, южнокорейцы, тайцы и т.д. Но про пилотов из Южного Вьетнама, участвовавших в авианалетах на Северный

Вьетнам, я не слышал. Во всяком случае, среди сбитых нами летчиков были только американцы, насколько мне известно.

— Быт рядовых советских солдат – чем он отличался от солдат Северного Вьетнама или советских офицеров? Самые большие сложности для солдата (климат, болезни, оторванность от дома и пр.)?

— Все мы находились в одинаковых условиях и переносили те же лишения и трудности. Наш быт практически ничем не отличался. Офицеры жили в другом помещении, но в точно таком же, будь то кирпичное строение, хижина из бамбука или обычная походная палатка, иногда, почему-то, в зимнем исполнении. Питались мы из одного котла. Самые большие трудности – невыносимая жара и высокая влажность. У некоторых наших людей просто почки не выдерживали, хотя раньше медицина их признавала вполне здоровыми.

И еще, самое тяжелое – это заправка ракет окислителем. Представьте: в условиях 35-градусной жары нужно надеть на себя защитный костюм из шинельного сукна, обшитого спереди прорезиненной тканью, высокие резиновые сапоги, противогаз и прорезиненный капюшон, резиновые перчатки. И в этом «скафандре» минимум 40 минут надо крутить вентили, ключи, работать со шлангами. А окислитель – очень токсичный. Когда заканчиваешь работу и снимаешь костюм – почти килограмм собственного веса потерян. И все тело чешется, как будто ошпарили крапивой.

— В ряде источников написано, что Вы исполняли обязанности командира стартового взвода, т.е. заменяли в боях офицера. С чем это связано?

— Просто не хватало наших специалистов. Мы ведь сокращенными расчетами мирного времени обеспечивали развертывание сначала Первого, а потом – и Третьего вьетнамских зенитно-ракетных полков. Вот и пришлось нам каждому взять на себя обучение нескольких вьетнамских расчетов. Конечно, вьетнамским зенитчикам поначалу тоже было очень трудно.

Да и чисто физически им сложно было, ведь на каждый расчет в боевых условиях ложатся очень серьезные нагрузки. Они вдвоем повисали на одном рычаге там, где мы справлялись по одному. И ростом они были поменьше, и кормили их не очень сытно — война.

Поэтому приходилось им помогать и одновременно язык осваивать для успешной работы с расчетами, особенно в боевой обстановке. Ну, не весь, конечно, но основные команды и термины я освоил быстро. А вьетнамцы, кстати, тоже стали понимать основные команды по-русски.

— Как Вы тогда оценивали результативность советской военной техники вообще и ПВО в частности? Ведь не секрет, что все усилия зенитчиков приводили лишь к небольшим потерям авиации американцев, практиковавших массированные налеты десятками и даже сотнями самолетов?

— Как самую эффективную технику ПВО в мире на тот момент. И это не просто слова. Я ведь видел результаты своими глазами, а не понаслышке.

Срочников в направляемых во Вьетнам первых группах советских военных специалистов ПВО было примерно 70%, остальные – офицеры.

До сих пор многие не понимают реальной роли ПВО в окончании той войны. Когда говоришь, что если бы мы поставили туда комплексы С-125 пораньше, то и война бы тоже закончилась быстрее, люди удивляются. А ведь до нашего приезда американские бомбардировщики шли на высоте 3-5 тысяч метров и снижались лишь при подходе к цели, то есть были малоуязвимыми для зенитной артиллерии ВНА. После первого шока от потерь вследствие применения наших С-75 они тут же прижались к земле и стали летать на высоте от 50 до 200 метров. Но тут они стали более уязвимыми для зенитных пушек и пулеметов, особенно – спаренных и счетверенных ЗПУ, эффективность которых повысилась в разы.

Что касается небольших потерь американцев, то вначале они, действительно, были

небольшими, потому что зенитных ракетных дивизионов было мало, да и ракет не хватало. Но постепенно росло и число пусковых установок, и число обученных солдат и офицеров ЗРВ ПВО ВНА. Росли и потери американских ВВС. А тактику мы фактически их заставили поменять и первыми несколькими дивизионами.

Да, американские военные стремились подавить сопротивление, «вбомбить Вьетнам обратно в каменный век». Потому

Надо отметить, что после первых побед наших расчетов, американские военные летчики стали отказываться летать бомбить территорию Северного Вьетнама.

и бомбили регулярно и «тропу Хо Ши Мина», и города Северного Вьетнама. Но одно дело лететь высоко над беззащитными городами, а другое – понимать, что из каждого вылета кто-то может не вернуться. Надо отметить, что после первых побед наших расчетов, американские военные летчики стали отказываться летать бомбить территорию Северного Вьетнама. Их командованию пришлось принимать срочные меры, в том числе, повышать выплаты за каждый боевой вылет, производить замену летного состава авианосцев.

— Боевой счет Вашего дивизиона и, если можно, подробное описание боевых эпизодов. Как вообще велся подсчет сбитых самолетов и их «раздел» между ракетчиками и ствольной артиллерией вьетнамских ПВО?

— «Мои» дивизионы Первого и Третьего вьетнамских зенитно-ракетных полков ПВО в тех боях, в которых я участвовал, сбили 15 самолетов противника. Подсчет велся своеобразно, но мы результаты своей работы почти всегда видели визуально. Наиболее запомнившийся — конечно, самый первый бой.

Надо отметить, что самыми первыми открыли боевой счет не мы, а дивизионы под командованием майоров Бориса Можаева и Федора Ильиных (их дублерами были капитаны Нгуен Ван Тхань и Нгуен Ван Нинь). Они сбили 3 американских истребителя-бомбардировщика под Ханоем 24 июля 1965 года. Наш первый бой состоялся поздно ночью 11 августа 1965 года у деревни Зашон в провинции Ниньбинь. Запомнился тем, что на позиции, расположенной в 8 км от города Фули, мы за день 18 (!) раз занимали места по боевой тревоге. И все – безрезультатно. Вымотались страшно. И в результате, спросонья вьетнамский расчет никак не мог найти выход из палатки, когда нас поднял очередной сигнал тревоги. Но мы все же успели снять чехол с пусковой ракеты и своими глазами наблюдали взрыв подбитых самолетов. По итогам боя выяснилось, что тремя ракетами было сбито четыре самолета противника.

Это был первый бой и для нашего 61-го дивизиона зенитно-ракетных войск ПВО ВНА, который потом первым получил звание «Героический».

— За что Вы были награждены столь высоким орденом (как известно, далеко не каждый офицер был награжден орденом Боевого Красного Знамени)? Какие еще награды у Вас были?

Я увольнялся в запас с орденом Боевого Красного Знамени, вьетнамской медалью Дружбы и медалью «20 лет победы в Великой Отечественной войне». А награжден был, по всей видимости, по совокупности боев и за высокие результаты стартовых батарей Первого и Третьего ЗРП, которые мы обучили боевой работе. Вообще-то, с награждением логику иногда понять трудно: вот мой командир дивизиона, уже давно ушедший от нас, Иван Константинович Проскурин был награжден лишь орденом Красной Звезды. Ну и досрочно получил очередное воинское звание – подполковник. По возвращении из Вьетнама он стал командиром нашего полка. Но кроме меня из солдат нашей группы орденом Боевого Красного Знамени были награждены младший сержант Анатолий Бондаренко и сержант Арсений Дуркин. Не говоря уже о шести офицерах. Остальные были награждены орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Н. Колесник, В. Ильин, Р. Ахунов, Ханой, 01.1966 г.

— Много написано о том, что, несмотря на масштабные поставки техники и вооружений, советским военным было очень сложно работать. Сильны были у вьетнамцев прокитайские настроения, сложно было добывать информацию и образцы трофейной техники и оружия. Насколько были верны такие утверждения?

— Я такого не заметил. Правда, были у некоторых вьетнамцев такие настроения поначалу: мол, китайские товарищи поставляют нам новейшие МиГ-17, а советские – устаревшие ЗРК С-75. У нас даже один переводчик-вьетнамец перед первым боем позволил себе выразить сомнение в том, что наши ракеты попадут в цель. А после того, как мы тремя ракетами сбили четыре самолета, его спросили: «Ну как, хорошие ракеты привезли льенсо (советские)?». Он виновато ответил, что был неправ. На этом все разговоры закончились. Хотел бы только подчеркнуть, что в 1965-66 гг. советско-китайские отношения еще не обострились до такой степени, как это было позднее. Мы и летели во Вьетнам, и возвращались обратно через Китай. И принимали нас там хорошо.

— Сколько всего советских военных специалистов (СВС) прошло через Вьетнам? Принимали ли участие в оказании помощи Вьетнамской Народной Армии представители других родов и видов войск? У Вас, как председателя общественной организации ветеранов войны во Вьетнаме, должны быть примерные цифры.

— Да, принимали. Кроме специалистов ЗРВ в составе Группы советских военных специалистов во Вьетнаме были специалисты РТВ (Радиотехнические войска), артиллеристы, связисты, танкисты, автомобилисты, медики, специалисты радиоразведки, военно-научная и военно-промышленная группа, экипажи разведывательных кораблей Тихоокеанского флота. Была небольшая группа летчиков-инструкторов МиГ-21. Их общая численность небольшая, т.к. 90% из числа Группы СВС во Вьетнаме составляли специалисты ПВО. Всего за годы войны через Вьетнам прошло примерно 11 тыс. советских военнослужащих: 6,5 тыс. офицеров и около 4,5 тыс. солдат и сержантов срочной службы.

— Пресса, с легкой руки автора кинобоевика «Рембо», успешно пересидевшего Вьетнамскую войну в Европе, переполнена фантазиями о сотнях и тысячах советских десантников и спецназовцев, которыми кишели джунгли. На профильных форумах, ссылаясь на какие-то «источники», утверждают даже, что в Южном Вьетнаме активно воевали советские десантники и морские пехотинцы срочной службы. Как Вы можете прокомментировать это?

— «Рембо» — это сказка с отчетливым привкусом пропаганды и желанием «переиграть» на экране проигранную в реальной жизни войну. Неудивительно, что ее снял фантазер, сам уклонявшийся от прямого участия в войне. Можно долго перечислять ляпы этого «блокбастера», но вот лишь несколько фактов:

а) нашей организации ветеранов войны во Вьетнаме такие случаи участия советских десантников и морских пехотинцев в боевых действиях во Вьетнаме неизвестны. А мы, поверьте, уже очень много лет работаем над изучением вопроса всесторонней советской военной помощи Вьетнаму в годы войны. Изучение захваченных в боях вьетнамцами или полученных со сбитых самолетов образцов техники и снаряжения, нового оружия – этим занималась техническая разведка (военно-научная группа). Свои задачи решали и специалисты радиоразведки. В направлении во вьетнамские джунгли каких-то советских спецгрупп не было никакой необходимости.

б) чему наши «крутые» специалисты могли научить вьетнамцев? Как воевать в джунглях? Так они к тому времени уже 25 лет в них воевали непрерывно. С японцами, французами и американцами по очереди. Или рукопашному бою? Так они свои боевые искусства развивали сотни лет.

в) агентурная работа разведки без всякого грохота и шума давала очень эффективную информацию. Их бомбардировщики еще только взлетали с базы на острове Гуам, а вьетнамскому военному командованию и нашим командирам уже было известно, сколько их, куда и каким курсом направляются. И вьетнамские Войска ПВО готовились к встрече «дорогих гостей».

г) учебные центры были. И в СССР, и в Северном Вьетнаме. Там, разумеется, были военные инструкторы из СССР. Помогали осваивать технику и современное вооружение. Но не скакали сотнями по джунглям в непонятной форме с советскими погонами и с «Калашниковыми» наперевес. У нас, зенитчиков, напомню, была только гражданская одежда. И даже офицеры не имели личного оружия. А ведь мы находились на территории Северного Вьетнама, независимого государства, и прибыли по просьбе его законного правительства.

— Как оцениваете солдат и офицеров Северного Вьетнама?

— Очень высоко. Несмотря на откровенно недостаточное питание, плохое снабжение, разрушенную многочисленными войнами экономику, солдаты и офицеры Вьетнамской Народной Армии были настоящими патриотами и знали, за что воюют. Боевой дух и стойкость вьетнамского солдата были высочайшими. Учились самоотверженно и воевали так же. Горжусь, что мы могли им помочь в борьбе за независимость и объединение их родины.

Кстати, и награждали их вовсе «не густо» в то время. Война только разгоралась, побед было немного, ну и наград – соответственно. Но воевали они не за ордена, а за свободу и независимость Вьетнама.

— Отношение рядовых вьетнамцев — что Вам запомнилось больше всего?

— Когда мы в первом бою сбили тремя ракетами четыре самолета, нас ночью, по-моему, пришло поздравить чуть ли не полпровинции. Относились к нам очень хорошо. И старики, и дети – все. Хотя, один раз нас, троих «подозрительных» европейцев в штатском, недалеко от стартовой позиции захватили в плен местные ополченцы с пиками. Оказывается, ловили катапультировавшийся экипаж сбитого американского самолета. Но стоило сказать, что мы «льенсо» (советские) – и обстановка сразу разрядилась. Помогло и то, что мы шли втроем. Ведь экипаж американского самолета состоял из двух летчиков. В общем, связались с ближайшим постом вьетнамской армии и все выяснили.

Запомнились, конечно, больше всего, солдаты тех расчетов, с которыми вместе несли службу и воевали. Ну, и вьетнамские девушки, что естественно для молодого сержанта. Хотя вольностей никаких себе никто не позволял. Да и не до того было.

— По окончании командировки на войну что стало с Вами и Вашими товарищами – «срочниками». Получили ли Вы отпуска, досрочную демобилизацию или просто отправились дослуживать в свои части?

— Часть моих товарищей из Вьетнама уехали раньше, в связи с тем, что подходил к концу срок их трехлетней срочной службы. Я же, после возвращения в Союз, прежде всего, оказался в госпитале из-за проблем со здоровьем. Еще во Вьетнаме я вместе с несколькими товарищами попал в госпиталь на 17 суток с диагнозом «амеб-

ная дизентерия». В результате, по возвращении из госпиталя, при росте в 177 см., я весил всего 49 кг... Еще до поездки во Вьетнам мне был объявлен отпуск на 10 суток, да еще за эту командировку всем нам дали по 20 суток отпуска, поэтому я поехал домой, в свою Горловку, на целых 30 суток. Но отгулять отпуск полностью мне не удалось – телеграммой вызвали в часть в связи с избранием делегатом XV съезда комсомола. Дослужил я, как положено, до конца своего срока службы.

— Как обеспечивался режим секретности? В частности, многие ли солдаты и сержанты были награждены? Разрешено ли Вам было носить полученные награды, как и где их вручали, чем объясняли их наличие непосвященным? Хотя бы родители знали, где и как заработаны эти боевые награды?

— Каких-то особых мер секретности именно в связи с награждениями не было. Награждены были все военнослужащие нашей группы: и солдаты, и офицеры. Первая группа была награждена к 7 ноября 1965 года, а вторая — перед самым Новым, 1966-м, годом. Это, как нам сказали, было первое после Великой Отечественной войны вручение боевых наград советским воинам за границей СССР. Ряд моих товарищей были награждены медалями, другие – орденами.

Если меня, увидев награды на мундире, в Москве спрашивали: «Откуда?», я всегда отвечал «оттуда» или «из страны с жарким климатом». Мужчины старшего поколения, в то время почти поголовно прошедшие войну, понимающе жали руку и больше ничего не спрашивали.

Но это было пару раз максимум, когда в работе съезда комсомола участвовал и приезжал в Москву из полка на электричке в парадной форме.

В отпуск я поехал в «гражданке», сразу после госпиталя. Маме, конечно, сказал. А в полку, да и других частях Московского округа ПВО, делиться боевым опытом пришлось неоднократно. Никто нас особо среди своих и не «маскировал», да это и невозможно было – и до, и после нас в свои части возвращались из Вьетнама другие солдаты и офицеры. Другое дело – такое интервью в то время было невозможно в принципе.

— Приходилось ли Вам общаться с американскими ветеранами войны во Вьетнаме? Их отношение к Вам и Вашим боевым товарищам?

— Общаться несколько раз приходилось здесь, в Москве, в последние годы. Это были, в основном, морские пехотинцы и пилоты вертолетов. Ну, с общением с нашими вьетнамскими братьями по оружию это, конечно, не сравнить (смеется).

Из летчиков, совершавших налеты на Северный Вьетнам, довелось встретиться лишь с нынешним кандидатом в президенты США, сенатором Джоном Маккейном. Он, кстати, сам сбитый при налете на Ханой и побывавший в плену, возглавлял на момент нашей встречи комиссию по розыску военнопленных. Надо отдать им должное: американцы уделяют этому вопросу очень большое внимание.

Сам Маккейн запомнился каким-то вальяжным высокомерием по отношению к нашим ветеранам боев во Вьетнаме, собранным на встречу по его просьбе. Его интересовали только слухи о до сих пор якобы удерживаемых в России пленных американских летчиках. Но мы спокойно повторили свои аргументы о том, что никакого смысла вывозить сбитых американских летчиков против их воли в СССР не было. Такие вещи в условиях противостояния сверхдержав были очень рискованными. Все, что было нужно, в плане информации о новой технике и ее боевом применении, от этих летчиков можно было получить прямо там, в Северном Вьетнаме, без всяких ненужных осложнений.

Иное дело, если кто-то из военнослужащих США дезертировал (такие приезжали к нам через Европу) или просто сам по своей воле решил перебраться в Союз, так это их право «свободной демократии».

— Вы побывали во Вьетнаме уже в этом веке, спустя сорок лет. Как относится к той войне и Вашему участию в ней новое, молодое поколение вьетнамцев?

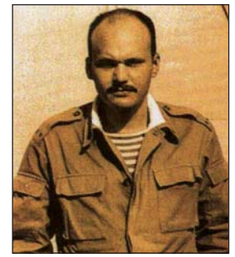
— Старшее поколение относится к нам очень хорошо. Там ведь после объединения страны и победы над мощнейшим противником сначала была общая эйфория, подъем национальной гордости и патриотизма. В этих условиях воспоминания о нашей помощи техникой и специалистами, прямом участии в тех боях были совсем не на первом плане. И это вполне понятно. К тому же, про нас больше знали на Севере, где мы и находились со своими ЗРК и пусковыми установками.

Теперь, после развала СССР, вьетнамцы осознали, что потеряли самого мощного и надежного союзника. Поэтому и молодое, более прагматичное, поколение с интересом расспрашивало нас о тех боях и неизвестных им деталях той войны. Ну, молодые военнослужащие зенитно-ракетных войск ПВО Вьетнама относятся, конечно, с безусловным уважением.

— Теперь, по прошествии более сорока лет, как Вы оцениваете свое участие в тех боях и в становлении зенитно-ракетных войск ПВО Северного Вьетнама?

— Для меня те бои до сих пор остаются самыми яркими событиями в жизни. Я и мои боевые товарищи — и советские, и вьетнамские — участвовали в исторических событиях, ковали победу, в прямом смысле слова. Помочь людям в беде — это благородно. Я всегда гордился тем, что оказывал помощь вьетнамскому народу в борьбе за его независимость и принимал участие в создании зенитно-ракетных войск Вьетнама. За прошедшие сорок с лишним лет я не изменил своих взглядов.

Если меня, увидев награды на мундире, в Москве спрашивали: «Откуда?», я всегда отвечал «оттуда» или «из страны с жарким климатом».



Михаил Евстафьев

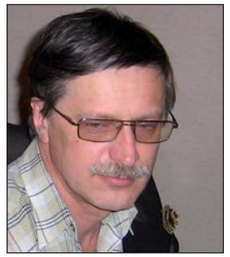
http://artofwar.ru/e/ewstafxew_mihail_aleksandrowich/

Старший лейтенант. Участвовал: Абхазия, Афганистан, Карабах, Приднестровье, Таджикистан, Чечня, Югославия

ПРЕДВЕСТНИК ВОЙНЫ

Декабрь 1994 г. Российские войска стоят на подступах к Грозному. Вместе с Мишей Джапаридзе из «Ассошиэйтед пресс» мы поймали машину. Черную «Волгу». Водитель отказался от нашего предложения оплатить его услуги, сказал, что готов хоть целый день возить нас бесплатно. Нас интересовало, как близко подошли войска к городу. Никто тогда еще не знал, насколько кровавой будет эта война. Боевые действия не начались. Штурм Грозного только прорабатывался. День был мрачный, серый. Моросил дождь. Мы поехали в сторону Владикавказа и через десяток километров наткнулись на вертолет. Он стоял, перегородив дорогу. Сначала даже не поверили. Настолько дико и непривычно было видеть его здесь, среди деревьев, а не в воздухе. По всей видимости, вертушка произвела вынужденную посадку после того, как по ней стреляли из автоматического оружия. Красная звезда на фюзеляже. Вокруг подбитой машины бегали вооруженные люди. Пахло разлитым из баков керосином. Помню, мысль промелькнула: если хоть один курильщик найдется — вспыхнем разом. А где экипаж? Говорят, того, что отстреливался, убили. Других летчиков, двоих, раненых, повезли в ближайшую больницу. Я отснял несколько кадров, и мы решили, что пора сматываться — и взрыв может произойти, и другие вертушки полетят на поиск — тогда тем, кто на земле, не сдобровать. Поехали искать раненых. Нашли в больнице. Там им оказывали первую помощь. Фамилий не запомнил.

Это, пожалуй, был первый предвестник той войны.



Константин Семенов

Родился и вырос в Грозном. Покинул город в январе 1995 года. Живет в Волгограде.
http://artofwar.ru/s/semenow_k_j/

Я прекрасно помню тот день, когда впервые прочитал эти стихи. Мне дал их один знакомый, никак особенно не комментируя, сказав только, что автор провела в Грозном всю первую войну. Мне уже много раз встречались стихи грозненцев, переживших войну, поэтому ожидал я встретить очередное «гремели танки, били самолеты». Но все-таки решил прочитать. Включил компьютер, налил чаю.

Прошло полчаса, остыл забытый чай, в пепельнице полно окурков.

Я буквально оглушен. Война вновь, через столько лет догнала меня и ударила под дых так, что сбилось дыхание.

Стихи написала Татьяна Лифанова. Я не знаком с ней, о чем очень жалею. Наверное, профессионал легко найдет в ее строках многочисленные неточности, ошибки в размере строк и тому подобное. Пусть так. Но мне трудно представить себе человека, которого эти стихи оставят равнодушным. Они буквально рвут душу, не дают отвернуться, спрятаться. А разве это не самое главное?

Стихи многих могут обидеть, в них нет и намека на политкорректность — но ведь и тема далека от лирики. Я тоже согласен не со всеми утверждениями Татьяны, но это и не главное — каждый имеет право на свое мнение. И уж тем более человек, знающий, о чем пишет, не понаслышке.

Я не могу привести здесь все стихотворения. Их слишком много.

Итак, знакомьтесь — Татьяна Лифанова.

Татьяна Лифанова

По дороге с рынка или БТР-74

Бедные мальчики! Как же мы вляпались в эту войну.
Снова на рынке кассета поет о предавшем имаме.
Кто доживет до утра, тот напишет подружкам и маме:
Мол, ничего, мол, прорвемся, до дембеля, мол, дотяну.
Черт ли опять заиграл на враньем полированной скрипке,
Бог ли от нас отвернулся и руки умыл?
Ненависть зреет, как чирей, в еще несмышленой улыбке
И проступает сквозь стены разводами красных чернил.
Что нам, чеченцы, делить? Эту землю, в которую все
— умные, злые, смиренные, гордые — ляжем?
Слякость осенних дождей, не смывающих жирную сажу
С наших угрюмых жилищ? Десять строк на второй полосе
Каждой газеты? Тоску о налаженном быте?
Миру давно надоела драчливая наша Чечня.
Здесь вереница кровавых и страшных событий
Однообразна, как митинги, дождь и стрельба по ночам.
Жалко и тех, и других, но, естественно, жальче родных.
Этим все ж легче — хоть знают, за что умирают.
То есть, считают, что знают. Ни книг, ни газет не читают,
Слушают мулл — стариков
Да старух митинговых одних.
Этим, я вижу, не жаль ни чужих, ни своих сыновей.
На городских площадях им, похоже, живется отлично.
Святость из них так и прет.
Помолиться приятно публично,
Белым платком щегольнуть, да отвагою дерзкой своей.
Как ни крути ты свой зикр, не поделим единого Бога.
Он-то, кто спорит, акбар, да вот суд Его будет каков?
«Я ж говорил: не убий, — может, скажет. —
Вы поняли плохо?
Иблис, наверное, черт, перессорил моих дураков».
Бедные мальчики! Как беззащитны вы в вашей броне!
Холодно в этом железе, и ненависть душу не греет.
Тот, кто покрепче, и тут человеком остаться сумеет,
Кто-то ж бандитом и сволочью станет на этой войне.
Хватит, Россия, кончай, забери нас отсюда, Россия.
Пусть мы тебе не нужны, но ведь ты нам — любая!
— нужна.
Пусть мы вернемся к тебе побежденные, грязные, злые.
Ты нас прими как детей. Ты же знаешь — не наша вина.

* * *

Что ж позоришь-то меня,
Русь-держава?
Ведь крепка ж была броня!
Стала ржава.
Не порядок принесла —
Грязь да «фильтры».
Ты не плачь, Марьям-сестра,
Слезы вытри.
Шесть патронов* — малый грех,
Может, выйдет.
Да за что ж они нас всех
Ненавидят?
Им контрактная печать
Въелась в душу,
И от страха по ночам
Водку глушат.
А Дудаев — не Грачев,
Жди обратно.
Но пацан-то твой при чем,
Непонятно.

**— случаи, когда подростки попадали в фильтрационный лагерь за несколько патронов, обнаруженных в кармане, в самом деле имели место (прим. автора)*

* * *

Опять летит,
Опять бомбит.
За что нам эта жуть?
Мой мальчик сыт,
Мой мальчик спит,
А рядом я сижу.
Наверно, думает, что гром
Над домом прогремел.
А он почти разрушен, дом,
Этаж четвертый — цел.
Как мне бедняге объяснить,
Что просто, без затей,
Пришла отчизна, чтоб добить
Своих больных детей?
Всех тех, кто немощен и стар —
Не выйти за порог.
Кто костылем в дверях застрял,
Упал — и встать не смог.
Кто завалился нагишом
На злом ее пути,
Кто не уехал, не ушел,
Кому — не отползти.
Дрожит холодная кровать,
Последний наш приют.
Когда приходят убивать —
В конце концов
Убьют.
Не этот, так другой удар
Пробьет наш хрупкий щит.
А моджахед из-за угла
«Аллах акбар» кричит.

* * *

Свобода Ичкерии
Разрушен отчий дом,
Сгноили в «фильтре» брата,
Но завоевана! (хоть верится с трудом)
Свобода гордо лечь под палки шариата,
И, застегнув штаны, благодарить потом...

Роини Андрейчук

Майор.
Участвовал: Нагорный Карабах.

ТВОЕ СЕРДЦЕ В ГЕРАТЕ

В куртке, черной от гари,
Братишка, родной,
Наконец-то мы встретились, братик,
Ты вернулся домой, ты вернулся домой,
Только сердце осталось в Герате.

Наш отец, гроб обняв,
прохрипел страшно: «Сын».
За окошком дрожали березы,
И катились и, падая, плавили цинк
Частым градом горячие слезы.

...И, устало вздыхая, «камазы» везли
Хлеб, сгущенку, шурупы и доски
В город сабель и книг,
в город древней земли,
Где жил царь Александр Македонский.

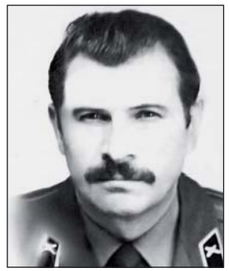
Полыхнуло огнем, и с шипеньем свистит
Пыльной шины пробитая глотка.
Да, не скоро еще за всех тех, кто убит,
Будет выпита русская водка.
На винтовочный спуск вновь нажал Абдулла,
Позабыв о заветах Корана.
Залетает в кабину убийца-пчела,
Что не водится в небе Афгана.

Твой «Калашников» знает работу свою:
В клочья рвет их ремни и халаты.
Эти зерна и жизнь защищают в бою,
Пот, как воду, глотая, солдаты.

Выла, трескалась, в щебень крошилась гора
И плевалась искрящейся смертью.
Пара тонких и острых лучей – трассера –
Подожгли с двух сторон твое сердце.

Но свинец захлебнулся в хлестнувшей крови,
В рукопашной сходились ребята,
А душманы орали: «Живой, шурави!»
И гвоздили в упор автоматы.

1989 г.



Иван Тараненко

Полковник.
Участвовал: Афганистан

ПАРНИ РОССИИ

В темном мареве зорь тает дымка ночная...
И становятся дали прозрачней, ясней.
По тропе полевой я иду, вспоминая
Огневые зарницы афганских ночей.
И мне чудятся вновь над Баграмом раскаты,
Посвист пуль над землей и разрывы гранат,
И белесая пыль на стволах автоматов,
И неясные блики на лицах солдат.
За плечами у вас пролегли километры,
Километры своей и нашей земли.
Вас хлестали в ущельях горячие ветры,
И морозы ночные безжалостно жгли.
А когда пулеметными стаями яро
Вас душманы к земле прижимали чужой,
Перед вами взлетала рука командира,
И гремел его клич: «Ребятки, за мной!
Ребятишки, за мной!»
И вы в грохоте взрывов поднимались в атаку,
А потом на Саланге о том запевали,
Как с любимыми вас разделяют снега.
И земля, как родная, давала вам силы,
Вы ее никогда не считали чужой.
Как и братьев-афганцев, она вас молила
Защитить ее, горькую, верной рукой.
Чтобы был небосвод здесь по-мирному синим,
Чтобы гомон детей стал счастливой судьбой,
Заслоняли надежные парни России,
Как в минувшей войне, сердце друга собой.

Наталья Плотникова

Публикация предоставлена сайтом «Автомат и гитара» http://avtomat2000.com

«ЖИЗНЬ ОПЯТЬ ОКАЖЕТСЯ СИЛЬНЕЙ...»

На затертой, хрипящей кассете, что «приехала» с бойцами из командировки, слышен шум движков БТРа, и на его фоне совсем молодым кажется голос исполнителя: «Нас не встречали розами — что ж, видно, не резон... Стрельбою встретил Грозный, не всем доволен он...»

Сколько их было, таких кассет и таких, навеки оставшихся «молодыми голосами» на пленке, парней в чеченском месиве первых лет войны. И кто знал тогда, что однажды, в кухонной тесноте московской «хрущевки», этот голос и эта песня зазвучат уже для меня...

Командировок на войну в жизни прапорщика московского ОМОНа Юрия Епихина было две. На первую — «сбежал» с порванными связками на ноге — пришлось для этого, не хромая, пройтись и даже сплясать перед начальством, скрипя зубами... Впрочем, у второго номера гранатометчика, вечно «навьюченного» килограммами тридцатью боеприпасов, другого выхода не было — пришлось срочно выздоравливать. Как это случилось, он и сам не понял... Но именно тогда вдруг начал писать песни. По ночам, под фонарем. Мужики сначала злились: «Композитор, туши свет, спать пора!» А потом, вроде, привыкли, никто не мешал, ведь эти песни были слепком их общего настроения, общей судьбы... «И кто все это развязал, откуда знаем мы, лишь ходим вместе каждый день по лезвию войны...»

Однажды, в своеобразной курилке, что бойцы соорудили в расположении, на улице, «композитор» Епихин давал импровизированный концерт. Сюжет понравился работавшим неподалеку операторам «НТВ» и вскоре попал на экраны. А он даже не заметил, что его снимали, — много позже об этом узнал от ошарашенных родных...

«После первой командировки вернулся, захожу в квартиру, мои ничего сказать не успели, — машинально, раз, и в углу распластался... Они на меня смотрят: «Успокойся, ты дома!»

И все же он поехал туда снова. В Гудермесе, сев за руль «УАЗика», накатал без малого пять тысяч километров. Самое тяжелое — с переговорными группами... «Давление на психику было страшное, чеченцы включали свои записи: «Горит мой танк, горю в нем я, а за спиною родина моя!» Наших в машине 6 человек, подъезжаем на встречу, а их машин шесть-семь. Зам. коменданта уходил к ним один, а от них молодой отморозок садился мне за спину, причем у него патрон в патроннике и автомат был снят с предохранителя... Передают сейчас: мол, раньше была война — перед боем положено выпить. Это все ерунда — если выпьешь, только себе хуже сделаешь. После боя — согласен. Вот первый выезд закончился, комбат поставил на стол: «Давайте по маленькой!» Взяли все кружки, выпили, и тут у всех стали руки ходуном ходить...»

Человека, прошедшего недавнюю войну, такие сравнения волей-неволей настигают на каждом шагу. Вот и в развалинах Грозного редко кому не виделась тень Сталинграда. Об этом у Юры даже песня есть, хотя... «Сталинград с грозненской «Минуткой» не идет ни в какое сравнение. Там просто один сплошной завал: противоположный берег Сунжи и президентский дворец, который взорвали, сравняли, потому что многие старались сфотографироваться на его фоне, а там частенько снайперы работали... На поле перед этим дворцом от деревьев буквально ничего не осталось: ствол — не ствол, а не поймешь что, и в земле столько металла...» Он снова берет гитару...

На площади «Минутка»
И днем, и ночью жутко.
Разрывов мин, снарядов
Грохот не смолкал,
Свистели пули ПКТ,
Не умолкал КПВТ —
Запомнят дни и ночи те,
Кто Грозный штурмовал.

Припев:
Есть в Волгограде дом,
Его там «Павловским» зовут.
Таких, как он, мы в Грозном
Насмотрелись там и тут.
Деревья всюду голые,
Лишенные ветвей.
Лишь верится, что
Жизнь опять окажется сильней!

Одарит ротный шуткой:
«Быть может, лишь минутка
От смерти отделяет нас с тобой.
И снайпер может завалить,
Да просто миною накрыть.
Короткий выстрел иль разрыв,
Который будет твой...»

Припев.

От роты — горсточка бойцов.
Остались дети без отцов,
Заплачет чья-то мать, жена.
Тем, кто в живых остался,
Тяжелый труд достался —
«Груз 200» нам до дома провожать.

Припев.

Прослужив в ОМОНе почти семь лет, прапорщик Епихин все же ушел на «вольные хлеба». Без всякого намека на «звездную болезнь» записал два альбома. Но судьбу не обманешь – и как прежде, он мчится к друзьям по первому зову, как прежде, поет для них, а не так давно снова надел форму, придя на работу в Московский кадетский корпус. Не чая души в «своих» мальчишках, он счастлив тем, что может жить, петь и быть нужным людям...

Юрий Родыгин

Мемориал под Симбилеем

Мы привыкли, что памятники ставят людям или событиям. В ознаменование побед. Подвигов. Иногда — страданий. В любом случае, чему-то прошедшему. Но однажды мне встретился памятник будущему. «В честь жертв войн будущих и распрь гражданских и национальных» — гласила выгравированная надпись на огромном стальном кресте, возвышавшемся на холме.

Вениамин Иванович Сомов — так зовут человека, построившего целый комплекс памятников на окрестных холмах в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области около села Симбилей. Строить он начинал в одиночку, продолжил — с сыном. Было это в девяностых годах прошлого века.

Комплекс находится в стороне от дорог. С асфальта виден только один памятник — Александру Невскому.

Неподалеку от него — памятник жертвам русско-японской войны. Это один из первых памятников, построенных В.И. Сомовым. Почти все они имеют ограду и посаженное рядом дерево. Большинство деревьев погибли, оставшись без присмотра. Но эта сосна уцелела. Впечатляет узорчатое православное распятие, стоящее на верхушке простой железобетонной конструкции. Я не знаю, что имел в виду автор, но начало двадцатого века, века машин и конструктивизма, контрастирующее с традиционными религиозными ценностями, которые символизирует распятие, отображено довольно точно.

Следующий памятник — это памятник погибшим в Испании. Представляет собой черную стальную колонну, которую обвивают снизу доверху стилизованные руки из нержавейки поддерживающие чашу. В чаше сделаны языки пламени, над которыми установлена звезда. Раньше языки пламени были раскрашены красным, но сейчас краска практически облезла.

Выше по склону расположен памятник погибшим в войну шоферам. Это круглая бетонная колонна, украшенная в верхней части стилизованной символикой автобата, выполненной объемно на полосе белого металла. Наверху колонны расположена композиция из бомб и снарядов черного цвета, сделанных из газовых баллонов высокого давления. Понятно, что бомбы и снаряды были причиной гибели фронтовых шоферов, и они же были основным перевозимым грузом.

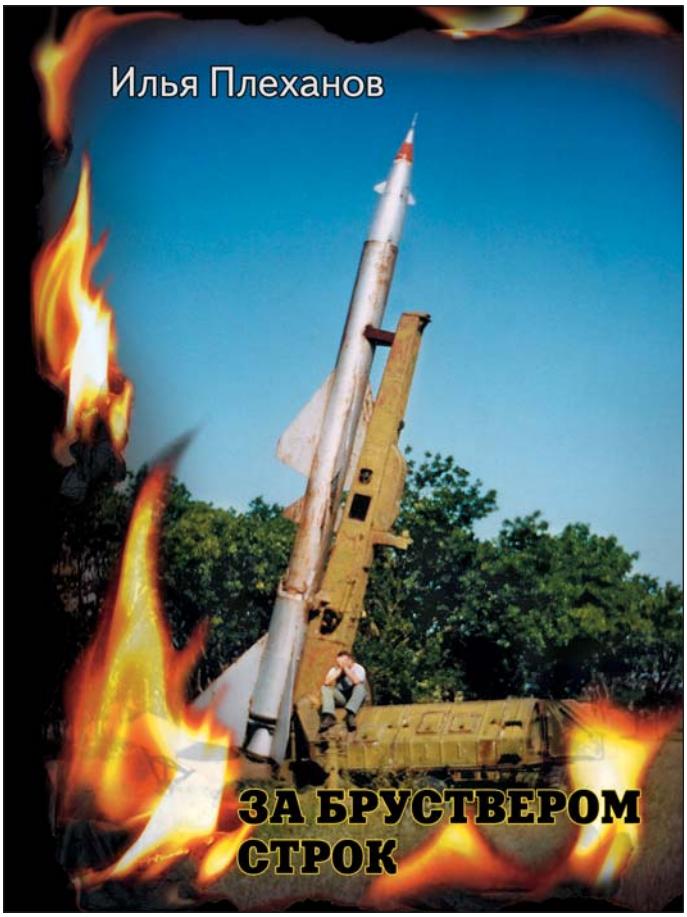
Далее расположен памятник погибшим в финскую кампанию. Небольшая композиция, примерно в человеческий рост, сделана из двух обработанных кусков гранита, установленных на бетонном основании. По форме напоминает рог носорога. Поразительная суровая простота. Ничего лишнего.

Один из самых впечатляющих памятников — это памятник жертвам Афганской войны. На хаотичной куче каменных глыб установлен бетонный постамент из двух призм, на нем — композиция из кованых стальных прутьев. Она одновременно ассоциируется с могильной оградой, развевающимся знаменем и ощетинившимся копьями войском. Черный металл кованых прутьев контрастирует со сверкающим нержавейкой серпом и молотом. Композиция в целом выглядит очень динамичной, рвущейся в небо из глубин развороченной земли. Рядом, в ограде у погибшего дерева есть труба с просверленными отверстиями, которая завывает на ветру. Поскольку на вершине холма всегда ветрено, это жутковатое завывание слышно всем.

Самый масштабный памятник из установленных В.И. Сомовым — «Орлы России». Он воздвигнут в честь жителей Дальнеконстантиновского района, его земляков, погибших на войне. Композиция включает в себя центральную стелу, увенчанную орлом с мечом в правой лапе, колокол из отрезка трубы, подвешенный на сваях, фигуру бойца, бросающего связку гранат, трех орудий, установленных вокруг памятника и бетонного меча с надписью «Для врагов России», лежащего на земле. Памятник был создан вместе с сыном. К памятнику есть один маленький указатель с грунтовой дороги внизу холма. Кто не знает, не найдет.

Многое осталось за кадром. Стальное знамя с вырезанной звездой на треноге, пасека, скульптура льва, из пасти которого бьет родник, наполняя созданный мастером пруд — все это стоит увидеть своими глазами. Вениамин Иванович Сомов, создавший этот мемориал своим трудом и талантом, заслуживает отдельного, более подробного рассказа. А его уникальные памятники должны быть взяты под охрану государством. Ведь, в конце концов, памятники — это не только официоз. Мемориал наглядно показывает, что память народа существует вне зависимости от политики и взглядов начальства.

О КНИГЕ ИЛЬИ ПЛЕХАНОВА «ЗА БРУСТВЕРОМ СТРОК»



Я мало разбираюсь в экзистенциальной тенденциозности и вербальных образах, принятых нынче у современных литераторов. Литературу сегодня принято рассматривать как ремесло, и для подавляющего большинства людей она служит продуктом, средством достижения некоей своей цели – денег, славы, образа жизни — но никак не искусством. Не способом самовыражения и донесения своих мыслей, своего внутреннего мира до мира внешнего. Собственно говоря, мне даже не совсем понятно слово «литератор». Литератор занимается чем? Пишет? Читает? Критикует? Тусуется в окололитературных кругах? Производит продукт?

Так вот, я во всем этом разбираюсь слабо. И не смогу рассказать о литературных достоинствах, вербальных образах и тенденциозности этой книги. Да и Илье Плеханову это не нужно. Он не литератор, слава Богу.

На мой взгляд, есть два вида писателей. Первые создают свои миры путем творчества. Придумывают их, лепят с нуля, создают новую вселенную и заселяют ее новыми людьми. Творят. Возможно, они более близки непосредственному искусству, которое — вещь сама в себе и сама для себя и внешний мир ее интересует мало. Но лично мне такие произведения мало интересны. Потому что я знаю точно: жизнь — наилучший сценарист, и такие сюжеты, которые закручивает жизнь, не способен выдумать ни один самый гениальный человек на земле.

Надо только уметь записывать ходы. Илья Плеханов принадлежит именно к этому, второму типу писателей, которые свою жизнь делают насыщенной событиями настолько, что самое ее описание становится романом.

Честно говоря, такие люди мне больше по душе. Потому что правда, реальность, всегда интереснее вымысла.

И Илья умеет ее, эту реальность, передать. Перенести ее на бумагу. Простой, но, в то же время, насыщенный образный язык рождает в голове картинки, и ты видишь черноту глубины ночного океана и чувствуешь привкус соли на губах, свежий ветер, бьющий в лицо и мощь прилива. Или жару равнинной Чечни, пыль и запах соляры, и горящие в этой пыли наливники.

Его талант многогранен – помимо прозы он пишет и великолепные стихи. Пожалуй, стихи у него получаются даже лучше. Настолько они пронзительны, настолько честны, что пробивает каждое. Я просто знаю, как он их пишет – вынашивает по нескольку дней, а то и недель, пока на выходе оно не взорвется отточенной фразой, абсолютным, стопроцентным попаданием в образ. Тот редкий случай, когда форма и содержание составляют единое гармоничное целое. Да, порой ему не хватает опыта, но опыт приходит со временем, главное же в его поэзии – пронзительность образа, искренность, правда.

Мне нравится его читать. Хотя чтение произведений Ильи — это не развлечение, а работа души.

Аркадий Бабченко

Книгу можно приобрести в магазине «Фаланстер», заказать в Интернет-магазине «Центрмаг» (www.centrmag.ru, тел. 754-33-32) или по электронной почте almanax-war@mail.ru

На II-е полугодие 2008 года на Альманах «Искусство Войны» открыта подписка в «Роспечати» Индекс – 80934

Расценки подписки:

вид доставки	1 месяц	2 месяца	3 месяца
на дом, орг.	84,77 руб.	169,54 руб.	254,31 руб.
до востребования	83,37 руб.	166,74 руб.	250,11 руб.
до квартиры	90,38 руб.	180,76 руб.	271,15 руб.